

следопыт

*Судьба
коллекции
русских икон*

*Клады
разбойника
Рыжанко*

*Где живет
хозяйка
Медной горы?*

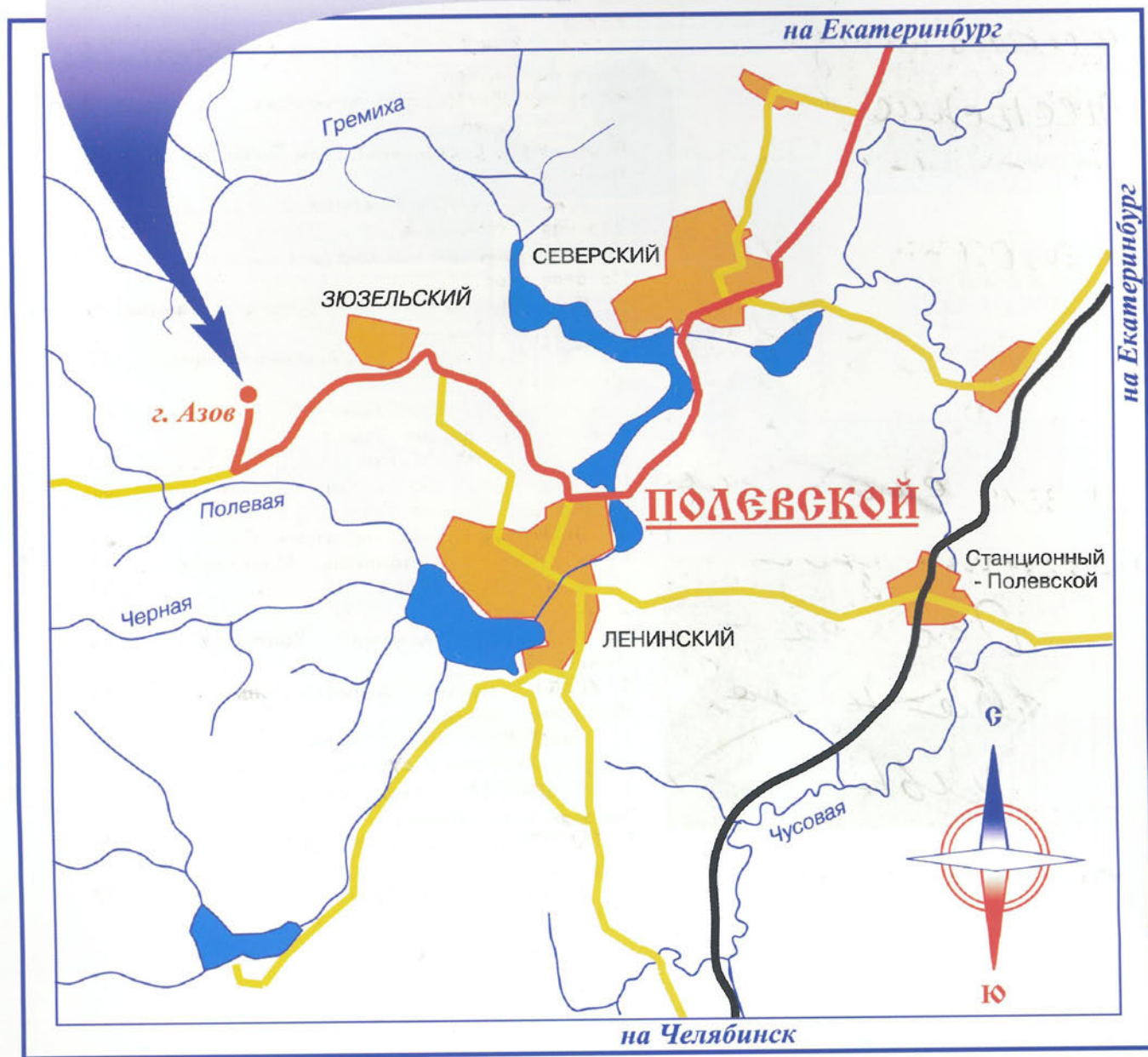

Маршруты Уральского следопыта

Гора Азов - один из самых замечательных памятников природы, истории и археологии в ближайших окрестностях г. Екатеринбурга. Площадь памятника составляет 217 га.

Азов - двуглавая вершина, наибольшая высота - 589 метров над уровнем моря. Она расположена в северо-западном направлении от г. Полевского на расстоянии 8 км от его центра (от Зюзелки - 3 км). С нее хорошо просматриваются леса и горы: главный Уральский хребет с горой Березовой (609 м) на западе, река Чусовая - на востоке, гряды змеиных холмов, пруд и Северский завод - на севере.

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

**«Хочешь
двигаться –
ищи
попутчика»**

РЕКА ВРЕМЕНИ

СТР. 3-32

АЭЛИТА

СТР. 33-62

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СТР. 63-78

В номере:

8"2002

Краеведческая копилка
И. СЕРОВА. «Живая фотография» в Екатеринбурге .. 4
Р. ШУЛЬГИНОВА. Вековая Зюзелка 22
Т. ТИМОХОВА. Еще об оковах ныробского узника .. 25
А. ПИЛУС. «След декабристов» 32

Версия
Р. ХАЙРЯТДИНОВ. «Кочкарское золото партии» 5
Далекое-близкое
Ю. РЯЗАНОВ. Маскарад по-ученому 8
Тропой поиска
В. ИЩЕНКО. Драгоценные вехи Палласа 18
Легенды и были
В. ТРУСОВ. Клады Рыжанко 20
Заочная экспедиция
На Щекуринском проходе 24
По белу свету
О. КОЛОТОВА, О. КОСКИНА. Одержимая дьяволом...26
Портреты
Р. СТОКОЛЯС. Жена и дочь Арсения Несмелова 27

Фантастика
Л. АНДРОНОВА Вода окаянная 35
Современная поэзия Урала
Д. ОДИНОКИХ. Стихи. 45
Л. НАЗАРОВСКАЯ. Стихи. 51
Современная проза Урала
А. ШАТРАБАЕВ. «Не проспять бы...» 34
В. БЛИНОВ. «Ты помнишь, Мальчик?» 47
А. ПАПЧЕНКО «Лит» 53
А ты сумеешь?
М. ЗНАЧКОВ «Конкурс? Конкурс!».....64
Профессия
Т. КРАФТ «Собаки из Джека Лондона».....65
Уральские тропы
Е. ТАМПЛОН «Гора Азов» 68
Добрые попутчики «Уральского следопыта»
Т. СУВОРОВА «Уход дерева».....70
Человек в экстремале
Е. ТАМПЛОН «Урал-Трофи-2002 г.» 72
Наши увлечения
А. ПОЛЕЖАЕВ «Бушуй» 77

Литературный конкурс

«Большие надежды. Уральский следопыт.2002»

Условия участия в конкурсе:

1. Прислать в адрес редакции
  - заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
  - анкету участника (ФИО, адрес, возраст, учебное заведение);
  - копию подписного абонемента, (не менее 6 месяцев в 2002 г.) на журнал «Уральский следопыт»;
  - работы по любой из четырех номинаций (компьютерный набор, лучше всего - текст плюс дискета, или разборчивый почерк).
2. Работы принимаются только от авторов не старше 18 лет.

Номинации:

1. Сказка; 2. Проза; 3. Поэзия; 4. История и краеведение.

Работы принимаются до 1 ноября 2002 года.

Наш адрес: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67. Тел.: (3432) 22-36-62, 22-45-01.

Конкурс «Большие надежды» традиционно привлекает внимание наших юных талантов из различных городов и сел.

За последнее время в адрес жюри были присланы стихи и рассказы из городов Урая и Междуреченска Тюменской области, из Новоорска Оренбургской области, из Усть-Катава Челябинской области, из Североуральска, Новой Ляли, Екатеринбурга, Качканара и поселка Баранчинский Свердловской области. Радует творческий подход юных дарований в освещении краеведческого материала, необычность стиля некоторых прозаиков и поэтов. Первые работы конкурсантов мы начинаем публиковать уже в декабре, победители станут известны в начале следующего года. Время еще есть — присылайте свои работы и побеждайте.

Желаем вам, дорогие ребята, творческих успехов!

Желаем вам победы!

Жюри конкурса «Большие надежды».

РЕКА ВРЕМЕНИ

«Вековая Зюзелка»
«След декабристов»
«Кочкарское золото партии»
«Маскарад по-ученому»
«Драгоценные вехи Палласа»
«Клады Рыжанко»
«На Щекурьинском проходе»
и другие материалы...

С днем рождения, музей!

Случилось так, что первыми, кому показала Хозяйка Уральских гор свои богатства в качестве постоянной выставки, стали иностранцы — участники XV11 международного геологического конгресса из Англии, Германии, Испании, Китая, США, Франции. Был 1937 год, конгресс проходил в Москве. С тех пор выставка выросла до уникального и внушительного музея при Уральской государственной горно-геологической академии. Его коллекция насчитывает ныне около 40 тысяч экспонатов. Таких музеев не много и во всем мире, а у нас на Урале он — единственный.

Каждый из четырех отделов музея и четырех его этажей владеет своими уникалами. Отдел обшей и исторической геологии, например, располагает коллекцией гониатид — древнейших по времени появления головоногих моллюсков, описанных нашим земляком А.П.Карпинским. В отделе кристаллографии и минералогии редкостна коллекция космических пришельцев — метеоритов. Отдел полезных ископаемых может по праву гордиться богатейшими выставками уральской яшмы, малахита, коллекциями золота и платины. Не секрет, что именно на Урале найдены самые крупные в мире самородки платины. Наконец, отдел петрографии и литологии располагает уникальными авторскими коллекциями горных пород, которые наглядно представляют состав некоторых петрологических формаций нашей горной страны.

Очень притягательны витрины минералов, открытых на Урале в XV111 — X1X веках. Их восемьдесят два и все они представлены в музее вместе с именами их открывателей и картой залегания.

Словом, здесь открыто взору то, чем богаты наши недра; мы словно бы в чертогах их Хозяйки.

На многих витринах красуются камни, коих коснулась рука мастера. Их адреса и имена нужно искать не только в сказах Бажова и в исторических книгах. Вот перед нами витрина изделий из кварца нашего современника Николая Николаевича Мирюка. Искусство мастера выразилось подчас в сложнейших сюжетах: девушка, выходящая из лона цветка, ваза с букетом и птицей... Все эти сюжеты выполнены из цельных кусков кварца без применения клея! А говорят, оскудела умельцами уральская земля. (О Мирюке нам поведала смотрительница одного из залов музея жена горного инженера, бывшая учительница Мария Петровна Богданова).

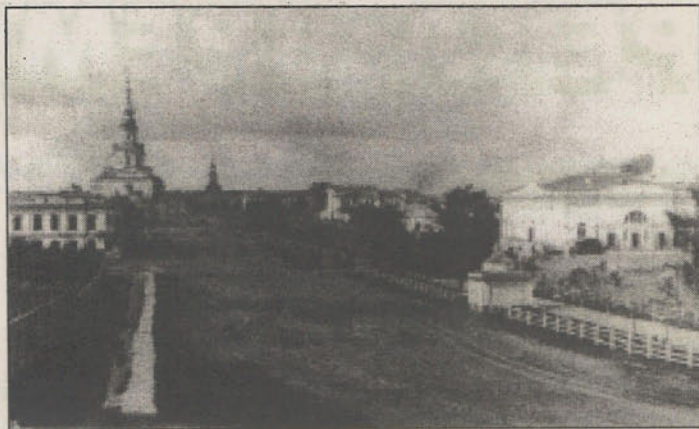
Журнал поздравляет Уральский геологический музей при Горно-геологической академии с 65-летием и желает ему такого же характера, каков он у его крепчайших экспонатов!

*Юний Горбунов
Фото. Е. В. Савенко*

Ирина СЕРОВА

«Живая фотография» В Екатеринбурге

Главный проспект г. Екатеринбурга. Справа — Городской театр (позднее — «Октябрь»). Конец XIX века.
Фото из фонда Евгения Бирюкова. Публикуется впервые.

7 ноября 1896 года (по старому стилю) в Екатеринбурге произошло знаменательное событие, удостоившееся небольшой заметки — без заголовка и без подписи — в «Екатеринбургской неделе», газете «политической и литературной».

«Кинематограф, в первый раз появившийся в нашем городе и демонстрируемый его владельцем г. Маржецким 7-го ноября в городском театре, представляет собой интересное, поучительное зрелище, заслуживающее внимания как поразительное доказательство того, до чего дошел гений изобретательности Томаса Эдиссона».

Здесь следует заметить, что идея «оживления» изображения в конце XIX века носилась в воздухе, и аппарат, способный показывать «живые фотографии», приблизительно в одно время придумали независимо друг от друга несколько человек, в том числе и Томас Алва Эдисон (теперь его фамилию принято писать с одним «с»). Для современников имя Эдисона символизировало технический прогресс. Он был знаменитым изобретателем. Он придумал фонограф, усовершенствовал телеграф и телефон, построил первую в мире электростанцию общественного пользования. И случилось так, что первый сеанс «кинематографа» в Екатеринбурге устроил представитель именно фирмы Эдисона. Хотя сегодня в любом справочном издании по кино можно прочитать, что изобрели кинематограф и устроили первый платный сеанс в декабре 1895 года французы — братья Луи и Огюст Люмьеры. Однако, пальму первенства в этой области истории кино отдали им много позже. В Екатеринбурге агенты Люмьеров появились лишь в 1897 году.

«... Перед зрителями на туго натянутом белом полотне — пишет безымянный газетчик, — происходит ряд сцен из обыденной жизни со всеми их перипетиями: люди идут, экипажи едут, железнодорожный поезд мчится и т. п. Прототип Кинематографа — известный стробоскоп Стамфера — мо-

жет дать учащейся молодежи некоторое, весьма отдаленное, понятие о новом изобретении Эдисона, но между тем и другим такая же неизмеримая разница, как между первоначальной электрической машиной времен Ломоносова и результатами утилизации этой силы природы в наше время».

А далее неизвестный журналист написал прямо-таки провидческие слова. Осознав великое будущее скромного кинематографа 1896 года, он решительно отменил отношение к кино как к низкому балаганному развлечению.

«... Нельзя не пожалеть о том, что г. Маржецкий, сообщая о демонстрировании кинематографа, прибегает к такой широковежательной рекламе. Дело говорит само за себя, и, ставя свой аппарат на сцене нашего театра, нет ни малейшей надобности употреблять гостиннодворские приемы — «не похвалишь — не продашь». Театр не балаган, и изобретение гениального Эдисона не «живая водяная Сирена с острова Месопотамии, предсказывающая почтеннейшей публике настоящее, прошлое и будущее».

К театру автор относится с пиететом. Театр был тогда в городе один, построенный в 1847 году по проекту архитектора Карла Густавовича Турского. Многие поколения свердловчан-екатеринбуржцев помнят его как кинотеатр «Октябрь». Кинематограф обосновался здесь окончательно в 1912 году (после значительной перестройки), когда в Екатеринбурге появился новый театр — на Дровяной площади, известный ныне как оперный. Прежде, чем стать «Октябрем», «кинематограф» поначалу носил название «Городской театр», потом именовался «Колизеем», и, некоторое время, «Красным Уралом».

Равиль ХАЙРЯТДИНОВ, г. Пласт Челябинской обл.

КОЧКАРСКОЕ ЗОЛОТО ПАРТИИ

Не исключено, что золотой запас большевистской партии начал формироваться за несколько лет до прихода к власти большевиков — на базе золота с Кочкарских приисков. Эта гипотеза возникла после анализа деятельности на наших приисках одного из видных партийцев Ф.Ф.Сыромолотова (партийная кличка Федич).

Известно, что Ф.Ф.Сыромолотов за организацию на Урале сети политических кружков и отрядов боевиков преследовался полицией и потому был вынужден эмигрировать за границу. Но в 1913 году он совершенно открыто приезжает на Кочкарские прииски под своей настоящей фамилией. Так же открыто и легально организует и официально регистрирует в уездном Троицке компанию «Сыромолотов и К».

На золотом Кочкаре компания Сыромолотова приобретает один из приисков — таким образом Федич становится золотопромышленником. Кроме добычи золота, компания выполняет заказы на химические анализы геологических проб.

Сыромолотов приехал на Кочкарские прииски после Ленских событий. Расстрел ленских рабочих всколыхнул революционное движение. Вполне уместно предположить, что партия поручила Федичу организовать и здесь аналогичное, а по возможности и еще более крупное выступление населения.

Однако на приисках Кочкарской системы ни до приезда Федича, ни после ни одного серьезного выступления так и не произошло. И если таковое задание все-таки было, значит Федич с поручением партии не справился.

Но проходят год за годом, а Федич с Кочкарских приисков не отзывается. Почему? Только после октябрьских событий 1917 года он уезжает в Москву и его назначают на высокий пост в Народный комиссариат финансов. Резкий взлет в политической карьере может означать только одно — пе-

Организаторы большевистского подполья в Троицке И. С. Шамиурин и Ф. Ф. Сыромолотов. Фото 1929 года.

ред назначением он успешно выполнил задание партии. Какое?

Вернемся к покупке прииска. Компания «Сыромолотов и К» приобрела Покровский прииск у Козицына. Прииск находился не в центре золотодобычи (сегодня это г. Пласт), а на ее окраине. Случайно?

Конечно, нет. Наверняка ставились условия: чтобы прииск находился в стороне от посторонних глаз и отмечался стабильной добычей благородного металла. А на Покровском при прежнем хозяине ежегодно намывалось до десятка килограммов золота, а в иные годы и более.

При новом хозяине за пять лет в государственные банки не сдано ни грамма золота. В ежегодных сводках окружного инженера (г. Миасс) и Совета золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний (Кочкарь, т.е. г. Пласт сегодня), графа «Сыромолотов» или отсутствует, или в ней стоит прочерк. Вдруг исчезло золото? Едва ли. Делая свое предприятие убыточным (фиктивно), хозяин уклонялся от дополнительных налогов с намытого

золота да и сдавать его государству он, по-видимому, не намеревался.

В 1914 году началась первая мировая война. Курс российского рубля начал резко падать. Происходило то же самое, что чувствуем, как говорится, на своей шкуре все мы в настоящее время. Добыча золота становится нерентабельной, многие золотопромышленники разоряются и вынуждены закрывать свои предприятия.

На этом фоне любопытно познакомиться с частным письмом К.Е.Пушкарева (хранится в музее г.Пласта). Константин Ефимович в интересующую нас годы работал главным маркшейдером во французской компании, которая называлась «Анонимное общество Кочкарских приисков». В своем письме Пушкарев сетует, что на приисках идет тайная скупка золота. Рабочих и старателей встречают из шахт и золотоизвлекательных фабрик и покупают у них не только самородки, но и колчедан (пирит, халькопирит), в которых также есть определенное количество золота.

Вновь возникают вопросы: кто скупал «левое» золото? Кто имел наличные деньги, чтобы купить золото по цене выше государственной? И главное — какова цель покупок этого золота в нестабильное время?

Прямых ответов на эти вопросы нет. Но рождается предположение, что деятельность фирмы «Сыромолотов и К» заключалась именно в «собирании» золота для большевистской партии.

Оппоненты могут возразить: где документы, веские доказательства? Надеюсь, со временем они будут найдены. Однако следует учесть, что в советский период самыми страшными преступлениями считалась измена Родине и подрыв экономической системы, в том числе кража золота. Сроки наказания за эти виды преступлений превышали даже сроки за убийство. На этом фоне государству (читайте — партии) было невыгодно выставлять напоказ, пусть даже и в героическом свете, свое чисто уголовное прошлое.

Нам известно, что на усадьбе А.П.Воронкова «Пчельник» периодически происходили встречи хозяев с Ф.Ф.Сыромолотовым. Федич вел здесь доверительные беседы на политические темы. Возможно. Но не исключено и то, что золотопромышленники Воронковы могли от отчаяния, не зная, как рассчитаться со своими рабочими за добытое золото, или из дружеских побуждений, принять предложение Федича — продать ему золото за наличные по более высокому курсу и при этом не обременить себя налогами.

Приведем цитату из брошюры «X111 местный

съезд золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губернии» (1-4 марта 1916 г. в Кочкаре):

«...Государственный Банк цену на золото зафиксировал по цене 7 р. 50 коп., но товара по такой цене не нашлось, так как в этот момент частные банки уже давали 8 рублей за золотник, и уральское золото потекло мимо казны, а может быть, и мимо России. В прошлом году Германское правительство уплатило Северо-Американским Штатам 24,5 тонны золота, доставленного якобы из Китая. Из каких «рудников» брал Китай золото и какие «промышленники» работали там, догадаться не трудно. За последнее время вся организация скупки золота немецкими и австрийскими тайными агентами выяснена... Операция скупки была проста, пробы были изучены раньше...» (брошюра хранится в архиве музея г. Пласта).

Если сопоставить факты из этой цитаты с письмом упомянутого К.Е.Пушкарева, то можно предположить следующее:

- на деньги партии большевиков покупается специально один из отдаленных приисков Кочкарской системы;

- «хозяйном» этого прииска становится опытный и проверенный человек партии;

- компания «Сыромолотов и К» занимается помимо прочего не столько химическим анализом геологических проб, сколько химическим извлечением золота из колчеданов;

- золото, добытое на Покровском прииске и тайно скупленное на других приисках, поступает в партийную кассу.

Именно за эту, блестяще проведенную операцию, Федич и отзывается в Москву на высокий пост.

С механизмом скупки золота в этот период можно познакомиться в художественной книге П.И.-Федорова «Синий Шихан», тем более, что события происходят на Южном Урале и именно на золотом Кочкаре.

Но вернемся к Федичу. Одному с таким объемом работы, конечно же, невозможно было справиться. В воспоминаниях А.Б.Вдовина (участник гражданской и Великой Отечественной войн, полковник в отставке) говорится, что самая большая ячейка большевиков на Кочкарских приисках находилась именно в расположении прииска Сыромолотова. В книге П.М.Герасимова «Федич» также говорится, что на прииске под видом рабочих скрывались от полиции функционеры партии большевиков. Скорее всего, это и были «подельники» Сыромолотова. Один из них неплохо просматривается — это Дмитрий Яковлевич Одинцов (псевдонимы: Рабочий, Дмитрий Донцов, Д.С., Д.Джеко и др.). В

архиве музея г. Пласта хранится телеграмма 1918 года из Москвы в Кочкарь (Пласт). Федич требует срочного отъезда Одинцова из Кочкаря в Москву. В последующие годы эта фамилия неоднократно встречается в списках, протоколах различных совещаний по золотой промышленности, как представителя наркомата финансов.

Не ясна до конца и роль самого автора книги «Федич» Петра Михайловича Герасимова. Известно, что он из местной довольно крепкой казацкой семьи. Закончил Оренбургское Неплюевское училище. Владел несколькими иностранными языками. В первые годы советской власти работал переводчиком в Кочкарь-золото, так как и при новой власти здесь обретались иностранные специалисты. Далее П.М.Герасимов — в администрации (приисковое правление), а затем головокружительная карьера: Москва, Кремль, свояк самого Г.Маленкова (жены Герасимова и Маленкова родные сестры). Не исключая деловую связь между Сыроломолотовым и Герасимовым еще до 1917 года.

Читатели, возможно, спросят, где большевики брали деньги на закупку и для какой цели?

Как известно, партийная касса пополнялась из личных взносов и взносов различных меценатов, таких, например, как крупнейший фабрикант Морозов. Кроме этого, партия не брезговала терактами. Например, на Южном Урале было совершено ограбление почтового поезда у города Миасса, была похищена огромная сумма денег. Аналогично действовал и легендарный Камо. В свое время как абрик (так на Кавказе называют разбойников) отличился и сам Коба (Иосиф Сталин). В память ему осталась сломанная кисть руки, которую Сталин чаще всего прятал за полу кителя.

На эти деньги партия выпускала газеты, устраивала съезды и т.д. С началом первой мировой войны курс рубля начал резко падать. За рубежом стали отказываться от российского рубля. А там проживали не только В.И.Ленин с супругой, и нужно было рассчитываться за проживание, частые переезды партийных функционеров. Вот и выручала международная валюта — золото, которое тайно скупалось на Кочкарских приисках, а возможно и в других золотодобывающих регионах Российской империи.

Золотодобыча на Кочкарских приисках. Картина А. Тумбасова.

Юрий РЯЗАНОВ

МАСКАРАД ПО-УЧЕНОМУ

(из воспоминаний коллекционера)

Телефонный звонок раздался в редакции многотиражной газеты как всегда неожиданно.

Владелец приятного мужского голоса с богатыми бархатными переливами спросил меня и представился:

— Григорий Владимирович Ермолин, из Москвы, кандидат наук. В вашем городе нахожусь в командировке по сбору материала для докторской диссертации.

(Фамилия, имя и отчество героя нашего рассказа мною слегка изменены).

— И какой же материал заинтересовал вас в нашей газете? — полюбопытствовал я.

— Меня заинтересовала не ваша газета, а вы лично. Дело в том, что я ваш коллега по увлечению иконами. Но собираю не все, а лишь произведения древней русской живописи. И определенно периода. Следовательно, у нас могут найтись точки соприкосновения интересов.

— Если вы имеете в виду продажу икон, то сразу заявляю: иконами не торгую. Принципиально.

Последнее слово я акцентировал, произнеся его по слогам.

С моими принципами собеседник охотно и как-то поспешно согласился, добавив, что и сам не занимается торговлей иконами.

— Но обмен вы признаете? — осторожно спросил он. И, получив положительный ответ, продолжил — ровно и благожелательно:

— У меня как раз есть кое-что стоящее. На обмен. Вы что предпочли бы получить?

И без всякой паузы продолжил:

— Впрочем, это не телефонный разговор. Может быть, вы найдете возможность встретиться со мной? Я к вашим услугам...

Григорий Владимирович, не ведая того, какговорится, попал в точку. Именно в тот момент мною была скомплектована (из своего собрания) партия икон для облюбованного мною сибирского музея, который согласился открыть экспозицию древнерусской живописи. Я отобрал с десятков далеко не худших произведений, изготовленных в XVIII-XIX веках, но мне хотелось украсить их хотя бы одной «изюминкой». Под «изюминкой» предполагалась ико-

на мастерского письма, лучше подписная, либо датированная, и не позднее XVII века.

Я и так согласился бы ознакомить московского коллекционера (столичный собиратель!) со своими шедеврами, ведь поучительно услышать мнение кандидата исторических наук! Не часто такое случается.

На этом мы и распрощались. Разговор не вызвал у меня никакой опаски или подозрений. Наоборот, беседа с обладателем приятного баритона да вдобавок еще и кандидатом исторических наук несколько вдохновили меня, и встреча с московским знатоком казалась желанной, неожиданной удачей.

Следующий звонок телефона застал меня дома и в не совсем полном здравии. Моя заинтересованность, подогретая дешевеньким портвейном, приняла несколько преувеличенную форму и слишком эмоциональную окраску. Но, в общем, я оставался вполне искренним и еще раз пригласил ученого ко мне в гости, уверив, что он об этом не пожалеет. Радужие мое лилось явно через край стакана.

Я вдруг без труда убедил себя, что новый знакомый поможет мне скомплектовать достойный подарок избранному музею: новый глаз — свежее виденье. А дар музею — дело ответственное, всякую ерунду и хлам в него не потащишь. И хотя к этому времени у меня познания иконы понемногу накопились, все же я осознавал, что разумею в древнерусской живописи еще весьма слабо. Главное препятствие — отсутствие вспомогательной литературы. Никаких учебников, доступных печатных трудов. Даже в библиотеках. А осмыслить и понять иконное искусство самостоятельно казалось не по зубам.

Иконы мне просто нравились. Как зрителю. Но проникнуть их суть, их тайный для меня смысл хотя бы с теологической стороны, было недоступно, потому что считал себя (и в самом деле был) убежденным атеистом. Не только никогда не веровал в Бога, но охотно, о чем сейчас сожалею, сотрудничал с атеистическими изданиями, публиковал временами заметки о «бреднях, попавшихся в паутину религии». Икону я видел только как художественное произведение, отдельно от учения, по-

родившего и питавшего ее. Для меня вопрос — есть ли Бог или его нет — был с детства решен однозначно. Так что, когда через несколько лет карательные органы принялись навешивать мне «распространение религии», я был удивлен несказанно. Следователь Григорий Анатольевич Топоров (имя, отчество и фамилия несколько изменены), правда, тонко разъяснил, что религию (христианство) я распространяю не словесным путем, а, даря и обменивая иконы, то есть не громогласно агитирую, а втихаря, спрятавшись за бытовые ширмы.

На этом я прерву нашу беседу со следователем и вернусь к приятному знакомству со столичным ученым-историком, которое вселило в меня столько радужных надежд. Впрочем, еще одно отступление.

За семь лет до списываемого мною события я случайно, точнее, в служебной командировке в небольшом городке Челябинской области, обнаружил своеобразный клад. Дело было... в бане. Разомлевший после парной, я вслух восхитился новыми скамьями и шайками, умело сработанными из превосходного, белого, без единого сучка дерева, похоже, липы.

Абориген, сидевший рядом, откликнулся на мою похвалу:

— Из добротного материалу сделаны, из икон...

— Как — из икон? — удивился я.

И словоохотливый карабашец со знанием дела поведал: когда местные начальники года четыре назад закрыли церковь, то «все барахло» — многие иконы и прочее — ликвидировали. Тряпки сожгли, «все железяки» (т.е. утварь, оклады, иконы и т. д.) сдали в утильсырьё. А оставшееся перевезли на склад горкомхоза. Там все и лежало несколько лет, пока кому-то из хозяйственников не пришла в голову мысль употребить иконы «для обчей пользы».

— Иконы те добрые были, баские, большие и мелконькие. Вот их на баню и пустили, всю кучу. Потому шайки да скамьи тоже баские получились — материал-то выдержанный, не то, что сейчас. И через сто лет не рассыплется. Спасибо Федорычу, постарался на славу...

Меня откровения аборигена поразили. Побывав недавно в московских музеях, я подолгу любовался произведениями древнерусской живописи, можно сказать, открыл для себя прекрасное искусство мастеров прошлых веков. И вдруг — такое... Если карабашские иконы были такие же «баские», то есть красивые, как те, коими я любовался в московских музеях, то зачем же их было уничтожать? Неужели ради вот этих скамеек? И я, на всякий случай, уточнил, где находится горкомхоз.

То, что я узнал на следующий день, зацепило, как говорится, за живое.

Спас нерукотворный, фрагмент.

XVII (?) в., конец- начало XVIII в.

Музей г. Петропавловска-Камчатского. Дар.

В редакции городской газеты мне удалось выспросить некоторые подробности той антирелигиозной акции. За уточнениями я тут же обратился к одному ответственному «товарищу» из горкомхоза, который несколько лет назад принимал непосредственное участие в «ликвидации» церкви. Все свершалось, оказывается, «по закону», по указке более высоких инстанций из области. Получалось, что в самом Карабаше никаких виновных в самовольстве не было. Расследование предстояло продолжить в Челябинске. Но появилось сомнение, удастся ли мне что-то раскопать. Решил все же попытаться.

И вот я сидел в чиновничьем кабинете напротив упитанного, с холеной, в моем понимании, барской физиономией субъекта, который вальяжно, откровенно снисходительно беседовал со мной. Моя журналистская дотошность не нравилась ему, но поскольку он мнил себя неуязвимым, то и не стал препятствовать встрече моей с работниками склада, где мне был оказан самый радушный прием.

Неожиданно выяснилось, что несколько икон, кажется, уцелели: помешали метелки. Обычные метлы из прутьев — под ними оказались погребенны несколько икон. Их просто поленились извлечь из-под завала.

— А что, если их сейчас из-под этих метелок достать? — напористо поинтересовался я.

— Это невозможно. Видите, сколько их?

Я видел: гора в два человеческих роста.

— У меня рабочие делом заняты. Нет никого...

— Давайте, это сделаю я сам, — вырвалось у меня.

— Да что вы, — ухмыльнулся начальник. — Тут неделю вкалывать.

— А если по-стахановски? — подначил я. — За одну смену?

— Ничего не получится.

— Давайте, на спор. Что добуду — то мне достанется.

Заведующий нехотя согласился, не веря в успех моей «стахановской» вахты.

Чтобы не утомлять читателя, скажу лишь, что весь следующий день с раннего утра я разгребал метелочные залежи. И, хотя на дворе стоял зябкий конец октября, мне быстро стало жарко: сначала пришлось скинуть пальто, за ним — пиджак, и в одной рубашке, мокрый, я «вкалывал» целый день — без перерыва на обед.

Зав. складом уже намеревался запирать свои закрома, когда я добрался-таки до торцевой стены, к которой и были прислонены три большие иконы, приблизительно метр на семьдесят сантиметров каждая. Репродукция одной из обнаруженных икон («Богоявление») опубликована вместе с описанием в № 10 журнала «Уральский следопыт» за 1991 год, вторая («Богоматерь Тихвинская») передана мною безвозмездно в Свердловский областной краеведческий музей.

Рассказываю об этих иконах, потому что среди них находилась та, которой впоследствии решил обогатить Тюменскую картинную галерею. Вообще-то, для этого музея мною было отобрано более десятка живописных произведений, не считая древних русских книг кириллической печати, и я был от души благодарен тюменцам, что они согласились принять их. (В скобках отмечу, что многие музеи страны отказались брать мои дары, объясняя это скудным метражом экспозиционных площадей, перегруженностью фондов, либо непрофильностью своего учреждения, а многие вообще игнорировали просьбы и упорно не отвечали на письма.)

Почему я обращался с подобными просьбами к музеям? А где еще тогда можно было найти более надежное место для хранения исторических и художественных ценностей? Правда, сначала я

охотно раздавал иконы, которые удалось спасти от гибели, коллекционерам. Тем, кто соглашался заняться собирательством именно произведений древнерусской живописи, я дарил хорошую и по качеству исполнения, и по физическому состоянию, икону — для начала, в основание будущей коллекции. Некоторые, да что там — некоторые, многие, сообразительные нумизматы, филателисты, бонисты и прочие охотно вроде бы «переквалифицировались», соглашаясь заняться этим видом собирательства, и еще более охотно принимали от меня подарки. Разумеется, я понимал, что многие меня обманут. Но на такие затраты стоило пойти, хотя бы ради тех немногих, кто заинтересуется древнерусским искусством по-настоящему. Но большинство клявшихся тут же сбгивали иконы за гроши таким же спекулянтам, которыми оказывался приблизительно каждый второй из посетителей клуба.

А ко мне незаметно подключились «коллекционеры в штатском», которые, как выяснилось, не верили ни единому моему слову, а подозревали в чем-то криминальном. Многие мои знакомые, особенно священники и другие служители церкви, прерывали со мной отношения. Дело в том, что именно в складах церквей и моленных домов и были сосредоточены в основном те запасы «непригодных» икон, которые я получал взамен на «годные» и религиозную литературу. Поскольку я не скрывал, от кого и откуда получаю свой «материал», чтобы меня нельзя было обвинить в скупке краденного и отправить на стройки коммунизма. Я принял за правило сообщать тому, кому передавались иконы, где и у кого они были приобретены. Если икона куплена, то сообщалась сумма, причем, если я даже продавал предмет или обменивал, стоимость никогда не превышала моих материальных затрат. Но «коллекционеры в штатском» во время проверок моих данных намекали или в открытую говорили, что я их агент и проверку они проводят по моему заявлению. И это «мероприятие» дало сверхположительные результаты против моего крамольного «распространения религии». Проводились и другие акции, правда, не всегда удачные, однако, несколько раз моя судьба колебалась на чаше весов, готовых вот-вот перевесить в сторону учреждения, в котором меня предстояло подвергнуть суровому «перевоспитанию».

Через несколько лет, приблизительно в 1977 году, я вынужден был прекратить собирательство, потому что понял: очередная попытка карателей может завершиться успехом, и на моей судьбе будет поставлен крест.

У меня осталась лишь возможность передать коллекцию в музей. И ставить при этом одно-единственное условие постоянного экспонирования да-

ров. (Впрочем, ни один музей не выполнил этого пункта дарственной, кроме музея — теперь, к сожалению, бывшего, — журнала «Уральский следопыт».)

Вот почему хотелось найти что-нибудь стоящее, что по-настоящему обрадовало бы и их, истинных знатоков и ценителей.

Именно такую возможность я и видел в предстоящем визите ко мне столличного ученого.

Григорий Владимирович оказался невысокого роста, средних лет, худощавым, очень обыкновенной наружности. Какой-то, я бы сказал, затрапезной внешности. Ученость его подтверждал лишь неотъемлемый атрибут — очки в модной оправе.

И все равно я быстро пришел в восторженное состояние — от своих же пояснений того, что было развешено по стенам. Меня не отрезвило даже то, что гость весьма сдержанно обозревал мои шедевры. Иногда, вероятно из вежливости, соглашаясь со мной.

— Эта, совершенно определенно, девятнадцатый век. Эта написана чуточку раньше. Неплохое профессиональное письмо, ширпотреб для людей среднего достатка. Эта же близка к примитиву. Так называемое народное творчество.

Несмотря на столь скупые оценки моей коллекции, меня радовало уже то, что Григорий Владимирович, видимо, пытался объективно смотреть на экспонаты, не унижать корыстно их достоинств, не вводил сознательно в заблуждение и избегал комплиментов.

Не меньше радовало и то, что он не употреблял пошлых и уничижительных, набивших мне оскомину коллекционерских жаргонизмов, словечек, вроде «девятнашка» (девятнадцатый век), «восемнашка», «мамка» (Богоматерь), «старик» (Саваоф), «долбаны на полях» (святые на полях), «рыжье» (сусальное золото) и т.д. и т.п. Сразу видно было, что человек относится к иконе серьезно, с уважением. И вообще — интеллигент.

Ни на одной «доске» Григорий Владимирович не задержал взгляда дольше, чем на других, но ментально-внимательно осмотрел все.

Это, конечно же, несколько задело меня: не-

Троица Ветхозаветная, XIX век. Невьянская школа. Подарена в Свердловский областной краеведческий музей.

ужели во всей коллекции нет ни одной достойной вещи? Или у него столь высокие требования?

Единственное, что я заметил: он старался рассматривать иконы так, чтобы я не видел, не уловил выражения его глаз. Но я отметил, что взгляд у него цепкий, стремительный, как бы проникающий или фотографирующий. «На то он и ученый, чтобы видеть все четко, быстро, охватно», — объяснил я себе эту особенность гостя.

— И что же вы хотите предложить областному музею? — поинтересовался он.

Я охотно показал:

— Вот эту, эту, еще вон ту...

В общем, продемонстрировал свой будущий дар.

— Что ж, для провинциального музея неплохо.

Эти слова я воспринял как одобрение и признание ценности экспонатов.

— У них, вероятно, ничего из предметов древнерусского искусства нет, — почти утвердительно произнес он.

— Вы угадали. Это и подвинуло меня обратиться к ним с такой просьбой. Слава Богу, не отказали.

— Вы верующий? Бога поминаете...

— Да что вы, это так, к слову пришлось. Никогда в Бога не верил. Для меня иконопись — художество.

Гость понимающе покивал головой, а я на радостях предложил выпить.

— В честь знакомства. По маленькой. Закусить тоже найдется.

— Извините, я не употребляю алкоголь. Честно признаюсь: здоровье не позволяет. Уж будьте настолько милостивы...

— Да что вы, я лишь предложил, — смутился я, не ожидая отказа, тем более, что все необходимое находилось на столе, а непьющие гости мне дотоле почти не встречались. Да и сам я уважал Бахуса.

В это мгновение наши глаза встретились, впервые за весь вечер. И я почувствовал, ощутил, насколько сильный и даже пронизывающий взгляд у этого человека. Признаться, довольно редко мне приходилось сталкиваться и беседовать с такими людьми.

Таким пронизывающим взглядом обладал, как мне запомнилось, следователь, который «вышибал» из меня признания, когда я попался с несколькими такими же оболтусами — на хищении халвы из магазина. И хотя на самом деле мое участие в этом злодеянии ограничивалось лишь «общим пиршеством», следователь невыносимыми избиениями принудил меня подписать длинный список ранее кем-то совершенных и нераскрытых краж. В результате, как несовершеннолетнему, мне дали всего пятнадцать лет исправительно-трудовых лагерей, где я занимался ударным трудом и активно «строил коммунизм» почти четыре с половиной года. За что меня и освободили досрочно.

Со временем многое забылось, но глаза следователя, добывавшего признание служебными сапожищами, изредка вспоминались, в особо опасные минуты.

А сейчас-то чего они всплыли?

— Простите, я лишь уточню время отправления моего поезда, — произнес гость, достал хромовое портмоне с ажурными металлическими угольниками и отгиснутыми золотом двумя львами, извлек из него удостоверение кандидата наук и железнодорожный билет.

— Совсем заговорился: в двадцать один двадцать по Москве. Извините, у меня почти не остается времени. Придется брать такси. Давайте, условимся так: я вам позвоню из дома, и мы обо всем договоримся. Хорошо?

Мне ничего не оставалось, как согласиться. И мы распрощались. Я — с большим сожалением.

Ладонь у кандидата наук оказалась узкой и не сильной. Ему явно не пришлось, как мне, махать кувалдой, загоняя стальные клинья в мерзлую сибирскую землю. Он, и это видно, потомственный интеллигент. (В скобках замечу, что напрасно тогда я думал о кувалде в прошедшем времени: через несколько лет всего, выпинаемый отовсюду, куда ни поступал работать, я снова вынужден был добывать хлеб насущный таким же инструментом.)

Проводив гостя, я осушил бутылку (не пропа-

дать же добру) и стал перебирать в памяти наиболее яркие моменты нашего общения. Явно не понравилась мне его манера двигаться: он как бы бросался от иконы к иконе, вонзаясь в них взглядом. Но я подавил в себе неприятное чувство, объяснив: каждый человек движется по-своему. Возможно, кому-то очень не по нутру и мои телодвижения. А появление следовательских беспощадных глазищ я вообще ничем объяснить не мог, они мне и раньше ни с того, ни с сего даже во сне виделись. И этот жуткий мираж будил меня среди ночи. Однако неудовлетворенность не растворялась. Встреча получилась какой-то скомканной и зияла недоговоренностями, случайными или преднамеренными. И в целом Григорий Владимирович во многом для меня остался загадкой. Виной всему, объяснил я себе, — недостаток времени. Потому что он человек очень занятый — докторская диссертация, это тебе не репортаж со встречи ветеранов трамвайного депо.

Вот только так и не узнал, на какую тему готовится им диссертация. Здорово, если на древнерусскую.

И лишь один эпизод заставил меня основательно задуматься: условие в письмах и телефонных разговорах не употреблять слов «икона» и «оклад». Гость объяснил эту предосторожность слишком пристальным любопытством «органов» к коллекционерам и их собраниям.

— Мне не хотелось бы подвергать вас какой-либо опасности, даже мизерной, — с достоинством произнес он.

И тут меня дернуло за язык сказать, возможно, роковую, фразу:

— Я тоже предпочитаю не давать им никакого повода, никакой зацепки. И вообще, опасуюсь с ними встречаться. Испытав на своей шкуре, какими методами они пользуются.

— Поэтому, береженого Бог бережет, гласит мудрость народная, — мягко произнес Григорий Владимирович, но зрачки его серых глаз уперлись в меня, как два острых штыря-«заточки».

Я отметил для себя: за всю встречу он ни разу даже слегка не улыбнулся. «Сурьезный» товарищ. Одним словом — ученый.

Черeda дней промелькнула в рабочей суете стремительно, словно единый миг. Как-то некогда было даже вспоминать о Григории Владимировиче и встрече с ним, хотя иногда его облик возникал в моем воображении.

И вдруг затрещивал телефон. Утренний, девятичасовой звонок. И я опять услышал приятный спокойный голос Григория Владимировича, по которому, признаться, соскучился.

Московский знакомый, как бы между прочим поинтересовался, смогу ли я приехать в первопре-

стольную в ближайшие дни. Я, разумеется, с готовностью откликнулся. Тогда последовало предложение захватить с собой «собрание сочинений в новых белых переплетах» — он решился отдать мне взамен «сочинения Павлова в одном большом томе».

— Не многовато ли будет: пятитомное собрание за один, пусть и большого размера, — усомнился я вслух. А про себя подумал: «Пять превосходных икон в серебряных окладах, некоторые из них с эмалевыми разноцветными венцами и наугольниками, золоченые. За них я расплачивался месяцами, и за одну... Что же это за шедевр у него?»

— Эта книга — семнадцатого века, а некоторые специалисты утверждают — даже шестнадцатого, — уверенно и спокойно произнес телефонный собеседник.

Я в нерешительности молчал. Почувствовав заминку, Григорий Владимирович спокойно продолжил:

— Несомненно, такая книга украсит экспозицию любого, даже столичного музея.

Этот аргумент окончательно меня убедил.

— Чуть было не запамятовал, — добавил собеседник, вероятно, поняв, что я согласен на обмен, — захватите еще небольшую книгу с множеством авторов. Такая потрепанная, помните? В ней десяток страниц не достаёт...

Тогда в моей коллекции имелись три Минеи — две месячные и одна годовая. Месячные по многим признакам датировались восемнадцатым веком, а последняя, подарок священника отца Владимира из города Катав-Ивановска, была привезена весной, и я еще не успел в ней разобраться. Вроде бы, письмо восемнадцатого века. Возможно, начала.

— Не пойму, о какой идет речь, — усомнился я.

— Две одноименные книги у вас восемнадцатого века, а одна, плохой сохранности — девятнадцатого, вероятнее всего, конца. О ней речь. В ней двенадцать глав, но многие листы вырваны... Рядовая девятнашка...

Не вызывало сомнений, что Григорий Владимирович имел в виду Годовую минею, но какая же это «рядовая девятнашка»? Последнее слово резануло по ушам, как оплеуха. Оно было из лексикона барышников.

— Книга находится в очень ветхом состоянии, ее придется отдать в переплетную мастерскую. Чтобы она совсем не рассыпалась, — продолжал спокойно и уверенно убеждать Григорий Владимирович.

Минея годовая, действительно, имела много утрат, но крохотные фигурки были написаны миниатюристом, их насчитывалась не одна сотня, этих фигурок. Мне столь искусная «микроскопи-

ческая» работа за все годы встретила впервые. И ничего подобного я нигде никогда не видел.

— А ее за что, за какую книгу? — по-деловому продолжил я разговор.

— Обо всем этом мы переговорим на месте. Когда вы к нам приедете, — ушел от прямого ответа собеседник. И тут же добавил: Все условия мы вам создадим: выделим комнату для ночлега, питание, само собой разумеется, и все прочее. Наш дом вы найдете легко.

И он подробно растолковал, от какого вокзала на каком номере автобуса до нужной остановки добраться и даже продиктовал номер домашнего телефона. Чтобы известить о своем приезде.

Перед тем, как положить трубку, он задал мне вопрос:

— Вы согласны на предложенный обмен?

— Григорий Владимирович, я ведь не видел вашу (чуть не проговорился — икону) книгу. Вдруг она окажется совсем не тем, что я ожидаю и что мне хотелось бы...

— Даю вам честное слово ученого: все, о чем я вам сказал, соответствует действительности. Все проверено и перепроверено. Книгу смотрели известные ученые искусствоведы.

— Если это так, то я, конечно, согласен на обмен, — произнес я роковые для себя слова.

— Тогда мы вас ждем. Не забудьте захватить все, что оговорено в условиях. До встречи.

И он повесил трубку, а я еще какое-то время слушал короткие гудки.

Некое смутное впечатление осталось у меня от этого телефонного разговора. О чем-то Григорий Владимирович ловко умалчивал, а более подробно расспрашивать его было не удобно — ведь условилось открыто не называть иконы и тем более подробно, в деталях, рассуждать о них.

В общем, я оставался почти в полном неведении. И это меня беспокоило, тревожило.

Поздно вечером, осушив очередную бутылку после сумасшедшего редакционного дня, я завалился на диван и принялся рассуждать. С собой, разумеется. В конце концов, чего я дергаюсь? У нас нет заверенного нотариусом обязательства, где бы я названные Григорием Владимировичем (запомнил ведь!) иконы в серебряных окладах должен отдать за названную им. Не понравится — откажусь. Это мое право. Или изменю условия обмена — по ходу дела. Если что не так.

Через несколько дней я собрался, приобрел железнодорожный билет и отбыл в столицу с непростыми предчувствиями, хотя, вроде бы, ничто не предвещало никаких неприятностей. Эти недобрые предчувствия объяснил себе просто: мнительный стал. Я рассчитал, что большую часть времени потрачу на посещения столичных музеев. На

всякий случай отснял в цвете Минею годовую, чтобы показать фотографию специалистам. И опять сомнения...

И вот я в Москве. Позвонил с вокзала по телефону. Перед выездом оповестил Григория Владимировича, и он меня наверняка поджидал. Мне ответила женщина, очень приветливо. Когда я назвал себя, моментально раздался голос Григория Владимировича. Он, чувствовалось, был обеспокоен, поинтересовался, где я нахожусь, повторил, на какой номер автобуса мне садиться и до какой остановки ехать, а на ней он меня встретит. Какая предупредительность и любезность! Я был польщен.

И в самом деле, когда автобус затормозил у кинотеатра «Факел», сразу на глаза попала невысокая и даже показавшаяся щуплой фигура ученого. Он поздоровался, вежливо взял в руки сумки, в которых были упакованы иконы, и нес этот, наверное, тяжелый для него груз до самого своего дома, на котором была прикреплена эмалированная табличка: «ул. Коминтерна».

В прихожей нас встретила симпатичная молодая, лет за тридцать, супруга Григория Владимировича. Тоже, видимо, человек науки. Когда я снимал и пристраивал на крючок вешалки свой порывчатый плащ, то в глаза мне бросилась милицмейская шинель с полковничьими погонами. Но это меня никак не насторожило — ведь мы не занимаемся чем-либо противозаконным.

На кухне меня ждал горячий ужин: котлета с картофельным пюре. Чайник был накрыт матерчатой, красной в белый горошек, матрешкой. Нарезанный батон в хлебнице — вышитой салфеткой. Выпивки мой «пытливый» взгляд не обнаружил.

Григорий Владимирович отказался со мной трапезничать (они недавно поужинали), но зато третьим за столом оказался полнолицый, средних лет человек в форме полковника милиции. Полагаю, это его шинель демонстративно сверкала галунами погон.

— Знакомьтесь, мой папа, — произнес Григорий Владимирович.

«Папа» повел себя как-то странно: не назвал членораздельно своих имени и отчества, а что-то пробурчал, прихлебывая из чашки, и лишь зыркнул на меня. Взгляд был стремительный, но от него мне сразу стало неуютно.

Обладатель полковничьих погон не вмешивался в наш разговор, занятый чтением газеты. Мне показалось, что боковым зрением он изучает меня.

Я поблагодарил за ужин, и хозяин пригласил меня в смежную комнату, где и предложил показать то, что я привез.

Приветливой супруги Григория Владимировича я больше не узрел: или квартира состояла из нескольких помещений с хорошей изоляцией, или все

домочадцы удалились, не желая со мной общаться, вернее, нам мешать.

Распаковывая сумку, мне тревожно подумалось: что-то здесь, в этом доме, не так. Да и по возрасту милицкий любитель газетного чтения едва ли годился в отцы Григорию Владимировичу.

Впрочем, кто их знает...

Пока я развязывал узлы бечевки, стягивающих бумажные пакеты, Григорий Владимирович, не мигая и напряженно, словно замороженный, наблюдал за движениями моих рук.

Наконец он не выдержал и спросил:

— Вы все иконы в серебре привезли?

— Конечно. Как и обещал, — ответил я.

— А Минею?

— И ее тоже.

Лишь сейчас я разглядел, насколько он был взволнован. С чего бы это?

Наконец все иконы были распакованы, и их молча, вроде бы спокойно, но с какой-то внутренней алчностью стал быстро разглядывать хозяин квартиры.

— Сейчас я вам покажу свою коллекцию. И вашу икону. Только придется немного подождать. Посидите пока на кушетке.

Все привезенные мною иконы он собрал в охапку и вынес из комнатухи, где я остался в одиночестве.

— Что сие означает? — задал я себе вопрос и принялся соображать.

Комнатенка, в которой я коротал время, имела две двери. В одну Григорий Владимирович вынес мои иконы, а за другой я вскоре услышал какие-то шорохи. Неожиданно эта дверь со скрипом открылась. С кушетки мне стало видно: хозяин квартиры прилаживает к стене, сплошь увешанной иконами, еще одну, длинную, с метр, ковчежную. Темную.

Не стоило труда понять, что пытается представить **ученый муж**. На место, освобожденное от других «досок» он повесит сейчас эту и предложит мне. И даст понять, что икона якобы находится в постоянной экспозиции. На языке фарцовщиков эта манипуляция называется «влындить», «втюрить».

Хозяин заметил, что дверь приоткрылась, резво спрыгнул с табурета и молча закрыл дверь.

Что-то суетливое, почти крысиное проскользнуло в его движениях. Но я опять себя одернул:

«Ну что ты выдумываешь всякую ерунду? Может, она и висела на этом месте. Или он просто перевешивает ее по каким-то другим причинам».

— Проходите, пожалуйста, — наконец-то позвал меня владелец коллекции.

Да, справа (я не ошибся) висела ниновая икона «Апостол Павел». Вероятно, она и предназначалась мне.

— Вот моя коллекция. Небольшая, но мне нравится. Скромно, конечно, однако подобрана со вкусом. Многие специалисты в Москве ее знают, захаживают полюбоваться...

Всего на стене висело около двадцати икон. И много зияло пустот. Наверное, подсказало мне чутье, какие-то иконы были сняты с гвоздей, и недавно, — ведь с полчаса Григорий Владимирович чем-то здесь занимался. Не одного же «Апостола Павла» пристраивал.

— А вот эта икона, замечательная, надо отметить, работа, предназначена вам в обмен — «Апостол Павел». Семнадцатого века, кондовая.

Я едва не впал в шоковое состояние — все пелось, как по нотам, — и почувствовал себя зрителем, а не действующим лицом комедии. И решил сопротивляться:

— Григорий Владимирович, икона, предлагаемая вами, мне не нравится. И в подарок музею не годится. Я ее с ваших же слов иначе представлял.

— Мы же условились, — спокойно возразил он. Даже как-то равнодушно. При этом смотрел мимо меня, за левое мое плечо. — Свое условие я выполняю. Извольте выполнить и вы свое обещание.

Эта реплика мне снова напомнила, что разыгрывается какая-то пьеса девятнадцатого века о мошенничестве.

— В таком случае придется объяснить. Во-первых, это ни какой не семнадцатый век. Во-вторых, грубая провинциальная работа в лучшем случае восемнадцатого века. А вернее всего — девятнадцатого.

— А ваши — голимые девятнашки. О чем базар?

Когда я услышал эту фразу, то не сразу собрался с ответом — понял, с кем имею дело. Но также до меня дошло, что понял все слишком поздно.

Тугая волна тоски и безысходности заполнила меня. Как в феврале пятидесятого, когда я оказался на грязном, залепанном полу камеры челябинского седьмого отделения милиции. И как будто опять ощутил пинки следовательских сапог. Но быстро взял себя в руки и решил не сдаваться.

Собеседник же мой изобразил недоумение и назидательно произнес:

— Вы действительно намерены сделать дар музею?

Богоматерь Знамение, XVIII век. Екатеринбургский музей «Невьянская икона». Дар.

— Зачем спрашивать, вы же знаете...

— В таком случае музейщики и за подобную доску поклонятся вам в пояс и скажут великое спасибо. Повторяю: данное письмо датируется специалистами семнадцатым веком, так в акте и напишите.

— Но на ней половина авторской живописи утрачена и дописана позднее.

— На вашей минее и того больше утрат. Однако я беру ее. Потому что уговор дороже денег.

— Так не берите. Я ведь вам не навязываю обмен.

— Повторяю: уговор дороже денег.

— Ерунда этот наш договор. Я хочу, прежде чем обменять иконы, отнести их в какой-нибудь центральный музей на атрибуцию и датировку.

— Нет, я не могу вам отдать ни одной, — спокойно и ровно, словно заранее заученную фразу, произнес он и посмотрел, прищурясь, в мои глаза.

— Почему это? — возмущился я. — Ведь это мои вещи, Григорий Владимирович. А вы подсовываете мне заведомо не лучшую икону.

— Музейщикам она очень нравится. И вам придется ее взять.

— Категорически отказываюсь. Не возьму, и все, — заупрямился я, сильно волнуясь.

— Обмен свершился. О возврате не может быть и речи, — как бы равнодушно сказал Григорий Владимирович, и тут же на кухне громко кашлянул владеец полковничьих эполет. Он наверняка слышал всю нашу перепалку.

Я окончательно убедился, что попал в капкан.

— Кстати, мы вам заказали номер в гостинице «Заря». Она недалеко отсюда, пять минут ходу. Забирайте свою икону, упаковку я уже приготовил, и идите, вас там ждут.

Но я все еще надеялся на что-то и не двигался с места.

— Но годовая минея не включена в обмен, еето я имею право взять, — произнес я не очень решительно. И почувствовал, что сломлен. Как тогда, на полу милицейской камеры, глотая кровавые слюны и слезы, согласился подписать протокол «допроса».

Чуда не произошло, и кандидат исторических наук спокойно заявил, что Минея тоже включена в обмен, в чем я дал согласие по телефону.

— Ведь это — натуральный грабеж, — воскликнул я. — Вам не стыдно, Григорий Владимирович?

— Вы сами согласились. Так что, все претензии — к себе, — металлическим голосом отрезал он.

Я был потрясен откровенной наглостью. И не был в состоянии продолжать беседу.

Что мне можно было в те минуты предпринять? Мои иконы он предусмотрительно куда-то захоронил. Если я брошусь их искать, конфликт наверняка закончится в милиции. А что представляет из себя в самом деле наша родная советская милиция, мне было прекрасно известно. Я лично был знаком с несколькими коллекционерами, которых упекли за решетку, внаглую сфабриковав «дела». Некоторые из них были, действительно, спекулянтами, и не вызывали никакой жалости, но остальные угодили в милицейскую мясорубку только потому, что накопили слишком много ценностей.

Кстати будет заметить, что всего через четыре года и я, по-видимому, попал в «черный» список — на меня состряпали уголовное «дело» с единственной целью: отнять коллекцию древних русских книг кириллической печати и остатки еще не переданных в музей икон. Но чего я никак не ожидал, в правоохранительных органах оказался-таки честный человек, и именно он должен был решить мою дальнейшую судьбу. К сожалению, мне не известны ни фамилия, ни имя этого сотрудника прокуратуры. Ему я благодарен за то, что «дело» было прекращено «ввиду отсутствия состава преступления». Милицейские ищейки после этого еще це-

лые два года обнюхивали все углы музея, в котором я имел несчастье трудиться и куда передал много своих лучших икон и древних книг.

Но вернемся в квартиру московского ученого на улице имени Коминтерна.

Я лихорадочно соображал: а что, если полковник никакой не страж правопорядка, а ряженный, карнавальный клоун, приглашенный мошенником-кандидатом наук на очередной спектакль? Тогда... А вдруг всамделишный мент? И хотя было очевидно, что в любом случае мне светит проигрыш, я еще раз попытался выпутаться из тенет:

— Григорий Владимирович, я прошу вас отдать мне мои иконы. Настаиваю на этом. Пока вы их мне не возвратите, я отсюда никуда не уйду.

— Не надейтесь. Мы вас заставим уйти. Будьте уверены, — таким же металлическим голосом произнес ученый муж. И по интонации я понял, что и этот вариант спектакля им разработан досконально.

— Я вам объяснил: они уже не ваши. Ваша — вот эта чиновная икона. Ее и забирайте. И давайте на этом закончим, уже поздно.

Стало ясно, что любые мои слова бесполезны. Конфликт мог развиваться лишь в одном направлении: задержание и препровождение в отдел милиции. Не приходилось сомневаться в том, как себя поведет «полковник» и как будет представлено мое поведение здесь, в квартире столичного ученого. Он должен в чем-то меня обвинить. В чем? Судя по всему, в чем угодно: в краже, хулиганстве, попытке ограбления, спекуляции...

Я поднял глаза, чтобы взглянуть на ученого негодяя. Он не пожелал встретиться со мной взглядом и опять посмотрел мимо меня.

— Подобной подлости я от вас не ожидал, — вырвалось у меня обреченно.

— Мы оба поступили согласно договору. Теперь это — ваша проблема. Так что, давайте распрощаемся по-хорошему. На память я хочу подарить вам свою монографию.

И он протянул мне невесть откуда появившуюся в его холеных пальцах (фокус наперсточника!) тоненькую книжонку. Я машинально прочел заголовок: «Г.В. Ермолин, кандидат исторических наук. Участие комсомола в установлении Советской власти в Москве в 1919-1922 годах».

— На кой черт она мне сдалась, ваша диссертация, — раздраженно схамил я.

— Как изволите, — спокойно, ничуть не обидевшись, ответил автор и открыл дверь, ведущую на кухню.

Там за столом, продолжая изучать ту же газету, восседал «папа».

Я проскочил в прихожую, обулся и дернул дверную ручку, чтобы быстрее вырваться на лестнич-

ную площадку, — не тут то было.

В квартире стояла гробовая тишина, лишь о чем-то еле слышно переговаривались ученый муж со своим «папой». Похоже, в квартире больше никого не было.

«Да, здорово разыграли, артисты!» — крутилось у меня в голове.

— Откройте, я хочу уйти! — громко произнес я.

Хозяин квартиры, если он действительно являлся таковым, возник в проеме кухонной двери с доской в руке, вставленной в специально для нее сшитый (по размерам) мешок.

— Возьмите свою вещь, — сказал он ровным, как бы немного усталым голосом.

И быстро взглянул на меня. Мне показалось — откровенно ехидно, оскалив оба ряда крупных, плотных зубов, резко, по крысиному, отпрянул, и дверь моментально затворилась.

Следующим утром, после бессонной ночи, я посетил соборы Кремля. Разговорившись, показал фотографию Годовой минеи сотруднице музея. Она ее долго изучала и признала произведением... семнадцатого века!

Я чуть не свалился со ступенек Благовещенского собора.

Выходит, я искал то, что в этом поиске столь глупо и легко потерял. А ученый-гопстопник все видел, знал и понимал. И ловко сплел паутину для провинциального простака. Кстати, сколько таких «лохов», как сейчас принято выражаться, попало в его тенета? Уверен, не я один.

Однако, пора поведать и об «Апостоле Павле». Разумеется, в числе других икон и древних русских книг этот образ попал-таки в Тюменский областной краеведческий музей, где и по сей день, надеюсь, пребывает в запасниках, если не осыпался и не погиб без реставрации — икона обозначена XVIII-XIX веками. Не оставлять же ее из-за обиды, на иконе-то вины никакой нет. Хоть и посредственное по исполнению произведение народного искусства, но памятник.

На этом можно было бы и закончить не очень веселый рассказ. Но жизнь написала свой постскрипtum.

Прошедшие четверть века я старался не вспоминать эту печальную историю, из которой сделал один важный вывод: надо знать то дело, за которое берешься, хорошо знать. И доверять прежде всего себе, своему чутью, жизненному опыту, здравому смыслу. А не званиям.

Недавно в московских телевизионных новостях показали сюжет, который, вероятно, и не

привлек бы моего внимания, если б... Иностранному гостю, чуть ли не из Нигерии, вручают в столичном вузе почетный диплом и регалии доктора наук. Невысокого роста щуплый человечек в докторской мантии и квадратном берете с кисточками-висюльками напяливает упитанному чернявому господину такую же квадратную шапочку с висюльками. Что-то очень знакомое увиделось мне в этих быстрых суетливых, крысиных движениях.

И вот этот человечек, торжествуя, поворачивается к объективу, оскалив два ряда плотных зубов-монолитов...

Поверьте, за четверть века он ничуть не изменился внешне. Нынешний проректор вуза, вероятно, завтрашний академик.

Да, это был ОН.

*Распятие, XVIII век(?). Палех.
Подарено музею г. Тюмени.*

Василий ИЩЕНКО, г. Екатеринбург

Драгоценные вехи Палласа

В этом году (22 сентября) исполняется 260 лет со дня рождения Петра-Симона Палласа — крупного ученого-натуралиста. Паллас приехал в Россию из Германии по приглашению Академии наук и прожил в России 43 года. Только за год до смерти он вновь уезжает в Германию.

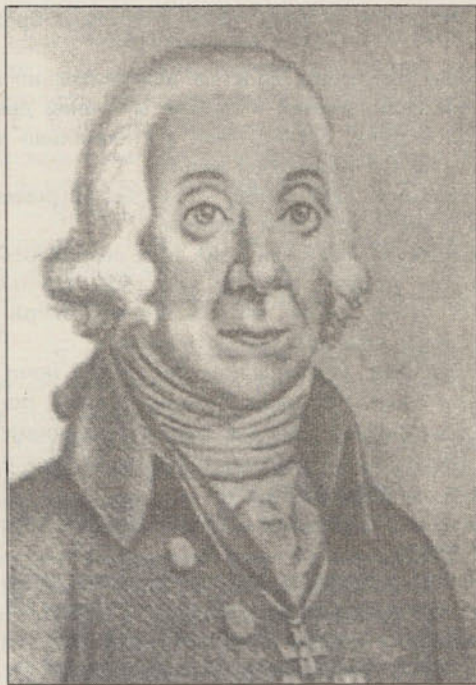
Паллас — один из немногих ученых, научные труды которого не только не подвергаются критике, но, наоборот, на них ссылаются многие ученые. Он никогда не опускался до интриг и не добивался славы. Чины и награды сами находили его. Екатерина II благоволила к Палласу и даже приглашала его давать уроки своим внукам.

По приезду в Россию, Паллас отправляется в длительное путешествие (на шесть лет) по Уралу и Сибири. У нас он посещает заводы и рудники. И особо интересуется месторождениями золота и серебра.

Россия в это время переживала знаменательное событие. Впервые после нескольких столетий поиска было найдено богатое коренное месторождение золота — Березовское. Его открыл Ерофей Марков, отыскивая «строганцы» (кристаллы горного хрусталя). Тогда многие рудознатцы устремились на поиски золота. Они бросали семью, работу, хозяйство и бродили по лесам и горам в надежде найти золото.

Паллас не мог оставаться в стороне от такого события. Приехав на Южный Урал, он посещает Кундравинскую слободу, где башкиры добывали золото. Затем едет на Средний Урал к Сысертскому пруду, где также был обнаружен благородный металл. Как в первом, так и во втором местах он замечает присутствие в породе граната. И пишет, что гранат всегда считался признаком нахождения золота. (Интересно отметить, что, аналогично Палласу, по гранату (пиропу) Л. Попугаева находит в 1953 г. первую алмазную трубку в Якутии.)

Посетил Паллас и Березовские золотые рудники. Здесь он досконально изучает все вмещающие породы и приводит признаки, по которым можно определять наличие или отсутствие в них золота. И делает важный вывод, считая, что золото при разрушении гор смывается в долины. Возможно, это его высказывание и навело горного инженера Брусницына на мысль, заняться поиском золота в россыпях. Изучив обстоятельно Березовское месторождение, Паллас отправляется на Северный Урал.

П.С. Паллас

Приехав на Петропавловский завод (г. Североуральск) и узнав, что на горе Кумбе обнаружены кварцевые жилы и гранат, он спешит на Кумбу в надежде найти там золото. Но дождливая и холодная погода не позволила ему осуществить свою надежду. К тому же, по пути следования его рисовальщик падает с лошади и получает травму. Паллас, вымокший и продрогший от холода, смог взобраться на гору только поздно вечером. Обследовав «не с большой прилежностью» несколько образцов из кварцевой жилы, которая находилась рядом с избушкой, он, несмотря на ночь, спускается к Бароновскому (Баронскому) зимовью, где имелось жильё.

Если проследить путь следования Палласа на Кумбу, то невольно возникает подозрение, что проводники Палласа сделали так, чтобы он не смог обследовать здешние раскопки. Повели его кружным путем на Колонгские железные рудники через Гельянское озеро (Паллас назвал его Круглым). Затем пробирались на гору через болото и бурелом.

Известно, что местные рудознатцы заводчика Походяшина — Посников и Ентальцов — с 1767 по

1773 год занимались в тех местах поиском золота. Они вели разведку и на Кумбе. Возможно, что к этому времени они уже нашли золото и не хотели показывать его Палласу.

В дальнейшем наличие золота на Кумбе подтвердилось. Одну из вершин горы даже назвали Золотым Камнем, а речку Каюмбу, истекающую с горы, переименовали в Золотушку. Проводя обследование этих мест в 1840 году, капитан Карпинский находит в россыпях золото и обнаруживает «...на юго-западном конце Кумбы, сколько можно было осмотреть, бывшие некогда и обвалившиеся теперь работы... Разработка была при Походяшине, предметом ее, говорят, было жильное золото». Карпинский сообщает, что поиском золота занимался деятельный рудоискатель Посников. В память о нем одна из возвышенностей — столб саженой до 10-ти вышины, с громадным пьедесталом, — носит название Посникова пальца.

С Бароновского зимовья Паллас отправляется еще дальше — на Белый Камень, и там в кварцевой жиле тоже находит золото. После его сообщения на это место приехала команда и, разведав месторождение, сделала заключение, что жила с одного конца «выклинилась», а с другого — перешла в сплошной кварцевый массив. Паллас не был согласен с таким заключением, и пишет, что, если провести более обширные раскопки, то можно было бы отыскать золотоносную жилу.

Возвращаясь в Богословский завод через Верхне-Вагранский рудник, Паллас и там находит золото. Буквально на следующий год недалеко от тех мест (у Княспинского озера) люди Строганова подтверждают находку.

Поездка на Северный Урал оставила у Палласа большое впечатление. Впоследствии, когда президент российской Академии наук попросит ученых указать места в России, где с наибольшей полезностью можно будет произвести обследование, Паллас назовет места к северу от Сосьвы и между Печорой и Обью.

Таким образом, посетив золотоносный Урал, Паллас как бы поставил вехи. И действительно, именно на тех местах, которые он описал, открываются затем богатые золотоносные места (Сысерт, Кундравинская слобода, Княспинское озеро)...

И уж совсем необъяснимым представляется его указание на места, богатые рудами, по речке Волчанке у впадения ее в Сосьву. Там действительно было открыто 17 приисков. Два — Магдалиновский и Леонтьевский — явились самыми богатыми на Северном Урале. Они содержали до четырех золотников в 100 пудах песка. Золота в

тех местах было так много, что оно сохранилось до XX века. Известно, что некоторые местные жители пользовались этим богатством. Так, например, когда в 1930 году в глухую тайгу были завезены раскулаченные семьи и поселены у реки Атюс, то они обнаружили недалеко от себя поселение одинокого старца. Он жил у ручья Чапа, впадающего в р. Атюс. Этот человек (его звали Кафизом) был нелюдим и избегал встреч с поселенцами. Прибывшие постоянно испытывали недостаток в продуктах и умирали с голоду. Но старец жил вольготно, хотя охотой не занимался и рыбу не ловил. Был у него только небольшой огород на полянке, где стояли две избушки. Люди заметили, что временами он уходил на «большую землю» и возвращался с продуктами. Со временем выяснилось, что продукты он получал в обмен на золото, которое мыл рядом в ручье.

Только значительно позже, когда уже не стало лесного старца, а раскулаченные семьи, получив долгожданную свободу, покинули спецпоселок, на Чапу пришли геологи и в 1953 году открыли на нем богатые золотые россыпи (в 11 км. от Магдалиновского).

За чапинскую находку главный геолог треста «Уралзолото» С. Г. Заводчиков и инженер-геолог Н. П. Павлова были награждены знаком «Первооткрыватель месторождения».

Таким образом, вехи, оставленные Палласом, действительно оказались драгоценными. Единственными еще не до конца обследованными остались Белый Камень и Кумба с их коренными месторождениями золота. Возможно, со временем и они станут золотыми.

Старательское добывание золота. (Из книги «Россия. полное географическое описание нашего отечества», под редакцией В. П. Семенова-Тяньшанского, том V. 1914 г.)

Владимир ТРУСОВ, г. Первоуральск

Клады Рыжанко

«Рыжанкова гора (448 м) в верховьях реки Малая Черная близ горы Котел.

В 1771 г. царской сыскной командой был схвачен на этой горе вместе с товарищами беглый крепостной Андрей Степанович Плотников, по прозвищу Рыжанко, или Золотой. Память народная увековечила в названии горы прозвище атамана, который активно боролся с крепостниками».

А. К. Матвеев, «Вершины Каменного пояса»

Об атамане Рыжанко, прозванном в народе Золотым, слышали многие. А вот куда он спрятал награбленное богатство — никто не знает. Старики по-разному отвечают на этот злободневный вопрос.

По старому Сибирскому тракту, когда идешь или едешь с Шайтанского завода в Билимбаевский, дорога ведет на подъем в Теплую гору. Теплой ее потому и прозвали, что зимой, в любой мороз, пока поднимаешься в гору, тебе тепло становится, а от лошадей пар так и валит. А летом на Теплой горе и люди, и лошади выбивались из сил. В этот-то момент, бывало, из чащобы леса разбойники и нападали. Возьмет Рыжанко с ватагой добычу — и тут же скроется. Коней с ними не было — далеко уйти не могли. Погоню за ними посылали, облавы делали. А без толку — словно сквозь землю проваливались.

Жил одно время старик, фамилию его можно поспрашивать, да только сейчас его уже нет, помер. Он много знал: про рудники и шахты, где какой камень самоцветный можно добыть. А уж про золото и платину как начнет говорить, так и не остановишь. Вот тот старик-рудознавец и рассказывал про гору Серебряную.

В деревне Подволошной, что расположилась на реке Шайтанке, жил Прокопий Четаев. Речек Шайтанок в нашей округе и на Урале много, а эту, что впадает в Чусовую ниже пристани Шайтанского завода, еще называют Четаевской Шайтанкой. Деревня Подволошная — одна из самых старых. Вот возле устья этой Шайтанки крестьянин Кузьма Сулей и отставной драгун Сергей Бабин нашли медные руды, а заявили о том только десять лет спустя.

В тот же год, когда сделана была заявка на медь, на другом берегу Чусовой нашли руду серебряную. Но пробы пробами, а когда дело дошло до переплавки в заводских печах — овчинка оказалась нестоящей выделки. Серебряный рудник забросили. А гора так до сих пор Серебряной и зовется.

Плотина и домна Нижне-Шайтанского завода, церковь св. апостолов Петра и Павла. Начало XX века.

С горы Теплой у разбойников был прорыт длинный подземный ход, и выходил он как раз в выработке серебряного рудника на Чусовой. Ограбят какую-нибудь карету или обозников — и по своему тайному ходу скрываются с места происшествия. Старик-рудознавец и говорил, что некоторая часть богатства атамана Рыжанко в том подземном ходе и спрятана.

Однажды на той дороге случилось убийство одного из владельцев Шайтанского завода Ефима Алексеевича Ширяева. Сделав свое безбожное дело, разбойники отправились в Талицу. Жила там у Рыжанко молодая вдовушка. Дом у хозяйки располагался на краю деревни, как раз у самого леса. Чуть что — в лес, а там, известно дело, убежать и спрятаться легче.

Первые три дня и три ночи гонцы Матрены Федоровны, жены Ширяева, не могли добраться до Екатеринбурга за помощью, попадая в ловушки, расставленные атаманом. Уж на четвертый день под утро изловчился один посыльный и пробрался через засады, когда людей сон склонил.

Отдыхала и гуляла в Талице шайка около недели. Рыжанко верно рассчитал: пока чиновники при-

мут решение, пока солдатскую команду приведут в боевое состояние — несколько дней пройдет. В огороде у той вдовушки Андриюша Рыжанко и закопал деньги и украшения из самоцветных камней, которые взяли в доме Ширяева. Из Талицы шайка опять вовремя ушла.

Про клад многие теперь не верят. Но вот какой случай произошел с одним мужиком через двести лет после тех событий.

Работал таличанин на Новотрубном заводе в железнодорожном цехе. Раньше порядковый номер его дома четырнадцатый был. Но за два века Талица выросла и застроилась новыми домами.

Задумал тот новотрубник сделать у себя в огороде колодец, чтобы воду для поливки издалека не таскать. Выкопал, наверное, уже около метра, и наткнулся на слой бересты, который словно бы что-то накрывает. Береста влагу не пропускает, и земля под ней сухая. Шибко любопытно железнодорожнику стало. Копает яму в глубину дальше. Смотрит — еще один слой из бересты уложен. Азарт захватил мужичишку. Выбрасывать землю становилось все труднее, а она вся сухонькая. Вот и до третьего слоя бересты докопался. Только случился тут обвал, земля с краев осыпалась вниз. Темнеть стало, да и на другой день на работу нужно было идти. Отдохнуть не мешало бы.

Уж на работе родилась мыслишка: «Если ничего не найду на том месте, зато хоть колодец будет. А чтобы двойную работу не выполнять, сделаю загодя сруб. Позову ребят из цеха, и всей гурьбой докопаем и уложим все бревнышки сруба. Одному такую работу не провернуть».

Пошел таличанин в ту организацию, в которую надо было. Так, мол, и так, хочу колодец поставить, и надобно бревен для сруба. Ему сказали, чтобы он заявление написал и собрал полагающиеся подписи. Вот с этими-то подписями «Разрешаю», «Не возражаю», «К исполнению» и так далее маята вышла. То один начальник в отпуске, то другой завотделом на больничном, то бухгалтер в командировке по обмену опытом.

Собрал, наконец, новотрубник все подписи на заявлении, а ему и объясняют: хозяйство, мол, у нас плановое. В области согласуют, Москва утвердит... А пока ставим вас в общую очередь для приобретения пиломатериалов. Ждите. Сообщим.

Мужичонка тот не очень настойчивый был. Ему бы ходить и узнавать почаще, а он верил, что начальство не обманывает. А те по-другому мыслили. Раз не бегает, не спрашивает — значит, не сильно-то и нуждается.

Так и шли дни за днями, недели за неделями. Яму пришлось засыпать. Боялись — не напакостил бы кто, ведь место-то для колодца! Одним жена мужа утешала. Стоял он в цехе в списке на получение квартиры. Женушка и говаривала:

— Зачем тебе колодец сдался? Лишнюю работу выполнишь. Когда квартиру получишь, то переедем отсюда.

Прошла еще пара лет. Подошла очередь на получение жилья. Переехали они в город. В те времена закон такой был: ежели проживаешь в квартире, то второй дом иметь не разрешается. Пришлось продать домишко в Талице. Старый хозяин про то, как яму для колодца копал, новому домовладельцу ничего не говорил. Может, клад-то и лежит с тех пор на своем месте... А что же наш атаман Рыжанко? Чиновники канцелярии Главного правления велели снарядить для поимки шайки по пятьдесят человек с каждого завода: Северского, Билимбаевского, Невьянского, Верх-Исетского, Березовского, Полевского и Ревдинского. Был расклеен по деревням приказ о том, что за поимку атамана из казны будет выплачена награда в 30 рублей, а за каждого из разбойников — по 10. Как узнали о таком повороте дела в шайке, так и случился меж ними раздор. Большинство и говорит:

— Послужили мы тебе, атаман, хорошо. Добра разного много тебе скопили. Надоело жить по лесам. Отпусти нас по-хорошему и на прощание выдай денег на житье до старости. А так всех вместе быстро поймают.

Думал, думал Рыжанко и согласился на их просьбу. Повел в свое укромное местечко в логу, что возле одной горы в пятнадцати верстах к востоку от Шайтанского завода. Золото, деньги, камни самоцветные хранил атаман в той горе. Приходилось прятать сокровища от товарищей — боялся, что разбегутся дружки, и останется он один.

Кольцо у атамана было — одна сиротка ему подарила в знак благодарности за спасение. А перстень-то с камнем, в котором, рассказывают, сила большая была сокрыта. Камень верхом повернешь — любая гора раскроется. Но впускала гора к себе только одного человека — у которого на пальце колечко надето.

А тут еще одна нелепость случилась. Поранил Рыжанко пальцы. Пошел на ручей рану промывать. Снял с пальца перстень с камнем чудесным и положил в траву. А в это время сыскная команда подъехала... Вскочил атаман на лошадь и погнался; но угодил в болото, был ранен и пойман. Одного разбойника убили на месте, а остальные разбежались. Но постепенно всю шайку выловили.

Рыжанко и его сотоварищей, а также всех, кто помогал в расправе над Ширяевым, осудили. До сорока человек, среди которых было около десяти женщин, отправили навечно в Нерчинск на каторжные работы. Кто же по малости пособлял разбойникам — высекли плетью да розгами.

Гору и лог с той поры и стали называть: Рыжанков лог, Рыжанкова гора. Клад в тех местах и по сейчас не найден.

Роза ШУЛЬГИНОВА, г. Полевской

Вековая Зюзелка

*У подножья Азовой
Есть большое село,
И в рассказах Бажова
Не забыто оно.
Здесь течет Железянка,
Здесь в горах малахит,
И девчонка-Азовка
Эти скалы хранит...*

В. И. Иванова

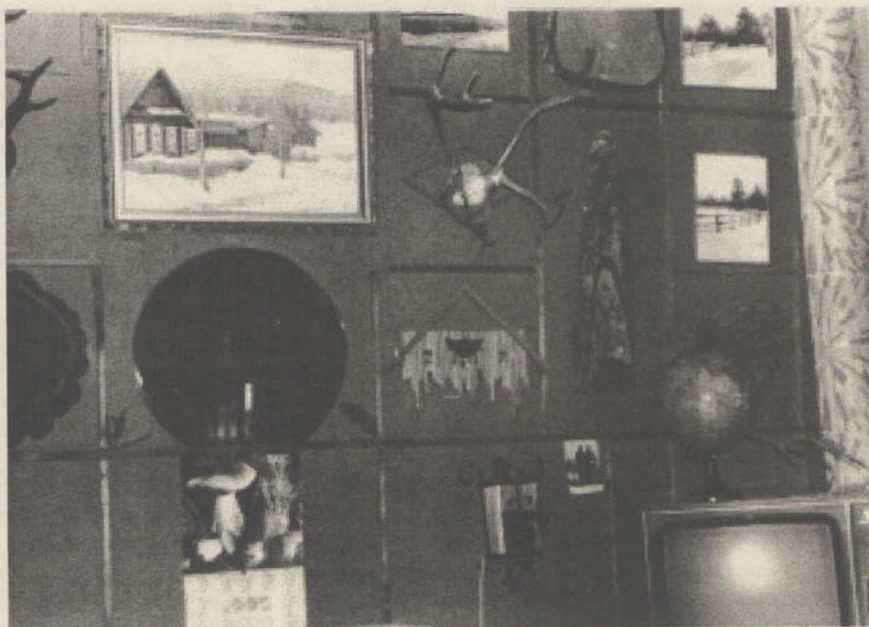
Стоял кругом дремучий урман. Вокруг только болота до пригорки, болота да пригорки... Но вот раздался топот копыт. Это конные отряды башкир, считавшие себя хозяевами этого дикого края, остановили лошадей на водопой у безымянной болотистой речки — уж больно вкусна была водица. Да так и нарекли на своем языке речушку — Зюзелга, место водопоя коней. Версия сомнительная, но интересная. Еще называют, будто название мест этих пошло от слова «зюзя» — грязь; земля-то глинистая, воду внутрь не пускает; чуть только дождь, и уж все как каша кругом.

А еще говорили, будто на той безымянной речке первый золотоискатель жил, по фамилии Зюев, отсюда и речку прозвали Зюзелька, а позже и поселок.

Места наши богаты не только золотом, но не всякому Хозяйка земляных кладовых вы-

давала приметы. По одной из легенд, прознала однажды она про нужду пришлого человека с мудреной фамилией Гофман и решила испытать его — стоящий ли мужик. А было то в 1902 году. Завела его Медной горы Хозяйка на ту самую речку да закрутила его по лесу и среди болота. Сумерки уж опустились. А только видит человек: над болотом будто голубоватый туман стелется. Зашлось его сердце не от страха, а от предчувствия: «Нашел, — думает, — рудишку-то медную!» Тут уж мешкать некогда: быстро огонь справил да стал знаки расставлять, чтоб с людьми вернуться на это место. А Сама-то уж и глазами сверкала, и ухала по страшному, и волком выла; только не испугался пришлый — перекрестился, да снова за свое. Хозяйке человек этот по душе пришелся, потому и приметы его не тронула.

Вот с того и начался наш поселок, прежде

*Один из уголков в доме Геннадия Захаровича:
стены увешаны его изделиями.*

называвшийся Зюзельский рудник, а иногда и просто Колчедан — по названию добываемой медной руды.

На «гофманском» месте в 1912-1913 годах «выросла» огромная ямища, названная разрезом. Тяжело приходилось на нем рабочим Северского железодельного и Полевского медеплавильного заводов, рано приходили они сюда пешком по жердочкам через болото. Полегче стало рабочим людям, когда построили казармы для жилья.

А дальше уж и шахты стали строить, все больше и больше руды добывали. Да и люди стали отовсюду приезжать, даже с далекого Сахалина (семьи Файзутдиновых, Ибрагимовых и других).

Зюзелка росла и хорошела. С 1934 года стали строить частные дома по улице Первомайской. Встала и первая начальная школа, появились магазины, жилищно-коммунальные хозяйства, больничный городок, клуб; прежде был даже свой родильный дом.

Интересные, работающие люди живут на Зюзелке. Большинство в поселке — татары и башкиры, и неудивительно, что с 1946 года и по сей день здесь проводится исконно национальный праздник татар Поволжья — сабантуй.

А вот мы в гостях у семьи Костиных. Сергей Матвеевич — единственный ныне здравствующий конвоир лагеря немецких военнопленных, что располагался в 1942-1946 годах на месте нынешней новой 3-этажной школы. И супруга, не раз бывавшая на их концертах, не перестает удивляться аккуратности, чистоте и изобретательности немцев.

Туеса, сделанные Г. З. Косачевым.

Туеса и прочая красота сотворена руками зюзельского умельца Геннадия Захаровича Косачева, и стоит ли удивляться, что дом его похож на музей. Ты то оказываешься в сказочном зимнем лесу, то будто на выставке ажурно сплетенных, украшенных знаками Зодиака туесков. Геннадий Захарович — офицер запаса, летчик, встречавший со своей группой приземлявшиеся на землю космические корабли «Восток». Обгоревшая в космосе обшивка корабля «Восток-251» хранится теперь в школьном музее.

Живет у нас Нинель Александровна Дудина, свидетельница встречи с П. П. Бажовым. Будучи пионеркой, она с ребятами побывала у него в гостях в Екатеринбурге. И даже чаю попила!

А сам уральский сказитель посетил Зюзелку дважды: первый раз в 1940 году, когда в одной из пещер Азов-горы дети из Полевской школы № 1 обнаружили 40 бронзовых статуэток; а во второй раз — в качестве депутата. Тогда он и пообещал зюзельским ребятам написать сказ о селе. Так появился «Синюшкин колодец»...

На Щекурьинском проходе

Во второй половине XIX века исследования Приполярного Урала сосредоточились на отыскании наиболее доступных перевалов от реки Печоры на реку Обь. Так, экспедиция П. Крузенштерна (1874-1876) искала водный путь между реками Шугором (Европа) и Северной Сосьвой (Азия). А в 80-х годах по поручению иркутского промышленника А. М. Сибирякова экспедиция нашего земляка К. Д. Носилова исследовала бассейны рек Шугора, Ляпина, Сев. Сосьвы и перевалы через Приполярный Урал. В 1885 году был проложен так называемый Сибиряковский зимний тракт — для перевозки дешевого сибирского хлеба и других товаров из Западной Сибири в Печорский край. До его открытия от Ляпинской пристани по долине Щекурьи аборигены перевозили хлеб за Урал по так называемому Щекурьинскому проходу — в верховья реки Большой Паток и далее к деревне Аранец на реке Печоре. Вот сколько могло появиться знаков, обозначающих границу, если бы о том позаботились Крузенштерн, Носилов и Сибиряков! Но им, конечно, было не до зна-

ков-символов. А вот мы, чтя память тех давних географических событий, могли бы хоть и с опозданием воздвигнуть обелиски в тех знаменательных местах.

А путь нашей заочной «столбовой» экспедиции по Приполярному Уралу от горы Народной идет к еще одной немалой вершине — Неройке (1646 м). У известного исследователя уральских топонимов А. К. Матвеева есть книга с названием «Неройки караулят Урал». В районе этой горы, в окрестностях пос. Саранпауль мы найдем еще один географический знак Европа-Азия. Он расположен на Щекурьинском проходе, на водоразделе рек Большого Патока и Щекурьи. Установлен рабочими неройского рудника, а вот когда — пока загадка. Знак представляет из себя железный столб с приваренной к нему табличкой с указанием частей света. Фото, которое мы помещаем, предоставил редакции геолог и краевед Олег Щегинин, наш давний автор. Так что нанесем на карту «столбовой» экспедиции и этот — пятый по счету — знак Европа-Азия.

Экспедицию ведет Светлана Смолина

Тамара ТИМОХОВА

Еще об оковах ныробского узника

Знаменитые оковы Михаила Никитича Романова, узника Бориса Годунова, не однажды привлекали внимание краеведов.* Дело в том, что до сих пор известны два экземпляра цепей: один в Свердловском областном краеведческом музее, а другой — в музее города Красноуфимска. Который же экземпляр подлинный и что из себя представляли эти оковы?

В библиотеке Чердынского краеведческого музея хранится статья В. В. Голубцова «Оковы боярина Михаила Никитича Романова». Владимир Владимирович Голубцов (средний) — сын дворянина Александра Голубцова, основателя имения Александровское (ныне в Красноуфимском районе Свердловской обл). Обратимся к его статье.

Следуя старым письменным источникам, автор определил вес оков узника в 3 пуда 10 $\frac{1}{8}$ фунта. Но уже В. Н. Берх в 1821 году в своей книге «Путешествие в города Чердынь и Соликамск» указывает другой вес — 2 пуда. Скорее всего, он держал в руках не всю цепь ныробского узника.

Читаем Голубцова дальше. «В первой четверти XIX века в Чердынском крае занимал видное место В. Н. Прокофьев, который получил от начальства предписание снять копию с оков Михаила Никитича. Прокофьев счел необходимым взять их из Ныроба, но не все, а только одну большую, вместе с принадлежащим к ней замком. Обратная цепь уже не вернулась. С нее была изготовлена копия, возможно именно она и хранится в музее Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) в Екатеринбурге (ныне — Свердловский краеведческий музей. — Ред.)... У Прокофьева была единственная дочь, которая вышла замуж за С. Я. Коновалова, получив в наследство все состояние отца, в т.ч. и цепь. У Коноваловых опять дом и коллекции достались их дочери, вышедшей замуж за П. В. Белдыцкого. У него в «домашнем музее» и видел А. А. Дмитриев цепь, которая полностью, за исключением одного звена, совпадает с ныробской.

В 1883 году эта цепь была куплена у П. В. Белдыцкого отцом В. В. Голубцова, В. В. Голубцовым-старшим и на момент написания статьи находилась в их доме, в селе Александровском Красноуфимс-

кого уезда».

Далее В. В. Голубцов выдвигает свою версию того, как были одеты цепи на узника. Он пишет: «В бытность нашу в Ныробе нашлось несколько человек подходящей комплекции, охотно согласившихся примерить цепи. Оказалось, что поручни малой цепи, которую обыкновенно называют ножною, не сходятся и на разутой ноге...

Наоборот, эти поручни как нельзя лучше приходятся на руки, оставляя место для тонкой предохранительной прослойки между телом и железом. Полукружия большой цепи замыкаются на шею только у средних людей; полного человека с хорошо развитой мускулатурой такое кольцо просто задушит. Да помимо всего прочего при наличии двух больших цепей эта гипотеза отпадает сама собой и взамен ее появляется новая — именно, что большие цепи были ножными. Их полукружия отлично сходятся на ноге, только прокладные кольца здесь были немного толще, чем на руках...

При таком устройстве оковы оказывались замечательно целесообразными: чем дальше узник протягивал руки, чем выше он их поднимал, тем больше тягести на них ложилось: сопротивление возрастало с напряжением; способность ходьбы была совсем отнята: два десятифунтовых замка, достигая земли, при каждом шаге били заключенного по ступням, длинные цепи ударяли по ногам и еще тащились по земле, а если узник приподнимал их, то на смену являлась их тяжесть.

Система была тонко продумана: от таких надежных сторожей можно было уйти разве только в могилу».

* См., например, статью А. Трофимова («Уральский следопыт», № 3-6, 1996 г., с. 153.)

Ольга КОЛОТОВА, Олеся КОСКИНА

Одержимая дьяволом

В Средние века дьявол для людей был такой же реальностью, как сейчас для нас «летающие тарелки» или полтергейст. Бес то подстрекал к недобрым делам, то подталкивал к заблуждениям и ересям, и к тому же ему ничего не стоило вселиться в человека, превратив его в одержимого, бесноватого.

Подобный случай произошел в первой половине XIV века с женщиной по имени Катиничина, которая жила в византийском городе Брусса (ныне - город Бурса в Турции). С тринадцати лет она была одержима злым духом. Вселившийся в нее бес имел очень странный, чтобы не сказать хулиганский характер. В отличие от других несчастных, в которых вселялись дьяволы, Катиничина не корчилась в судорогах, не каталась по полу и не билась головой о стену. Терзавший бедную женщину дьявол имел обыкновение - устами Катиничины, разумеется, - страшно ругаться и проклинать всех и вся. В особенности от злого языка Катиничины доставалось прохожим. Временами же дьявол лаял, как собака, громко хохотал, плакал, издавал нечленораздельные звуки или же заставлял свою жертву принимать самые нелепые позы. Короче говоря, одержимая дьяволом вела себя крайне неприлично.

Время было беспокойным. Дряхлеющую Византийскую империю, которой оставалось существовать чуть более столетия, сотрясали гражданские войны, на рынках столицы и приморских городов хозяйничали итальянские купцы, турки вытесняли византийцев из Малой Азии. В 1326 году османский эмир Орхан захватил Брусу. Катиничина и ее муж в числе других пленников были угнаны в рабство.

Но вскоре слух о странной женщине, одержимой дьяволом, достиг ушей эмира, и он повелел немедленно доставить к нему это чудо природы. «Распорите ей живот, - приказал любознательный турок. - Я хочу видеть, где же прячется демон». Находчивости вселившегося в Катиничину черта остается только удивляться. «Если ты посмеешь выгнать меня отсюда, из моего горячо любимого дома, - воскликнул он устами Катиничины, сообразив, какая опасность угрожает его хозяйке, - я вселюсь в тебя, и тогда ты будешь испытывать не-

Астарот - демон, добивающийся дружбы сильных мира сего.

стерпимые муки! Вот тогда-то ты и увидишь меня и на себе почувствуешь мою силу!»

Эмира эта угроза привела в трепет. Одно дело - сражаться с врагами Пророка, брать города и отдавать их на разорение; совсем другое - столкнуться лицом к лицу с самим дьяволом... Перепуганный турок приказал тотчас освободить Катиничину и велел ей как можно быстрее убираться на все четыре стороны.

Обретя таким неожиданным способом свободу, Катиничина отправилась в Константинополь. В надежде избавиться от дьявола, который по-прежнему мучил ее, она ежедневно посещала церкви, усердно молилась, но все было напрасно. Даже паломничество в святые места не помогло ей. Исцеление она нашла только у гробницы св. Афанасия, патриарха Константинопольского (1289-1293, 1303-1309) и после этого приняла решение оставить все мирские радости и удалиться в монастырь. Она постриглась в монахини под именем Афанасия и с той поры вела жизнь самую достойную и добродетельную.

Раиса СТОКОЛЯС, г. Верхняя Пышма

Жена и дочь Арсения Несмелова

Потом родственники сняли им какое-то жилье. Сначала Екатерина Владимировна устроилась в издательство, а потом — в вечернюю школу рабочей молодежи в Доме Союзов. Наташа заканчивала школу.

В 1937 году, 4 октября, Екатерину Владимировну арестовали. Тогда же арестовали и сестру Елену. Елене дали 10 лет. Екатерину Владимировну осудили на 8 лет и отправили в Коми АССР в Ухто-Ижемский исправительно-трудовой лагерь. Поступила она туда 4 января 1938 года. Лагерь находился на территории рабочего поселка Ухта. Пробыла в нем до 14 ноября 1945 года. Срок свой она отбыла до минуты. При освобождении ей выдали «Справку № 9512», из которой видно, что освобожденную отправили поездом в г. Бийск Алтайского края. «Справка» была единственным ее документом. Ни денег, ни продуктов. Но ее обязаны были довести до Бийска, и довели. Почему именно в Бийск? Потому, что там в это время находилась Наташа. Она там работала. Наталья Арсеньевна никогда не говорила о Бийске, о том, как и почему она там оказалась.

А что вообще было с Наташей после ареста матери? Прежде, чем начать рассказ о ней, я хочу напомнить, что Наталья Арсеньевна была очень скрытным человеком. Никому и ничего она о себе не рассказывала. Если я, уже в конце ее жизни, пыталась ее о чем-то спросить, уверяя, что теперь можно говорить о том времени, она тут же настаивалась. Помолчав, говорила: «А вдруг они опять придут?» — «Вы что, серьезно? Считаете, что «они» могут еще прийти? Да их уже нет! Это уже история!» — восклицала я. «Вы их не знаете, потому так беспечны. «Они» могут прийти. Тогда и вы пострадаете».

(Окончание. Начало в № 7.)

Наталья Арсеньевна на рабочем месте.

Когда однажды Иннокентий Николаевич Пасынков, тот самый, на глазах которого умирал Арсений Иванович Митропольский, написал ей, что хочет заняться реабилитацией Арсения Ивановича, она расстроилась: «Он сделает только хуже. «Они» испортят память об отце и до меня доберутся», — твердила она. Никакие мои заверения, что теперь никто не станет ее тревожить, ее не убеждали. Страх, многолетний страх жил в ней, делал ее скрытной. И все же хоть чуть-чуть, но она мне рассказывала о себе.

Когда арестовали Екатерину Владимировну, никто из родственников не захотел приютить Наташу. «Где же вы жили?» — спросила я. «У подруги», — и все. Никаких подробностей. Правда, позднее несколько раз проскальзывало, что она благодарна этим людям. За то, что уцелела. Ее не тронули.

Через четыре месяца после ареста, уже в 1938 году, она пошла работать на фабрику эндокринных препаратов, сначала пробщицей, потом лаборанткой. Она носит фамилию матери — Худяковская. Школу уже закончила.

В 1940 году поступила в Московский институт тонкой химической технологии на вечернее отделение, на факультет «Технология резины». Однако проучиться ей удалось только два семестра. Я спрашивала ее, почему она не доучилась. Ответ: «Из-за матери. Ну и, конечно, война».

6 октября 1941 года она была освобождена от работы на фабрике «ввиду эвакуации» (Трудовая книжка). Возможно, эвакуирована была фабрика, а она осталась в Москве. 8 декабря 1941 года принята на работу в Институт органической химии Академии наук СССР в качестве хозлаборанта. С этим институтом ее судьба будет связана до августа 1945 года.

В эвакуации Наташа Худяковская (и часть института тоже) была в Казани. Здесь 8 июля 1942 года она вступила в брак с Г. А. Чистяковым. Георгий Александрович — выходец из профессорской семьи. Единственный ребенок у родителей. Работал в системе Академии наук СССР. Кем? Не знаю. В быту его чаще звали не Георгием, а Юрой. Сохранился интересный документ: «Справка, выданная 10 июля 1941 года сотруднику АН СССР тов. Чистякову Георгию Александровичу в том, что он временно переводится для работы на периферию и на основании Постановления Правительства от 2 июля 1941 года за тов. Чистяковым Георгием Александровичем сохраняется жилая площадь, занимаемая им и его семьей в г. Москве по Сретенке, д. 36, кв. 3. Домоуправление в лице управляющего домом несет полную ответственность как за сохранность указанной жилплощади, так и за все имущество, лично принадлежащее тов. Чистякову Г. А. и его семье, сданное на хранение управляющему домом по описи...» Далее говорилось, что Чистяков освобождается от квартплаты и т. д. «Справка» — на бланке АН СССР, подписана вице-президентом АН СССР, все печати и подписи есть.

Из этой самой периферии, а потом и с фронта, Георгий Александрович слал Наталье Арсеньевне в Казань почтовые открытки и письма. Их сохранилось 14. В каждом послании он беспокоился о ней, о еще не родившемся ребенке, а позже (с фронта) — о сыне. Видно, очень ее любил. 19 сентября 1942 года у них родился сын, Александр Георгиевич Чистяков. Отец: Чистяков Г. А., мать: Худяковская Н. А., г. Казань («Свидетельство о рождении № 8010»).

И вот все опять повторяется. Мы не знаем, как пережила это тяжелое для нее время Наталья Арсеньевна. Ей в 1942 — только 22 года. Она в эвакуации беременная, потом с только что родившимся ребенком, с переживаниями об ушедшем на фронт муже. И голод. Сама она об этом ничего не рассказывала, ни слова. Но когда стала говорить мне, где погиб ее муж — долго плакала. Потом она четко назвала адрес: Днепропетровская область, Можняковский район, поселок Белолужский. И сказала, что она туда ездила.

Георгий Александрович Чистяков погиб 18 января 1943 года, а 20 января — умер их сын Саша. О гибели мужа она сначала узнала от его друга, а «Извещение» пришло лишь в 1944 году. Как пережила она это лихое время? Кто помогал ей выжить? Когда она покинула Казань? Не знаю.

Позже я узнала, что после войны она жила в Москве. В квартире мужа на Сретенке 36, кв. 3. Родители мужа относились к ней как к родной дочери, и она их всегда почитала. В каждый отпуск приезжала проведать, а потом прилетала из Верхней Пышмы и на свои деньги похоронила сначала свекра, а потом — свекровь.

В связи с перестройкой началось стремительное обнищание незащищенных слоев населения, т. е. всех нас. Появилась практика различных «компенсаций». Соседки Натальи Арсеньевны, потерявшие на фронте мужей, получали то прибавку к крохотным пенсиям, то какие-то продукты, а она ничего не получала, и ей никто ничего не предлагал. Ей это стало обидно.

Как-то она пришла ко мне и почти со слезами высказала:

— Вот, я у них даже компенсации не получаю.

— Но, Наталья Арсеньевна, чтобы ее получить, надо, как минимум, съездить в Администрацию города и встать на положенный учет.

— Я к ним не пойду. — Слова «они», «у них», «к ним» означали у нее любую власть, начальство города, с которым она общаться не хотела.

— И еще, Наталья Арсеньевна: надо же на это какие-то документы иметь, — сказала я.

— Я имею, — был ответ.

Тогда я сказала ей:

— Принесите их мне, а я сделаю остальное.

Я подумала, что если у нее какие-то не те документы, мы разберемся тут же. А если настоящие — мне не трудно поставить ее на учет. Она сходила домой и принесла мне «Свидетельство о браке» и «Извещение о смерти мужа». С большим волнением я держала в руках эти старенькие бумажки, где часть слов была на татарском языке. Врох вопросов теснился в голове. Но я знала, что спрашивать ни о чем нельзя.

Я съездила в Администрацию города, меня там очень доброжелательно встретили и очень быстро все оформили.

Потом она стала получать дополнительно продукты, бесплатный проезд в городском транспорте, лекарства за половинную стоимость т. д. — словом, все, что положено. Вот тогда она немного рассказала мне о муже, о сыне, о том, где погиб муж, и т. д. Но власти, правящей нами, она так никогда и не благоволела. Хотя голосовать ходила охотно.

Однако, я отвлеклась. Итак, весть об окончании войны застала ее в Москве. Она радовалась и плакала. 10 августа Наталья Арсень-

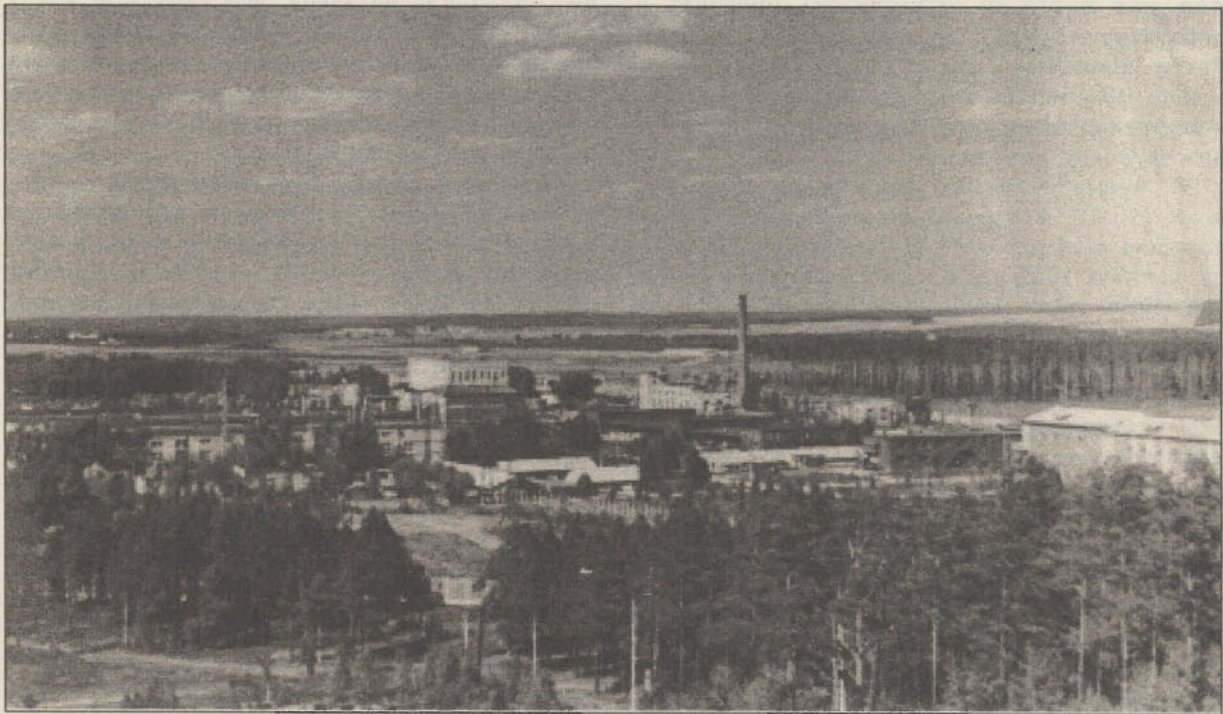
евна вдруг увольняется с работы ввиду выезда из Москвы по семейным обстоятельствам.

Из письма ее кузины:

«Наташа вынуждена была покинуть родителей своего мужа, т. к. вернулась из ссылки тетя Катя, и Наташа поспешила к своей маме». Но Екатерину Владимировну отпустят в ноябре, а Наташа уже 25 августа принята на работу на Бийский мясокомбинат в цех органопрепаратов на должность сменного химика. И ждет маму. Они встретятся и какое-то время будут вместе.

Но Бийск — не конечная остановка в мытарствах Екатерины Владимировны. Ей хочется в Москву. Однако, родственники от этого не в восторге: никто не решается ее принять, особенно Елизавета. Она испугана.

Да и не разрешено Худяковской жить в Москве. Ждали, что скажут власти. Но, как известно, на Руси ничего быстро не делается. Пройдет еще год и 8 месяцев, пока придет окончательное решение. Приказом Министерства просвещения РСФСР за № 762 ее определили в Курган, в распоряжение Курганского ОблОНО. Но и в самом областном Кургане ей жить нельзя, и она едет дальше, в

Вид Пыиминского опытного завода с горы Динамитка. Конец 70-х гг. XX в.

село Чаши, где будет 10 лет преподавать сначала в семилетней сельской школе, потом — в молокотехникуме.

Наташа ее отвезла. Но там не осталась. Она увольняется с Бийского мясокомбината и поступает на Орский мясоконсервкомбинат химиком в лабораторию. До сих пор она носила фамилию матери — Худяковская. Но вот 7 апреля 1950 года получает паспорт на фамилию Митропольская. Перед этим она писала во Владивосток, и ей оттуда прислали «Свидетельство о рождении», на основании которого она и получила новый паспорт с фамилией отца.

Они с мамой решили поднакопить денег, чтобы Наташа смогла пойти учиться в высшее учебное заведение на дневное отделение. С этого момента все подчинено одной цели. И вновь мы не знаем, как прожиты ею следующие пять лет в Орске. Но точно известно, что 1 апреля 1952 года Наталья Арсеньевна уволилась с Орского мясоконсервкомбината «в виду ухода на учебу».

Она сдала экзамены на химический факультет Уральского госуниверситета, поступила и хорошо, без «троек», с преимуществом «пятерок», училась. На своем курсе она самая старшая, ей уже 32 года. Она рассказывала мне, как много ей приходилось работать в лабораториях УрГУ с химикатами, при этом почти полностью отсутствовали какие-нибудь приспособления по технике безопасности. Она испортила там свое горло, которое стало у нее «слабым местом».

Во время учебы она жила на ул. Крауля в доме № 67, и только на последнем курсе перешла в общежитие университета. Но, когда в июне 1957 года к ней приехала мама, они снова стали жить на той же квартире на ул. Крауля.

Екатерина Владимировна уволилась в 1957 году по состоянию здоровья, оформив пенсию, и сразу приехала к дочери. С этого времени они всегда будут вместе. В этом же году Екатерина Владимировна получила «Справку военного трибунала Белорусского (почему Белорусского?) военного округа за № 29/н от 7 мая 1957 года» о том, что «Дело по обвинению Худяковской Е. В. пересмотрено военным трибуналом Белорусского военного округа 29 апреля 1957 года. Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 4 января 1938 года в отношении Худяковской Е. В. отменено,

и дело за отсутствием состава преступления прекращено», — печать, подпись: Председатель военного трибунала Белорусского военного округа полковник юстиции Тутаев. Вот так. «За отсутствием состава преступления»...

В июле 1957 года университет успешно закончен: шесть предметов «хорошо», девятнадцать — «отлично». Теперь перед нею задача: начать работать, получить жилье. Обеспечить маме покой и отдых от всего. После университета ее распределили в Шабровскую экспедицию Главгеологоразведки, базирующуюся в Свердловске, на должность инженера-спектроскописта в лабораторию. Работа ей нравилась, и платили неплохо, но с жильем обманули. Обещали квартиру в строящемся кооперативном доме, но не дали. Ждать следующего дома она не захотела.

Ей надо было скорее. Ее ждала мама. Екатерине Владимировне было уже 63 года.

Еще во время учебы группа девушек-студенток с младших курсов ездила на практику в город Верхнюю Пышму, что в 12 км от Свердловска, на вновь созданный завод. Они рассказали, что на заводе нужны инженеры-химики и спектроскописты, что завод совсем новый, может, и с жильем что-то получится. Наталья Арсеньевна вспомнила рассказ девушек, съездила на завод, все узнала, и вот в ее «трудовой книжке» появилась новая (последняя) запись: «Пышминский опытный завод «Гиредмет», 1959 год, 6 августа, принята в центральную заводскую лабораторию лаборанткой пятого разряда».

Лиха беда начало. Уже через месяц — шестой разряд, а через год — и. о. начальника физико-химического отделения цеха, а еще через несколько месяцев — начальник этого отделения. И до конца ее трудовой деятельности уже ничего не менялось.

В коллектив цеха вошла легко, самым близким человеком, который встретил ее, помогал первое время освоиться, была Нина Михайловна Скоблина. Наталья Арсеньевна понимала, что Нина Михайловна посвящена через так называемый «первый отдел» в ее личные дела (т. е. знала о матери, об отце, как офицере, и т. д.), но относилась к этому спокойно, и ее устраивало, что знала об этом одна Нина Михайловна, которая, в свою очередь, оказалась деликатным человеком. Дружеские, добрые отношения сохранились у них до конца жизни Натальи Арсеньевны. Нина

Наталья Арсеньевна с Сергеем Усовым.

Михайловна обязательно бывала на всех днях рождения Натальи Арсеньевны и провожала ее в последний путь.

На Пышминском опытном заводе Наталье Арсеньевне сначала дали комнату в трехкомнатной квартире. Здесь у нее сложились добрые отношения с молодой соседкой с двумя мальчиками — Усовой Александрой Афанасьевной (позже — Какоулиной). Над старшим ее сыном, Сергеем, Наталья Арсеньевна и Екатерина Владимировна шефствовали. Так случилось, что последние 6 месяцев жизни Натальи Арсеньевны именно Александра Афанасьевна была с нею. Ей же (т. е. Александре Афанасьевне Какоулиной) по завещанию досталась и квартира Натальи Арсеньевны, которую она получила год спустя — однокомнатную по улице Петрова. Наталья Арсеньевна прожила в ней почти 40 лет. Отсюда ее и похоронили 2 октября 1999 года.

***

А 19 февраля 1998 года в городском музее Верхней Пышмы состоялся вечер памяти Арсения Несмелова (Митрополського) с участием Натальи Арсеньевны. Как раз накануне по ее заказу художница Г. И. Круглова по фото-

графии сделала портрет Арсения Ивановича. Портрет украшал вечер.

Собралось довольно много людей, в основном бывшие сотрудники Натальи Арсеньевны. Мне доверено было говорить о поэте. Потом выступала начальник департамента культуры Администрации города Эльвира Иосифовна Бронникова, проработавшая много лет с Натальей Арсеньевной в спектральном отделении ЦЗЛ Пышминского опытного завода (теперь ОА «Уралредмет»). Стихи Арсения Ивановича прекрасно читала Зинаида Владимировна Федотова. Звучала музыка, было торжественно, одухотворенно, все были взволнованы. Наталья Арсеньевна была возбуждена, весь вечер говорила о родителях, осталась очень довольна вечером.

Каждый прожитый ею день последних лет был отдан отцу. Только о нем она думала, только с ним были связаны любые ее поступки. Она была одержима популяризацией его имени и очень хотела, чтобы на Урале, в Екатеринбурге или Верхней Пышме, вышел бы сборник его произведений. А я, глядя на нее, каждый раз думала: «Знал ли Арсений Иванович хоть что-нибудь о судьбе жены и дочери, находясь там, в Харбине?» Вряд ли, конечно. Но вспоминал их, думаю, не раз.

*А ведь были ж в моем былом
И жена, и лото, и кошка,
И маячило огоньком
В чью-то ночь и мое окошко.*

*И такая меня тоска
Разрывала тогда на части,
Что на удочки рыбака
Променял я все это счастье.*

*И теперь я свободен, как
Ветер, веющий взмах за взмахом,
И любой мне не страшен мрак,
И смеюсь я над всяким страхом.*

*И когда мне беззубым ртом
Смерть подскажет судьба-гадалка,
В этом мире, уже пустом,
Ничего мне не будет жалко!**

*А. Несмелов. Из стихотворения «У чужого окна». — «Рубеж», 1944 г., № 30 (835) — Новый «Рубеж», 1995, № 2, с. 254.

Анна ПИНУС, г. Екатеринбург

След декабристов

В 1826-27 годах по Великому сибирскому тракту под присмотром жандармов везли в Сибирь осужденных декабристов — на каждой тройке по одному осужденному. Так пишет в своих воспоминаниях Я. И. Расторгуев. Их дополняют мемуары М. И. Пущина и М. И. Муравьева-Апостола. Осужденные были закованы в кандалы. Останавливались только для смены лошадей, а ночевки были через две ночи на третью. «Публика догадывалась о причине, по которой мы пострадали: несмотря на оковы, нас всюду встречали с радушием».

Екатеринбург был этапным пунктом по пути следования в Сибирь. Его нельзя было миновать. В Свердловском областном краеведческом музее сохранилось немало материальных свидетельств пребывания здесь декабристов: документы, книги, вещевые экспонаты... Например, картины «Сибирский тракт» художника Бояринцева, «Екатеринбург» Купфера, чугунные столбы от заставы Сибирского тракта, мемориальные доски...

О проезде декабристов через Екатеринбург сообщает барельеф Егорова, установленный на месте, где была почтовая станция Гилева. «После двухлетнего тяжкого и скорбного заточения, отвыкшие уже от удобств жизни и усталые от дороги томительной, очутились неожиданно-негаданно посреди гостеприимных хозяев, осыпавших нас ласками и угощавших с непритворным радушием», — вспоминал Муравьев-Апостол о теплом приеме у почтмейстера.

В доме купца Крюкова в 1840 году по пути на Кавказ останавливались декабристы братья Беляевы, а в 1846-м, уже после службы на Кавказе, Александр Беляев заведовал делами тайного советника и приезжал в Екатеринбург, останавливаясь в доме по ул. Февральской революции, 6.

Здание бывшей почтовой станции (ул. Пушкинская, 19) тоже помнит декабристов, возвращавшихся из Сибири.

Были среди узников и уральцы. Член Союза спасения А. А. Авенариус родился в Уфе в семье штаб-лекаря. Лейтенант Гвардейского экипажа Е. С. Мусин-Пушкин — в Мензелинске. Отставной подполковник барон В. И. Штейнгель — в г. Обве Пермского наместничества (его мать какое-то время жила в Екатеринбурге). Капитан генерального штаба В. Д. Вольковский был одним из первых исследователей горного Урала. Членом Северного общества состоял Г. А. Перетц, титулярный советник, сотрудник Русско-американской компании (прадед видного ученого-микробиолога Л. Г. Перетца) — после Петропавловской крепости был отослан на жительство в Пермь.

Дом Главного горного начальника уральских заводов (наб. Рабочей молодежи) помнит о совместной работе здесь декабристов В. А. Глинка и Ф. Г. Вишневого. Первый был начальником горных заводов, а второй состоял при нем чиновником по особым поручениям. (Глинка был женат на сестре Вишневого — Ульяне).

Были среди уральцев и те, кто активно помогал декабристам: известный архитектор И. И. Свизев, выдающиеся металлурги Д. С. Меньшенин и Ф. И. Швецов.

АЭЛИТА

Александр Шатрабаев
«Не проспять бы...»
Лора АНДРОНОВА
«Вода окаянная»
Дмитрий ОДИНОКИХ.
Стихи.
Владимир БЛИНОВ.
«Ты помнишь, Мальчик?»
Лариса НАЗАРЕВСКАЯ.
Стихи.
Александр ПАПЧЕНКО.
«Лит»

Здравствуйте, уважаемые читатели!

Вначале поделюсь новостями.

Созданная два года назад Ассоциация писателей Урала активизирует свою деятельность. В неё вливаются новые члены. Изъявила желание стать ассоциированным членом АСПУР Омская писательская организация. Координатор АСПУР Александр Кердан отметил, что Ассоциация даёт писателям возможность совместно решать социальные, экономические и издательские вопросы, проводить совещания молодых писателей, учреждать и вручать литературные премии, выпускать совместные коллективные сборники.

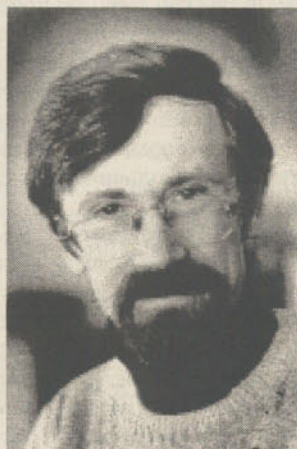
Ассоциация писателей Урала совместно с администрацией г. Каменска-Уральского, при поддержке Министерства культуры Свердловской области с 29 июля по 1 августа провели новое региональное Совещание молодых писателей. Семинарами в мастер-классах руководили известные писатели Екатеринбурга. Активное участие в работе Совещания принимал первый секретарь Правления Союза писателей России, лауреат Государственной премии, наш земляк - Игорь Ляпин.

17 августа екатеринбургские писатели традиционно собрались в Литературном квартале. В этом году выступления были связаны с творчеством Д.Н. Мамина-Сибиряка, но в то же время литераторы не

забыли и еще об одном событии - 125-летию со дня рождения выдающегося поэта России Максимилиана Волошина. Николай Козин и Андрей Комлев рассказали о том и другом юбиларе, а поэты - старые и молодые - прочли свои новые стихи.

А сейчас несколько слов о наших публикациях. Владимир Блинов представлен рассказом «Ты помнишь, Мальчик?». Я полагаю, что многих читателей этот рассказ не оставит равнодушными, поскольку нравственные темы, как и тема любви, являются дефицитом в современной литературе. И об этих же проблемах нравственного выбора - только языком фантастики и магии - говорится в рассказе молодой писательницы Лоры Андроновой. Талант или честь, сила или чужая жизнь?..

Стихи Дмитрия Одиноких и Ларисы Назаревской найдут своих почитателей.

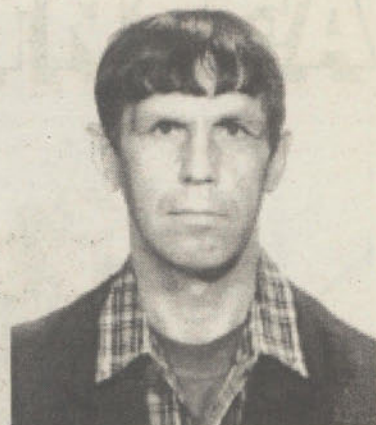
*Пётр Родимов,
редактор отдела
художественной литературы*

Александр ШАТРАБАЕВ

Шатрабаев Александр Васильевич родился и учился в селе В. Ослянка Пригородного района Свердловской области. Служил на Северном флоте. Публиковал свои стихи в районных и областных газетах, в журнале "Уральский следопыт".

В настоящее время живет в Екатеринбурге, работает в Уральском государственном педагогическом университете. Здесь же, в Типографии УрГПУ, издал свои сборники стихов: "Грамматика жизни" (1999), "Благослови души покой" (2000), "Еще живу" (2001).

Не проспать бы...

Возможно, и не имел бы Николай этой профессии. Но, не поступив в техникум и чтобы "не сидеть на родительской шее", он приехал к родственникам, в город, и по объявлению устроился учеником электрика на завод, где имелось свое общежитие.

Ночь накануне своего первого рабочего дня Николай, вчерашний школьник, прожил в беспокойстве. Вот уже в который раз, просыпаясь, он вскакивал с постели и с будильником в руках шел к освещенному окну.

Во дворе пятиэтажного дома раскачивался на ветру электрический фонарь. И свет от него, прорываясь сквозь расписанные морозом стекла, то бежал по стене, выхватывая из темноты семейный тетушкин портрет, то отступал за подоконник.

Стрелки на часах показывали пять утра. Вернувшись в постель, Николай улегся на спину и, оставившись в едва различимый потолок, с беспокойством подумал: "Не проспать бы..." С той минуты глаза уже закрывать боялся, а чтобы хоть как-то отвлечься от сна, представил свою деревню.

Мороз по утрам лютует. Потрескивает лед на реке. Трещат углы изб. Хозяйки, поднявшись, по привычке тянутся до выключателей...

Неприметно, при свете керосиновых ламп, просыпается теперь Луговая. Сверху решили, что будет лучше, если все окрестные деревушки в один кулак собрать. И для начала отключили электроэнергию. Однако луговчане пересажать на центральную усадьбу не торопились.

Тогда в деревне прикрыли клуб и школу, пообещав, что на очереди и магазин.

В школе в этот год заниматься некому было. Старшие, по окончании четырех классов, в интернате учились. А младшие, которых в деревне набиралось до десятка, дожидались ближайшей осени.

Когда совхозный прораб, прибывший из центральной усадьбы на тракторе, приказал луговским мужикам школу разбирать, сосед Николая, сухой и подвижный старик Игнатич с двустволкой прибѣг.

— Что ж это вы, мужики, делаете? Да не жалко ли вам детей своих, — кричал он еще издали, — и под силу ли им, мальчикам, будет по интернатам мотаться?! Бросай работу!

Прораб, было, кинулся ружье отбирать, но старик извернулся и выстрелил поверх его шапки.

Посуровели луговчане, побросали инструмент, закурили, задумались.

Понял прораб, что теперь уже к мужикам не подступишься. Развернул трактор, погрозил Игнатичу кулаком:

— Я на тебя управу найду, партизан! А школу теперь хочешь на себе перетаскивать...

Помнит Николай школу свою. Теперь в ней, на центральной усадьбе, библиотеку открыли. Снаружи здание вроде бы не изменилось: стены и окна те же, разве что крыша новая, да вывеска сменилась. Да только уже чужая. Так чужой и останется в Колькиных глазах.

А глаза-то у Николая спят. Спят и видят школу свою на прежнем месте, на краю Луговой. И словно бы в ней урок... и учительница его, первая, Анастасия Григорьевна, спрашивает:

— Скажи нам, Коля, кем бы ты хотел стать, когда вырастешь?

— Электриком... — шепчет сквозь сон Николай.

— Так у нас теперь и электричества-то нет, — говорит ему учительница.

— Будет, — отвечает он ей с уверенностью, вы только не разъезжайтесь. Вы только подождите меня!

Будильник у изголовья показывает восемь часов утра...

Лора АНДРОНОВА

Андропова Лора Александровна. Родилась 21 сентября 1976 года в Риге. Закончила Латвийский Университет, факультет физики и математики по специальности компьютерные науки. Работает в фирме, занимающейся разработкой программного обеспечения для банков.

ВОДА ОКАЯННАЯ

Извержение началось в тот момент, когда Кельман-плотник покрасил последнюю доску нового забора. Забор получился хороший – высокий, ладный, теплого яично-желтого цвета. Аккуратно завернув кисть в промасленную тряпицу, Кельман направился к дому, но остановился на полпути, в который раз зачарованный яростным пробуждением вулкана.

Сперва над срезанной макушкой самой высокой в округе горы появился клубящийся белый столб. Сила ветра клонила его к западу, заставляя стелиться почти параллельно земле. Затем клубы дыма потемнели, стали грязно-серыми. В воздухе запахло пеплом – тяжелым дыханием Дор-Сура.

– Запоздал он в этом году, – сказала подошедшая Арина.

На ее худых плечах лежало коромысло, пустые ведра раскачивались и тихонько брнчали. Кельман рассеяно улыбнулся жене.

– Сказывают, что возле источника какой-то сумасшедший поселился, – поделилась она. Ее густые черные брови, так выделявшиеся на скуластом невыразительном лице, сошлись на переносице. – Мило-стыню просит.

– Подай, коли просит. Благое дело.

– Может, и подам. Ежели выгидит жалостливо.

Обувшись в стоявшие возле ступенек башмаки, она решительно направилась прочь. Оставшийся один Кельман снова погрузился в наблюдения за вулканом.

Дор-Сур истекал огнем. Жаркий поток устремился вниз по склону горы, сжигая все на своем пути. Только здесь, на Да-Шил – «невредимом в пламени» – было безопасно. Лава ударится об его подножие и потечет по проторенному пути, огибая величественный утес с востока.

Кельман вздохнул. Когда вулкан успокоится и жидкий огонь окаменеет, для жителей поселка начнется тяжелое время. Все, от мала до велика, пойдут к Дор-

Суру собирать выброшенные им обломки горных пород. Потом находки переберут, отделяя годные на продажу искриты от бесполезных шлаков. Еще несколько месяцев спустя приедут купцы, предлагая свой товар взамен на темные сияющие самоцветы.

– Вы только посмотрите на него! Стоит и пялится! Извержения он никогда не видел! – вернувшаяся от источника Арина пребывала, судя по всему, не в самом хорошем расположении духа.

– Душенька, не гуди.

– Я тебе покажу «не гуди»! – она брякнула ведра на землю и ухватила Кельмана за окладистую седоватую бороду. – Ишь! Разотдыхался тут, пока жена в поте лица трудится.

– Тоже мне труд – сто шагов пройти, с соседусками калякая.

– А вот и труд! – костлявые ладошки Арины забарабанили по широкой груди мужа. – Там хрыч расселся.

– Нищий?

– Да какой он нищий! Сапожки кожаные, курточка справная. При оружи!

Кельман запустил пятерню в спутанные русые волосы.

– И чего он хочет?

– Денег хочет! И никого из мужиков рядом – урезонить...

– За что денег-то?

– За воду! Целый грошик за два ведра воды! На него Мила с кулаками, а он меч как достал из ножен – и махать.

– С мечом? На вас? – Кельман не верил своим ушам. – Воду хочет продавать нашу? Нам же?!

Он задохнулся от возмущения. Единственный источник на Да-Шил был делом рук искусного мага, немало запросившего за свои услуги.

Сказывают, что первые поселенцы долго не могли найти мастера, который бы взялся пробить скважину

в двухмиллионной гранитной толще.

— Вот я бы на вашем месте, — веско начала Арина, но ее прервал стук калитки.

Во двор, шумя и переругиваясь, вошла целая группа мужчин. Крепкие мозолистые руки привычно сжимали лопаты и кирки, глаза горели угрюмым бешенством.

— Кельч, ты с нами? — крикнул раскрасневшийся Перш. Он был единственным кузнецом и самым состоятельным человеком на Да-Шил.

— Торгаша уму-разуму учить?

— А то! — Перш потряс в воздухе тесаком. — Так научим, что забудет, с какой стороны у бутылки горлышко.

Кельман расправил плечи, кинул быстрый взгляд на Арину и, подхватив оставшуюся от постройки забора доску, пошел за всеми.

— Во тип, — бормотал себе под нос Перш, — во хам. На мою Милу руку вздумал поднимать!

— Багогом бы его по хребту. Не для того деды магу в пояс кланялись и искритов целый мешок отсыпали, чтобы какой-то пришлый лапоть тут свои правила устанавливал, — сказал Амс.

— О! Именно, что пришлый лапоть!

— Может, утопим голубчика? Чтобы уж сразу?

— Вот еще. Воду поганить.

— А не отдать ли его Дор-Суру? — предложил Кельман.

— Точно! Туда ему, змию, и дорога!

— Только куртку сперва снимем. Говорят, справная у него куртка.

— И сапоги.

— И сапоги снимем. Нечего добру пропадать.

Возле источника было шумно. Ругались бабы, визжали ребятишки. Казалось, здесь собрались все жители Да-Шил. На приступочке, ведущей к вырубленной в скале раковине, сидел молодой длинноносый человек и задумчиво рассматривал толпу.

— Ну? — спросил он, встретившись глазами с Першем.

— Что — ну? Я не понял! Мотай отсюда, пока мы хорошие.

— Зачем мотать-то? Мне тут нравится. Природные явления красивые проистекают. Где такое еще увидишь? Да вы не волнуйтесь, я тут ненадолго. Брата хочу дождаться только.

— А черта лысого ты тогда доступ к воде перегордил? Сними компатку, у Амса, вон, скажем. И жди да лобуйся хоть целную декаду.

— Так вы за водой пришли? — удивился длинноносый.

Перш оскалился.

— Ты, мужик, не юродствуй. Убери задницу со ступенек.

Незнакомец пожал плечами и поднялся.

— То-то же! — торжествуя сказал Амс. — Это тебе не с девками воевать. Сразу понял диспозицию.

Увидев, что проход свободен, к источнику устремилась гурьба женщин с коромыслами. Первой бежала Мила. Лицо ее сияло лукавым торжеством. Откинув на спину толстую темную косу, она забросила ведро в воду. Но вместо ожидаемого всплеска раздался сухой стук и ведро покатилося, как по льду.

— Она твердая, — произнесла Мила, беспомощно глядя на мужа.

На мгновение сельчане замерли, а потом к каменной чаше потянулись десятки рук — каждый лично хотел убедиться в справедливости слов девушки. Поверхность источника — такая живая и бурлящая на вид — на ощупь была гладкой и жесткой.

— Как мрамор, — сказала Арина.

Кельман недоверчиво ощупывал свою ладонь.

— Это колдовство.

Толпа шевельнулась. Все смотрели на стоящего в сторонке чужака. Тот с легким смущением пожал плечами.

— Да. Колдовство.

— Ты что нам тут учинил, а? Заморыш пизинный? — Перш дунул на лезвие тесака. — Ну-ка назад все возверни!

— Зачем это?

— А пить мы что будем?! Лаву?!

— Почему же лаву, — длинноносый подошел к раковине, нагнулся над ней и зачерпнул пригоршню воды. Чистые капельки просачивались между его пальцами и падали на землю. — Пожалуй, я смогу вам помочь. За плату.

Черная борода Перша топорщилась, грудь вздымалась.

— За плату, стало быть? — спросил он.

Чужак кивнул.

— Ну так вот тебе наша плата! — взревел Перш и замахнулся на него тесаком. Но оружие отскочило от груди незнакомца, не причинив ему никакого вреда. На кожаной куртке не осталось даже тонкого пореза, даже царапины. Словно не замечая этого, кузнец продолжал наносить удары. — Подсобите, подсобите, мужики!

Недоуменно переглядываясь, сельчане бросились на помощь. Кто-то размахивал лопатой, кто-то — самодельным копьем. Кельман несколько раз ткнул чужака в живот доской от забора. Некоторое время царил сумятица. Потом шум разом стих. Целый и невредимый, длинноносый снова сидел на ступеньке.

— И очень глупо, — сказал он. — Думаете, после моей смерти вода расколдуется сама? Напрасно, напрасно.

— Комок навозный, — с бессильной ненавистью прошептал Перш.

Незнакомец улыбнулся и, подобрав с земли пористый камешек, кинул его в кузнеца. Тот схватился за ногу и упал, как подрубленный.

— Перелом бедра. Помогите ему, — приказал длинноносый. — И запомните, мое имя — Сирил. А обра-

щение «достойный господин» приводит меня в хорошее расположение духа. Есть ли какие вопросы?

— Мы можем купить воду, достойный господин?

— спросила Мила, кланяясь. Ее голосок дрожал.

Сирил покровительственно потрепал ее по волосам.

— Умничка. Можете. Грошик за ведро.

По домам расходились в молчании. Кельман угрюмо тащил ведра и думал о том, что у него пересохло во рту. На полпути он не выдержал, остановился и выпил несколько пригоршней. Вода была прохладной и пьянящей, как вино.

На следующий день Кельман услышал шепот. Казалось, он доносился отовсюду — из углов, с потолка, с пола. Что-то неразличимое шептали кровать, шкаф и лавки. Вздыхал росший за окном клен.

— Нет, ты правда ничего не слышишь? — спрашивал он Арицу.

Та качала головой, укладывая в узелок полоски вяленого мяса и хлеб.

— Опять вчера с Першем пил? Иди, проветрился, полегчает. Походил бы по соседям, вдруг кому что подправить надо?

— А ты-то куда собралась?

Арина зло сощурила глаза.

— Может, вы и собираетесь идти на поводу у этого сучка, но я — нет. Схожу на западный склон, посмотрю, не проклюнулась ли юлица. Ягода сочная, с ней никакой воды не надо.

— Жаль, ни у кого коровы нет, молоком бы обошлись.

— А кормить ее чем прикажешь? Туфом?

— То-то и оно...

Проводив жену, Кельман заглянул на постоянный двор. Его встретили с радостью. Всем не терпелось обсудить вчерашнее происшествие.

— Ясно, как день, что это демон. Самый настоящий демон. Оружием его не взять, только если каким-то особым, — говорила розовощекая Бака — дочь Амса.

— Как же, сказал бы тебе демон, как его зовут, — возразил Кельман.

Он устроился на полу в просторной кухне и принялся осматривать вечно ломающиеся табуретки. Шепотки немного стихли, заглушаемые более громкими звуками.

— В имени вся их магическая сила и заключена.

Бака возмущенно взмахнула полотенцем.

— А он соврал, соврал он!

— Может, это просто какой-то безработный чародей?

— Решивший собирать по несколько грошей в день в нашей глуши? Да еще таким странным способом? Смешно!

— Допустим, есть какие-то причины, — сказал Кельман.

— Какие тут могут быть причины?! — оборвала его Бака. — Не тот маги народ, чтобы довольствоваться крохами.

— Ты что, много магов знаешь?

— Да тут и знать-то не надо — и так понятно, — ответила Бака. — Пап, ведь я права?

Амс стоял у плиты и укладывал в нее дрова.

— Нет, — сказал он. — Не права. Сирил — тень того человека, что пробил скважину для нашего источника.

Глаза девушки округлились. Бросив мокрое полотенце в раковину, она подошла к отцу.

— Но почему ты так думаешь? — спросила она шепотом.

— Потому, что наши предки обманули его. Обещали дать за работу пять дюжин самых ценных искритов, но год тогда выдался неурожайный, и пришлось подмешать с десятка плохоньких камешков, — Амс вытер руки о передник и пожал плечами. — Он же не ювелир. Не разобрался.

— Считаешь, он теперь мстит? Вернулся с того света, чтобы покарать за обман?

— Другого объяснения у меня нет.

Кельман вышел на улицу и направился к дому Перша.

Против обыкновения, ставни на его окнах были плотно закрыты. На наличниках появились хитрые знаки, начертанные мелом — сложные сплетения линий, напоминающие скрюченные цветы.

Перш лежал на кровати, до подбородка укутанный в пуховое одеяло и вешал.

— Дух Дор-Сура! Кто это еще может быть? Все мы жаловались на то, что извержение в этом году запоздало, что мы можем не успеть собрать урожай искритов до прибытия кушцов. Ох, и не по нраву ему пришлось наши слова, — кузнец жалобно сморщился и потер забинтованное бедро.

— Болит? — спросил Кельман, устраиваясь рядом.

— Болит. Хорошо хоть жар спал, а то уже целую кядку воды вылакал. И все равно пить хочется, — он провел рукой по груди и неожиданно добавил: — Мне бы сейчас листьев вурицы к перелому приложить. И из вешенной настойки примочки делать.

Сидевшая возле огня Мила подняла глаза от вышивания и удивленно посмотрела на мужа.

— С чего ты это взял? — спросила она.

Перш заморгал.

— Не знаю. От лекаря, наверное, слышал.

По улице с грохотом проехала телега, стоящая в шкафу посуда задрезбежала и запрыгала.

— Я вот все думаю, — сказал Кельман. — Почему он берет всего лишь грошик за ведро? Ведь он мог назначить любую цену.

— Если цена была бы слишком велика — мы отправили бы отряд к Хохочущему водопаду. А так проще платить и надеяться на то, что одним прекрасным утром Сирила возле источника не окажется.

— Пожалуй. Путь неблизкий, и с Да-Шил спуститься неохота.

Они замолчали. Кузнец закрыл глаза и принялся что-то насвистывать, а Кельман подошел к Миле и стал наблюдать за ее работой. На тонком беленом полотне, натянутом на пяльцы, карандашом была нарисована пышная роза. Стебелек уже зеленел шелковыми нитками, и игла порхала над тканью, обозначая шипы.

— Не знал, что ты так умеешь.

— Как — так?

— Так красиво.

Мила погладила вышитые листья.

— И я не знала. А сегодня утром встала — и вот. Само получилось.

Кельман пожегся. Глаза ее излучали нестерпимый, пугающий свет.

Утром Кельмана разбудили голоса.

— Зерно, зерно, зерно, — монотонно твердил кто-то писклявый.

— Скорее, скорее..., — вторил ему другой, звонкий тенор.

— Опять блоха!

— Уйди, уйди... Догоняет!

— Дети! Вернитесь!

Шум стоял, как на ратушной площади Караста в базарный день. Кельман поспешно отдернул полог кровати и огляделся. В комнате никого не было.

— Еще зернышко, еще, кушать, кушать, — не унимался голосок.

— Хлебушек с молочком. Вкусный хлебушек с молочком.

— Ты куда? Ты куда? Вернись!

— Арина! — закричал Кельман. — Арина!! Что происходит?!

Но жена не отзывалась, и он вспомнил, что сам проводил ее на западный склон. Накинув на плечи рубаху, он выскочил во двор. Первой ему попала в глаза копавшаяся в корыте свинья по имени Хрюха.

— Помой, — урчала она, — свежие, теплые помой. Много, много помоев.

— Пшено, — послышалось от пробежавшей мимо курицы. — Там пшено.

— Размякшая булка...

Замерев на месте, Кельман смотрел на свинью, рыло которой было полностью погружено в исходящее паром месиво. Он мог поклясться, что других звуков, кроме пофыркивания и чавканья Хрюха не издавала.

— Вкусно. Очень вкусно.

Голос звучал как-то необычно, слишком ясно и отчетливо, слишком близко. Кельман провел рукой по лбу.

— Пресвятые мученики! Наверное, я читаю ее мысли! — осенило его.

Чтобы проверить свою догадку, он сбежал в дом, принес оттуда миску холодной гречневой каши и вывалил ее в корыто.

— Каша, — отчетливо услышал он.

Последующие два часа Кельман провел, слоняясь по двору. Он то присаживался возле куриного насеста, то возвращался к хлеву, то стоял возле забора, пытаясь уловить, о чем думают прохожие. Как и у Хрюхи, на уме у куриц была только еда. Их мысли были коротенькими и несвязными, беспорядочно перепрыгивающими с одного предмета на другой.

— Чудеса, — шептал Кельман. — Ну и ну. Надо всем рассказать. Хотя наверняка на смех поднимут.

Он отряхнул штаны от соломы и выскочил за калитку, едва не врезавшись в стоящего за ней Перша. Лицо у кузнеца было счастливым, но немного озадаченным.

— Посмотри! — сказал он. — Я сам себя вылечил! Кельман издал нечленораздельное кудахтанье.

— Сегодня ночью проснулся, жажда мучит. Встать сам не могу, а Милочку будить жалко — и так за день со мной намаялась. Лежу, только зубами от бессилия скрежещу. И тут словно как воспоминание приходит, — кузнец неуверенно потер руки, — о том, как ладони над большим местом держать, и силу Ки излучать.

— И что?

— И исцелился. Ты знаешь, я же теперь столько болезней одолеть могу. И сыпь зеленую лечить, и чесотку, — его голос чуть понизился. — А моя первая жена, Криста, от лихорадки умерла. Почему же я тогда всего этого не вспомнил? Не помог, не спас?

— Это вода, — сказал Кельман.

— Вода?

— Да. Зачарованная.

Перш озадаченно нахмурился.

— Я стал слышать мысли животных, — пояснил Кельман. — Утром. Будто чужие голоса в голове звучат. Сперва мешало очень, а теперь привык.

— О чем же думают животные?

— Да о жратве, по большей части. Куры еще о цыплятах беспокоятся. А вот у людей пока ничего разобрать не могу, только шум какой-то невнятный, — он помялся. — Ты мне не веришь?

— Верю. Неладно что-то с нами, — кузнец достал из нагрудного кармана бережно сложенный листок. — Гляди. Мила нарисовала.

Кельман обомлел. На небольшом куске бумаги плескалось море. Пенные гребешки бежали по его поверхности, падали на пологий песчаный берег, разбрасывая мириады капелек. Над водой, в темном чистом небе кружили две чайки.

— Солью пахнет, — сказал он, не отрывая взгляда от картины.

— И спокойствием, — кивнул Перш. — Завораживает.

— Да. Как в окно смотришь.

Казалось, что от рисунка веет холодным ветром,

ароматами молодой зелени и пряным духом водорослей.

— Но что же нам теперь делать? — первым очнулся кузнец.

— Надо бы к источнику наведаться, — предложил Кельман. — С Сирилом побеседовать. Тем более что у меня дома вода закончилась.

Перш сжался.

— Ох, не нравится мне это все...

— Мы будем спокойны и вежливы. Он нас не тронет.

Сирил сидел на ступенях и рассматривал вершину Дор-Сура, расчерченную алыми лентами лавы. Чуть поодаль — на другой стороне площадки — толпились ребятишки, восторженно гомоня и толкая друг друга в бока.

— Вот я была в Карасте на ярмарке, там у стражников такие же мечи были! — верещала румяная пухлая девчушка.

— Врешь ты все! У стражников не мечи, а луки!

— Луки — у тех, что на стенах стоят! А у остальных — мечи!

— Ну-ка, разойдитесь! — прикрикнул на детей Кельман. — Нечего тут под ногами путаться.

Те дружно захихикали и прыснули врассыпную. Сирил вздохнул и перевел взгляд на новоприбывших.

— Итак? — спросил он.

— Да за водой, вот пришли, — сказал Кельман, робко протягивая ведро.

— Понравилась водица?

— Поразительно чудотворная, — подал голос Перш.

Он старался держаться на почтительном расстоянии.

— Именно, любезный, именно.

— Вкус необычайный, — добавил Кельман, приятно улыбаясь.

Сирил пошевелил носом.

— Нет, в самом деле?

— Отменный!

— И способности прорезаются доселе неведомые.

— Вы меня несказанно радуете. Что ж, давайте ведра. Пять серебряных за одно.

Кельман решил, что он ослышался.

— Господин Сирил, вы, должно быть, ошиблись. Вчера вы просили полпрошка.

— Я — просил?

Кузнец пихнул приятеля в бок локтем.

— Вы требовали, — поправился Кельман.

— Хотите сказать, что вчера цена была ниже?

— Да, достойный господин.

— Как неловко получилось. Но все дорожает...

Возле источника собирались другие жители поселка. Перш мельком заметил вытянувшееся лицо Амса, теребящую передник Бику, напряженную Милу.

— Пять серебряных — это очень много, — тихо сказала она.

— Мы не можем столько тратить на обыкновенную воду!

— И на необыкновенную тоже.

— Поймите, я вовсе не настаиваю на том, чтобы вы покупали у меня воду.

— А где же нам ее брать?!

Длинный нос Сирила снова пришел в движение.

— Мне кажется, что это уже ваши проблемы. Попробуйте пить что-нибудь другое, например, пиво или квас.

— Да сколько этого пива! Запасы к концу подходят, каравана купеческого ждем.

— Выходит, вы сами загнали себя в ловушку своей небрежливостью и непредусмотрительностью.

— Сжальтесь же над нами, — со слезами в голосе выкрикнула Бика.

— Небрежность должна быть наказана, — сказал Сирил и повернулся ко всем спиной.

В полной тишине было отчетливо слышно, как звенит в каменной чаше источник.

— Спокойно, — заговорил Перш, косясь на затылок Сирила. — Нам надо все тщательно обсудить и решить, что делать дальше.

— Задавить бы как червя, — мечтательно сказал кто-то.

— Насилие — это не выход, — заметил Кельман, делая страшные глаза.

— Тем более что никакого вреда вы мне причинить не сможете, а вот я вам — сколько угодно, — не оборачиваясь, бросил Сирил.

Из толпы к ступеням протолкался Амс. Его испачканное мукой и сажей лицо горело негодованием.

— Надо отправить гонцов в Караст, чтобы наняли там мага помочь справиться с этим..., — он поморщился, подбирая нужное слово, — с этим несговорчивым человеком.

— А мысль здравая.

— Только что мы будем пить, пока гонцы доберутся до города? Путь ведь не близкий, по горам все больше. Да и Кар-река сейчас бурная.

— Терпеть будем, — предложил Амс.

— Это ты будешь терпеть, чурбан безмозглый, — набросились на него женщины, — а детям как объяснить, что воды нет?

— И не выдержишь долго все равно, — сказал кузнец. — Если только...

— Если только ягод набрать, — закончил за него Кельман. — Юлицы. Моя Арина как раз пошла западный склон разведать.

Сельчане оживились.

— Толковая баба!

— Молодец, додумалась!

Покатые плечи Сирила содрогнулись. Он отошел еще на несколько шагов и прилег на землю, заложив руки за голову.

— Кого назначим в гонцы? — спросил Перш. — Думаю, мне точно стоит пойти, у меня кредит есть в

Карастском торговом доме, ценные бумаги. Да и знакомые влиятельные имеются.

- Предводителем будешь!
- Нурана возьми! Он у нас самый крепкий.
- Панру!
- Меня, меня! — заголосила Бика. — Хочу в город!
- Цыц, девка! — шикнул Амс. — Тут дело серьезное.

— Целой толпой идти не стоит, — сказал Перш. — Человека два-три будет достаточно. Как считаешь, Кельч?

Кузнец дернул его за рукав, но Кельман лишь отмахнулся. Привстав на цыпочки, он высматривал что-то вдалеке.

— Это она. Жена возвращается.

По направлению к деревне двигалась крошечная фигурка. Лишь несколько минут спустя стали видны черные косы, переброшенные на грудь и яркий синий фартук с крупным пестрым узором.

— Ну у тебя и зрение, — присвистнул Амс. — С такого расстояния разглядел.

— Да я услышал скорее, — пробормотал Кельман.

В руках у Арины были две огромные, тяжелые даже на вид корзины, доверху наполненные чем-то розовым. Сельчане скопом бросились к ней на помощь.

— Юлица, — обрадовалась Мила.

— Мы спасены!

— Ура!

— Я и не надеялась...

— Сегодня же вечером отряд выступит к Карасту, — заявил Перш.

— Погодите, — Арина перевела дух. Кельман с тревогой заметил, что лицо ее было бледным и расстроенным.

— И с раннего утра — собирать ягоды!

— Детей отправим!

— И детей тоже можно...

— Амс, пирогов нам в дорогу напеки, да побольше.

В городе все так дорого, надо запасти едой.

— Да послушайте же вы меня! — выкрикнула Арина, громко хлопнув в ладоши.

Все замолчали и повернулись к ней.

— Сперва я спустилась к полянке и убедилась, что юлица уже начала проклевываться. Пока ее не очень много, но скоро будет предостаточно. Хватит и на питье, и на варенье, и на сушенья, — слова были встречены радостным гулом. — Я набрала две полные корзины и туеса и собралась идти домой, но что-то остановило меня. Я спрятала ягоду в укромном местечке, а сама пошла вниз, к обрыву.

— И что ты там увидела? — не выдержала Бика.

Арина закусила губу.

— Не знаю, в чем там дело — валун какой прикатился или трещина случилась, но лава на этот раз пошла двумя путями — и с восточной стороны и с западной. Мы в ловушке.

По площадке пронесся вздох. Кельман всем своим

существом почувствовал, как черная безысходность придавила окружающих его людей. Кто-то тихонько вскрикнул, кто-то ругнулся.

— Деточки мои, — послышался женский плач. — Погибнете.

— А я знаю, чьи это шутки!

— Да все мы знаем, а толку?

Перш постучал кулаком о ведро, призывая всех к вниманию.

— Попрошу не впадать в панику. Юлица у нас есть, так что от жажды никто не умрет. Наберем с запасом, хранить в погребе будем, не беда.

— А как сойдет она, завянет?

— Не вечно же лава будет стоять! Остынет, окаменеет — пойдем в Караст, — голос у кузнеца был спокойный и уверенный.

Лжавший на земле Сирил приподнялся на локте и поаплодировал ему.

— Bravo, bravo. Весьма недурственно. Особенно для такой дремучей деревенщины.

— Смеется...

— Пусть смеется. Ни гроша ему платить не будем.

— Не будем! Точно! — загудела толпа.

— Пусть подавится! Найдем управу!

— Не нужна нам вода!

— Выстоим!

— Выкрепимся!

— Чай не городские неженки!

— Ох, как вы будете пахнуть через месяцок, — Сирил зажмурился. — Убийственно.

— Будем пахнуть. А ты нас будешь нюхать, — отрезал Перш.

По домам разошлись нескоро. Обсуждали, кто пойдет на склоп и как делить добытую ягоду. Толпа стала редеть только после заката, когда Сирил демонстративно накрылся курткой и захрапел.

— Пойдем отсюда, — шепотом сказала Мила. — А то, кто знает, вдруг он шеи сворачивает тем, кто ему спать мешает?

Проверять никому не захотелось.

Вечером Кельман бродил по двору, прислушиваясь к нехитрым мыслям домашней живности. Но еще недавно так восхищавшая его способность, стала казаться глупой и ненужной.

— Тоже мне, царь зверей, повелитель кур и бог свиней, — говорил он себе под нос. — Вот людские бы думы читать!

Он ужинал наскоро сваренной Ариной картошкой с подсолнечным маслом и думал: «А вот если еще воды выпить? Что тогда? Вдруг талант мой еще больше разовьется? Очень даже запросто! Я бы смог узнать, что на уме у этого поганца Сирила! Ведь надо проверить?»

Этот вопрос не давал Кельману покоя всю ночь. Он ерзал на кровати, ворочался, пытался считать до ста. Ничего не помогало. Страстное желание выпить

хотя бы кружку чудесной воды становилось все сильнее. Оно жгло, давило, оно мучительно зудело, как затягивающаяся рана. Под утро терпеть стало невозможно.

Осторожно, стараясь не разбудить жену, Кельман встал и оделся. На цыпочках прошел по комнате к буфету и запустил руку в тайник, где лежали бережно хранимые монеты. Через несколько минут он выскользнул из дома и, таясь в предрассветной мгле, устремился к источнику.

Сирил уже не спал. Позвякивая ножнами, он разгуливал по площадке и отчаянно жестикулировал, словно доказывая что-то невидимому собеседнику.

— Два ведра, — сказал Кельман, протягивая горстку серебра.

— Одно, — ответил Сирил. Казалось, он нимало не был удивлен ночному визитеру. — За десять — одно.

— Только одно?

— Не хочешь — не бери.

Кельман хотел повернуться и уйти, но ноги его не слушались.

— Беру, — сказал он. — Наливай.

Вода застучала по жестяному дну. Едва дождавшись, пока ведро наполнится, Кельман выхватил его из рук Сирила и стал жадно пить. Потом, дико оглянувшись по сторонам, он пробормотал невнятные благодарности и побежал к дому. Несколько раз, заведя на дороге смутные тени, он прятался в зарослях колючек.

— И кто это тут ходит? — спрашивал он сам себя, снова и снова отхлебывая из ведра.

Стена сарая была плотной, без малейших зазоров и щелей, тщательно сработанная из хороших досок. Лишь в некоторых местах гладкая поверхность дерева ершилась коротенькими заусенцами. Прижавшись ухом к стене, Кельман вслушивался в мысли находящейся внутри Бики.

«Проклятое сено, вечно к юбке пристает. Раз, два,

Рисунок Юлии Меньшиковой

три, четыре. Где же еще?» — думала она. — «Пять. Повезло-таки этой Миле малахольной. Такого муженька урвала. Богатыря! А, вот шестое. Все равно мало, папа будет злиться. Чем я хуже ее? Лицом пригожа, да у грудь у меня повыше будет».

В курятнике что-то гулко бухнуло и запрыгало по полу, словно от пинка ногой. Возмущенно закудахтали наседки.

«А как я теперь пою! Соловушка! Жаль, раньше так не могла — небось, не засиделась бы в девках...»

Кельман покраснел и, косясь по сторонам, отошел от сарая. Ему было неловко, но эту неловкость быстро вытеснило желание снова испытать свой дар.

Уже не первый час он ходил от дома к дому, напряженно впитывая в себя мысли и чувства других людей. Сперва он стыдился, пытался урезонить себя, убедить, что поступает подло и низко по отношению к своим соседям, но все было напрасно. Жгучая жажда узнать еще чуть-чуть, еще самую малость, толкала его к следующему забору, к следующей двери, калитке. Ему открылось многое: и то, что у горластой Бики прорезался нежный, изумительной красоты голос, и то, что старый чревоугодник Труки уже третий день пишет какие-то непонятные, пугающие стихи, и то, что маленькая дочка Крубсов может с закрытыми глазами определить цвет положенного перед ней предмета. Почти у каждого жителя поселка появился какой-то талант – явный и полезный, вроде прихлопывания мух одним усилием воли, либо странный, как рисование в воздухе пальцем светящихся линий.

Кое-кто видимых способностей не проявлял. Арина лишь скептически пожимала плечами, слушая рассказы о творящихся в поселке чудесах.

– Обалдели вы все от этой воды, – говорила она своим подругам. – Все невидаль какая-то мерещится.

– Да ты пойдй, посмотри сама!

– Некогда мне по селу шастать! Дел – невпроворот. И вы бы лучше огороды перекопали, чем о всякой ерунде сплетничать.

– Да на кой ляд нам врать?! Сама можешь убедиться!

– Это все безделье, – упорствовала Арина. – Леньность. Праздность. От нее всегда в голову ахинея лезет. Вы руками-то побольше работайте, ногам отдыха не давайте. И времени не будет фантазиями предаваться.

– Пойдем хоть в гости сходим, – предложил вернувшийся под вечер домой Кельман.

– Не пойду, – ответила она. – Завтра вставать рано, да и вообще. Устала я от ваших баек.

– Да какие байки!

– Не пойду. Иди один, ежели так приспичило.

В избе Перша было многолюдно и душно. Все говорили – увлеченно, хором, перебивая друг друга.

– Глянь, как я могу, – хвастался Амс, рисуя в воздухе тонкие переливающиеся полосы.

– Э! Зато я вещи двигать на расстоянии умею!

– Вещи? Ты хотел сказать – мелочевку всякую, вроде катушек ниток?

– Так это пока. Научусь и котлами со смолой ворочать!

– Ну и какой с того толк?

– А с твоих закорюк витающих какой толк? – возмутился Крубс.

– Как какой? Это же эскуство, самое что ни на есть натуральное!

– Дак растает вся твоя красота через пять минут.

– И пусть! Новое наведу! Лучше прежнего!

– Натуральное – это как у моего зятя. Он еду всякую сквозь стены видит. Очень полезное эскуство.

– Во здорово! А выпивку видит?

– Не видит. Но очень хочет.

Самого кузнеца окружало плотное кольцо любопытствующих. На глазах у всех он залечивал ушибы выпавшего из окна мальчонки. Бледнели и затагивались ссадины на чумазых кулачках, исчезали порезы.

– Чудо, – шептали зрители.

– Теперь – точно не пропадем!

– А то! Перш завсегда поможет!

– Такой у нас теперь лекарь свой – получше иных университетских профессоров будет!

По лицу кузнеца пробежала горделивая улыбка. Кельман подмигнул ему и отошел к камину, к склонившейся над блокнотом Миле.

– Что у тебя? – спросил он, присаживаясь на подлокотник ее кресла.

– Да так, – она смутилась и прикрыла рисунок ладонью. – Ничего особенного.

«Засмеет», – услышал Кельман.

– Я видел твое море. Оно прекрасно.

Щеки Милы покрылись бордовыми пятнами.

– Спасибо, – пробормотала она.

«Я же просила его никому не показывать! Зачем он это сделал?!».

– Прятать ото всех такое диво – преступление. Мы же друзья, Мила.

– Ладно, – ответила она после минутного молчания. – Смотри.

На картине был изображен туман. Клубящиеся космы казались объемными, липкими, они притягивали взгляд и, одновременно, вызывали ощущение того, что нечто ужасное, смертельно опасное, скрыто в серой бесформенной мгле. У Кельмана по спине побежали мурашки.

– Кто там? – почему-то шепотом спросил он.

– Не знаю, – тоже шепотом ответила Мила и отвернулась.

Некоторое время Кельман рассматривал ее нервно дрожащие плечи, потом поднялся, подошел к столу и налил себе самогона. Вчерашнее желание выпить воды вернулось с новой силой.

– У меня нет денег, – напомнил он сам себе. – Платить больше нечем.

«Все продать! Дом, мебель, утварь, только чтобы узнать, что со мной станет. Хоть глоточек. Хоть каплю. Я же должен научиться. Стать сильнее. Я уверен, что способен на большее».

– Крутит? – спросил чей-то сочувственный голос.

Кельман поднял голову и увидел стоящего рядом Перша. Криво улыбаясь, кузнец вынул из его руки осколки стакана.

– Прости, я не хотел... Сам не знаю, как оно получилось.

– Я понимаю.

– Надо надраться.

- Точно.
- Чтобы поскорее вырубиться.
- Избавиться от соблазна.
- Да.

Они обменялись понимающими взглядами.

- Берем бутылку — и на чердак.
- И никакой закуски.
- Правильно. Так оно надежнее.

Поднимаясь по лестнице вверх, Кельман заметил, что гостей сильно поубавилось. И уютное кресло возле камина стояло пустым.

Кельман проснулся от крика. На улице едва-едва рассвело, слабые солнечные лучики робко пробирались сквозь крошечное чердачное окошко.

— Господи! Господи! Господи! — повторял дикий, совершенно нечеловеческий голос.

Послышался равномерный стук. Отшвырнув пропахшие пылью одеяла, Кельман рывком поднялся и бросился к двери.

Происходящее внизу выходило за пределы его понимания. Перш стоял на коленях и ритмично, безостановочно бился головой о стенку.

— Мила! Мила! Мила! Моя Мила! — слышав шаги, он повернул к лестнице слепое от слез лицо и сказал: — Она повесилась. Она повесилась в нашей спальне.

Он протянул Кельману слегка влажный листок бумаги. Тот самый рисунок. Туман. В левом верхнем углу четко была выведена одна-единственная строчка: «Столько я заплатить не могу».

- Она ходила к источнику.
- Я тоже туда пойду! — закричал кузнец. — Я отдам ему все, пусть только даст мне еще воды.
- Перш...
- Я стану искуснее и смогу вылечить Милу!
- Перш. Мила умерла. Ты не сможешь ее вылечить.
- У меня получится.
- Она умерла, понимаешь?

Тяжело опираясь о стену, кузнец поднялся и оглушенно глянул на него.

- Откуда ты знаешь, что я не сумею?
- Я не слышу ее мыслей. Совсем. Ничего. Ей никто уже не сможет помочь. Ее больше нет.

Перш обхватил голову руками и осел на пол. Он не плакал. Он сидел и смотрел на занавешенный тканью дверной проем, ведущий в спальню.

Возле источника стояла очередь. Длинная живая колонна, состоящая из подавленных, отчаявшихся людей.

— Ну, что тут у нас, — говорил Сирил, рассматривая очередное подношение. — Отрез лульского шелка?

— Да, достойный господин. Лучший в мире шелк, да и расцветочка какая — загляденье, — Амс искал потирал пухлые ручки.

- Ладно, полведра, пожалуй.
- Ах, спасибо, спасибо.
- Посмотрите на эту вазу, господин, настоящее чудо!

— Неплохая ваза, очень неплохая. Даже странно видеть ее в такой глуши.

По мере того, как Кельман продвигался вперед, гора даров возле ног Сирила росла. Чего там только не было — золотые и серебряные монеты, искриты всех размеров и цветов, какие-то древние книги и рукописи.

- Показывай.
- У меня ничего нет, — сказал Кельман, тщетно пытаясь уловить мысли Сирила.
- Зачем тогда пришел?
- За водой.
- Ты должен мне чем-то заплатить.

Кельман напряженно всматривался в узор прожилок на каменной раковине. Близость источника сводила с ума.

- Я готов.
- Сморщив длинный нос, Сирил изучал просителя.
- Хорошо. Вижу, твой талант — не в мастерской ловле мух и не в шевелении ушами.
- Я читаю мысли.
- Знаю.
- Смогу ли я со временем слышать духов?

Сирил приподнял бровь.

- Возможно. Я не провидец.
- Что ты хочешь получить?
- Твою жену, — быстро ответил Сирил. — Отдай мне свою жену.

- Арина не продается! Она живой человек!
- Мне она не нужна живой.
- Что?.. — Кельман попятился.
- Убей ее. Здесь. И я тебе дам сколько угодно воды, — глаза у Сирила были стеклянные, не выражающие ничего, кроме легкого нетерпения.
- Ты ненормальный!
- А ты сам? А все остальные?
- Ты ненормальный, — снова сказал Кельман и побрел прочь.

Дома было тихо и спокойно. Пахло свежеспеченной ковригой, на столе дымилась тарелка с жареной картошкой.

— А, вернулся? — Арина вышла из кухни, вытирая руки о передник. — Садись, наворачивай.

- Да я...
- Ешь, ешь. После возлияний надо обязательно горяченького покушать. Супца бы хорошо, да сам понимаешь — какие теперь супцы, когда за воду по пять серебряных просят.

Кельман отвел глаза и принялся орудовать ложкой. Пить хотелось невыносимо.

«Зачем я сюда пришел? — думал он. — Надо бежать скорее, как можно дальше. Или не бежать, а

прыгнуть в лаву — и дело с концом. И никаких искусов, никаких желаний непотребных...»

— Хлеб бери, — сказала Арина. — И ягоды.

«Что с ним? Он сам не свой».

— Тут вот какое дело, — начал Кельман, старательно подбирая кусочком горбушки янтарно блестящее масло. — Надо пойти к источнику и поговорить с Сирилом. Серьезно поговорить. Объяснить, что мы можем хорошо его вознаградить, но только после того, как соберем Дор-Сурувы камни. Он ведь неглупый человек, должен понять.

— А если он вообще не человек?

— Пусть объяснит, в чем наша вина, за что мы наказаны.

— Может это и не наказание вовсе?

— Ты идешь со мной?

«Откажись, — молил Кельман. — Откажись, я не потяну тебя силой. Скажи, что у тебя много дел и некогда по поселку шляться».

Арина взяла у него опустевшую тарелку и недовольно пробурчала:

— И не вымыть теперь. Опять придется песком оттирать, — она зябко повела плечами. — Конечно, иду. Должен же там быть хоть кто-то, не одурманенный этой дрянной жижей.

В пути они молчали. Арина размышляла о том, как можно выгнать из поселка обнаглевшего иноземца, а Кельман украдкой поглядывал на ее потрескавшиеся губы, на тонкую шею, на шрамик на щеке.

«Я никогда этого не сделаю. Никогда, — он нащупал припрятанный за пазухой нож и крепко сжал рукоять. — Я убью Сирила. Пусть это невозможно, все равно убью. Уничтожу, как слизняка, как мокрицу».

— Итак, вы пришли.

Площадка возле источника была совершенно безлюдна, если не считать одинокой фигуры возлежащей на ступенях.

Кельман втянул ноздрями воздух, и голова его закружилась. Здесь было влажно. Казалось, крошечные, невидимые капельки воды рассеяны повсюду, и стоит лишь сложить ладони ковшиком, немного подождать — и волшебная жидкость дождем прольется в руки.

— Господи, помоги мне, помоги мне, господи.

Сухой, непослушный язык с трудом ворочался во рту, каждое движение причиняло страдания. Только глоток, только самый маленький глоточек. Силуэт стоящей рядом жены расплылся, распался на отдельные фрагменты. В нем больше не было ничего человеческого — просто набор линий, изгибов, выпуклостей и впадин.

— Я жду, — голос Сирила подстегнул, взбодрил, в нем чувствовался звон ручья, а значит — спасение.

— Что с тобой? Тебе плохо? — спросила Арина, но Кельман услышал лишь какое-то невнятное скрежетание.

Он вскинул руку с ножом и несколько раз ударил жену — в грудь, в живот, в горло. Она закричала, и в этом крике было больше недоумения и обиды, чем боли.

Вокруг Кельмана пылала пустота. Он был один среди языков пламени, среди дышащих жаром печей и труб. Искрящаяся, волшебная влага была здесь, рядом, надо было лишь пробиться к ней сквозь что-то чужое, ненужное, мешающее. Когда Арина упала на землю, перед ним открылся светящийся коридор, в конце которого его ждал источник. Опустившись на колени, Кельман благоговейно коснулся синей холодной поверхности. Он пил и чувствовал, как меняется вкус воды, как она становится все более пресной, как уходит из нее особая, колдовская свежесть.

— Ну, хватит уже, — недовольно сказал Сирил, хлопнув его по плечу. — А то лопнешь.

Кельман поднялся, сделал несколько шагов и замер. Перед ним, на мокрой от крови каменной плитке, лежала Арина. Она была еще жива и легкие, почти неощутимые мысли кружились в ее голове. Но Кельман увидел другое — прозрачную жемчужную пленку-кокон, охватывающую все ее худое, нескладное тело. Кокон покрывали хитрые письмена и рисунки.

— Наставница, — прошептал Кельман непослушными губами. — Ее дар был — учить детей.

Он беспомощно огляделся и заметил, что такое же перламутровое сияние окружает и его самого, и пробогавшего невдалеке мальчишку.

— Читающий по звездам...

Кельман не мог как следует рассмотреть знаки у себя на груди, но знал, что они один в один совпадают со сложной вязью зигзагов и дуг на коконе Сирила.

— А ты... А мы..., — Кельман вдруг заметил, что длинноносый смотрит на него с дружеским, почти родственным пониманием и сочувствием.

Его глаза больше не казались стеклянными, они были живыми, ясными, излучали тепло и свет.

— Пойдем, брат. Пора. Дор-Сур успокоился и нам здесь больше нечего делать, — сказал он, указывая на притихший вулкан.

— Но куда?

Сирил пожал плечами.

— К Хохочущему водопаду. Или к устью Кар-реки. Вдвоем нам под силу многое.

Дмитрий ОДИНОКИХ

Дмитрий Одиноких живет в городе Кыштым. Он пишет удивительные, напевные стихи, которые несут в себе подлинно народное, былинное начало. Его строки не архаичны, а вполне современные, потому что напоминают нам, вошедшим в двадцать первый век, о вечном: о живом начале в природе, о любви к своей земле. О дороге, которая ведет по жизни среди молочных туманов, соломенных полей журавлиным берегом. Это и путь к самому себе, к постижению высших истин: ведь «лесом лесенка в небеса, полезай душа, коли хочешь».

Они почти не рифмованы, эти распевные строфы. Дмитрий не читает их, а поет, поет и под гитару, и одним голосом. Звучали они на многих бардовских фестивалях, на празднике традиционной мужской культуры «Дмитриев день», выходили в виде сборников («Свирель акации», «Калины росы», «Родниковый узел»), опубликованы в «Нашем современнике», «Литературном Екатеринбурге». А сегодня Дмитрий Одиноких — на страницах «Уральского следопыта».

Вадим Осипов, член Союза писателей России

***

Не у истоков ли звенящих родников,
не на краю ли поющих метелей
зарождались колыбельные песни,
сокровенные песни души?
Не дыханием ли побережной волны,
не пуховым ли крылышком вербы
согрелись они, затаённые ли,
затерянные в глубине человеческого сердца?
Уж не мне ли сегодня поют высокосные вьюги,
не меня ли, земного, зовут тополиные ветви?
Не моего ли слова они ожидают?
Будет ли это слово таким же ясным и живительным,
как родниковая вода?
Дай-то Бог.

***

Мне бы ниточку не порвать,
Что ко мне опустилась с неба,
Тоньше светлого Покрова,
Проскользнувшего по-над вербами.

Мне ли, грешному мужику,
Эту кладь нести по развилкам,
С заковыками на току,
С передрыгами на задривке?

Оборвётся же невзначай,
А с печалью и не вспомню:
На какой версте вгорячах
Свой земной талан проворопил.

Меж соломинок золотых,
Меж серебряных половинок
Не найти её, не найти,
Как не выплести из России.

***

Ситцевая ниточка, родниковая,
Узелок на узелке,
Всё ведёшь ты меня, непутёвого,
По земле, по земле.

Журавлиным берегом, медным камушком,
Колокольной капелькой
Ты зовёшь меня, безмянного,
Ласково, ласково.

Семеню за травами, за дубравами:
Соляными братьями,
Знать, одною ниточкой мы, упрямые,
Связаны, связаны.

Росная сторонushка, лебедовая,
Коломянка рваная
Сколь твоею ниточкой родниковою
Латана, латана?

От зари долго ли до зари.
По пути, только бы по пути
Не забыть запястье сыночка
Повязать ниточкой ситцевой.

***

Полна лохань молочного тумана! -
Того гляди, и хлынет через край.
— Испей, сынок, чтоб даром не пропали
Томлённые туманы в клеверах.

Уж не суди за скромную посуду...
Какая есть — другая не дана,
Зато своя — на здешнюю округу
С берёзовой каймою по краям.

Испью и я, покуда не остыла
Звезда моя соломенных полей,
Из лапотка оленьего копытца,
С серебряных мизищев ковылей.

Кумовья

Во березии — лугова:
Иван-марьины, васильковые.
Тимофеевы кумовья
Мне по матушке все знакомые.
Что ни дерево, то судьба
И медовая, и бедовая,
Не забыть бы вас в закутках
На окраинах, мимоходами.
Абы свидеться на чуток,
Абы справиться о здоровии,
Костяной ногой — на порог.
Попроведать вас — успокоиться.
Лесом лесенка в небеса,
Полезай, душа, коли хочется.
Те же звонкие голоса
По рассеянным колокольчикам...
— Видишь, доченька, волоски?
Волоски мои как соломинки, -
Вправду, видимо, — с бересты
На плечах твоих зреют родинки.

***

Ветра нет. И тишина туманна,
И зеркальна в заводи пруда.
Светлая усталость ожиданья
В золотом молчании листа.

Где моя мелодия, Бояне?
Разошлась, соколик, по верстам,
По сердечкам трепетным запала
Зыбкая мелодия листа.

Слышишь ли на маковке дыханья,
Как дрожит скрипичная струна
Золотой рябиновой октавой,
Плавно истекающей в туман?

Облака плывут за облаками,
До зимы дожить бы как-нибудь, —
Улетела б вслед за журавлями
Грусть моя, рябиновая грусть.

***

Этот ветер погубит меня,
Вырвет душу как лист тополиный,
Понесёт по горячим полям,
Повезёт по горящим долинам.

Мне бы радоваться, дураку,
Что вернусь на знакомые нивы...
Так опять же промчит на скаку,
На корню оставляя озимые.

Подковать бы тебя, скакуна,
Золотою подковой колодца,
Чтоб до крайнего позвонка
Чуял медные гвозди колосьев.

Не скитался бы в облаках,
Не искал бы заоблачной манны,
Кабы ведал ты вкус молока
Над зарёю склонившейся мамы.

В повечерии золотом

Мне ещё доведётся побегать
По сплетённым дорогам земным
В пыль истёртым, искрошенным телом
По пути припадая к живым.
Говорить им о добром, о светлом
На понятном родном языке
Тополей, препоясанные ветром,
Пепла, сжатого в кулаке...
А пока — преклониться и слушать:
Перебор, перезвон, перестук, —
Всё поют соловьиные души,
Журавлиные души зовут.
Не мою ли подранку торопят? —
Вот окрепнет худое крыло,
Отпущу по добру по здорову,
А покуда не ждите сё.
Нам ещё на залатанной лодке
Плыть и плыть хлебосольной водой:
Кружевной деревеньки Николы
Уносить берега за собой,
В уголок под сосновым угором,
В узелок слюдяных ручейков
Все былинные русские горы,
Золотые ключи родников...
Вот уж снова залётные птицы
Острым клином сошлись надо мной,
Колыхнув молодильные листья
В повечерии золотом.

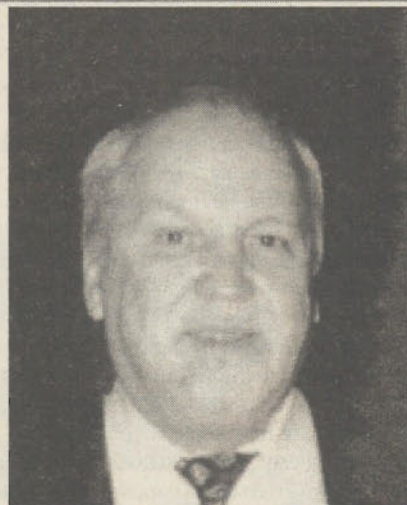

Владимир БЛИНОВ

Читая произведения Владимира Блинова, пронизанные документальной достоверностью и любовью к Отечеству, кажется, что перелистываешь семейный альбом уходящего времени, ощущая летописное дыхание истории...

Владимир Блинов известен как вдумчивый прозаик, автор книги рассказов и повестей о военном детстве "Хлебная карточка" (Свердловск, 1989). Им написана повесть о жизни замечательного скульптора Эрзи "Недорисованный портрет" (Саранск, 1991) и лирическое повествование о писателе Д. Н. Мамине-Сибиряке "Одиннадцатая сказка для Аленушки" ("Литературный Екатеринбург", 2000). Но начинал он, как помнится, со стихов, еще в шестидесятых, в литературном Клубе им. Пилипенко. Поэтому вполне закономерно и появление поэмы "Час княгини Марии" (1992) и выход в свет сборника стихотворений "Отцовское вино" (БКИ, 1999). Хочется отметить, что и в прозе, и в стихах Владимира Блинова благородная мужская сдержанность и обстоятельность творческого почерка счастливо сочетается с беспредельной влюбленностью и восторгом. Слово писателя не имеет возраста. Оно адресовано всем. И даже сквозь горькие строки просвечивает улыбка.

Владимир Блинов — член Союза писателей России. Профессор УГАХА. Заслуженный работник высшей школы РФ. Председатель Правления Екатеринбургского отделения СП России.

*Любовь Ладейщикова,
поэт, член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры РФ.*

Ты помнишь, Мальчик?

— Ты помнишь, Мальчик, сегодня мы идем за посылкой?

— А когда пойдем, сейчас? Лен, мне только по истории осталось...

— А хоть сейчас. Одевайся, Мальчик!

У них такая игра была: если она называла его Мальчиком, он звал ее не мамой, а Леной, так же, как звал ее дядя Костя, мамин друг. Впрочем, и Мальчиком он же его прозвал. Дядя Костя был старше мамы, и волосы у него, если приглядеться, были седыми. Но он улыбался хорошо. Он возился с Мальчиком на диване и на ковре, он выстругал ему деревянный меч, а из картона они вместе смастерили богатырский шлем. Он был молодой, старый этот дядя Костя, мамин друг.

Но давно уж это было — и диван, и меч, и шлем. Тогда дядя приходил к ним часто, иногда ночевал, но надолго никогда не оставался. Отца Мальчик не помнил, и ему хотелось, чтоб Костя стал ему отцом, он звал бы его папой или просто Костей.

Но дядя Костя завербовался в торговый флот и ушел на полгода в плаванье.

И в доме их стало тихо и скучно, и никто не приходил, никого не ждали. Хотя нет. Неправда — ждали! Писем Костинных ждали. Письма от дяди Кости не в ящик опускали, а приносили прямо в квартиру.

— Вам заказное, — звонко говорил почтальон, стоя

в дверях, — распишитесь, — протягивал желтый бланк и вручал конверт, оклеенный многими марками, большими и яркими, как бабочки.

Расписывалась Лена. Но однажды, когда она еще не пришла с работы, расписался сам Мальчик. А что — он уже умел писать, ведь он ходил в первый класс, он изучил все буквы, а также многие числа.

Вечером они включали настенную лампу, забирались с ногами на диван, и Лена читала вслух дядину письмо. Он не часто их писал, зато длинно, подробно и смешливо: какие страны посетили, что видели, о том, как однажды заблудились в незнакомом городе, как механик обучил попугая разным словам, а тот хорошие говорил всем, а ругательные — только механику, своему учителю. Еще о том, как однажды матросы отравились какими-то дикими фруктами, и доктор держал полкоманды на одной воде и сухарях целых три дня. Про разное писал дядя Костя. А в конце сообщал, что соскучился о Лене и Мальчике, и хочет поскорее увидеть их. И еще он что-то такое писал, отдельно для Лены, это она пропускала. Мальчик чувствовал, но с расспросами не приставал. Ему даже приятно было, что Костя что-то там хорошее его маме пишет.

А вот вчера вечером пришло извещение, не письмо, а извещение на посылку. Почта была уже закрыта, и решили они с Леной получить посылку завтра.

Целый день сидел Мальчик на уроках и думал: что же такое прислал им дядя Костя? Может, конфет американских или фруктов каких, может, чучело крокодила или маленький парусник...

Посылка была небольшая, но тяжеленькая. Она была не такая, как наши посылки, не в тряпичном мешочке и не в фанерном ящике, а в белой с голубой полоской пластмассовой коробке. А буквы сверху — нерусские, а печати. Как и паши — круглые. Сургучные, красно-коричневые.

Что может быть интереснее распаковыванья только что полученной посылки! Посылка — это событие! В нем есть ожидание чего-то хорошего, нового, но пока еще вам неизвестного, в нем — благодарность к посланному... В посылке вы улавливаете горьковатый запах угольного паровозного дымка, вы осматриваете и ощупываете строгие, непререкаемые сургучные печати, которые можно сковырнуть только вам, адресату, никому другому. В посылке есть тайна.

Когда мы с мамой получали посылку, мы всегда открывали ее вместе. Если кто-то из нас получал ее раньше и приносил домой, обязательно дожидался другого. Посылка стояла на кухонном столе, обвязанная шнуром, забитая гвоздями, надписанная химическим карандашом. Даже если она приходила от мамы сестры Клавды, и мы заранее знали, что архангельцы посылают нам традиционную клюкву (твердые застывшие темно-бордовые шарики) и связку белых сушеных грибов, мы ждали еще чего-то непривычного, новенького. И — находили. То книжку об архитектуре русского Севера, то любительские фотографии семьи Дехтеревых возле своего домика. Да просто газету «Северная правда», укрывавшую сверху ягоды, и это было интересно, ведь она повествовала о какой-то другой жизни близких нам далеких людей.

Однажды я отправлял посылку с Кавказских минеральных вод. Чтобы облегчить чемодан с гостинцами на обратном пути, решил отослать почтой лишний груз — белье, тапочки, пару летних ботинок, ну и другое барахло: пусть идет посылкой на мой уральский адрес, на мое имя. Но перед тем как запаковать ящик, задумался: скучная же будет посылка. Даже самому себе скучная, а жене, сыну... Сбегаю-ка на базар, накуплю разных разностей. И затолкал в посылку четыре спелых граната, малецкий стеклянный бочонок с желто-зеленым медом, самодельный кавказский ножичек с разукрашенной ручкой и ножнами. Тайна посылки продолжалась.

... Мальчик старался слушать учительницу, выводил по линейкам круглые ровные буквы, неплохие буквы получались. Но думал он о другом. Как там моя курточка, думал он, висит, бедная, одна, плохо ей без меня, одиноко. Ну ничего, с ней ведь якорь еще, золотой якорек металлический. Скоро закончатся уроки, и снова мы вместе.

Он думал о ней как о живой, о своей синей японской курточке, которую прислал ему в подарок дядя Костя, мамин друг.

Утром его окружили перед школой ребята, и двоим он даже дал померять курточку, Ильке дал Говорухину и Володьке дал.

— Отец прислал? — спросил Володька.

— Угу, — кивнул Мальчик.

Он бы и остальным дал померять, да уж некогда было, звонок прозвенел, и потому остальные только потрогали якорь на рукаве. В раздевалке он повесил курточку в угол, чтоб не сбросил ее кто-нибудь в суматохе на пол, вешалку бы не оборвал.

... Еще в посылке была тонкая желтая ночная рубашка для Лены. На рубашке вышита черная роза. Наверное, такие рубашки носят японские женщины. А еще в коробке лежали три консервные банки с какими-то неизвестными фруктами. И Лена решила списать названия, чтобы ее подруга перевела английские слова.

На самом дне лежала открытка, на открытке — какой-то город с высокими белыми домами, порт и корабли на причале. Корабли все в пестрых флажках, видно, какой-то морской праздник происходил в городе.

Лена тут же ушла в другую комнату, и в полуоткрытую дверь видно было, как она надевала рубашку и поворачивалась перед зеркалом. Потом она вернулась.

— Ну как? У меня таких еще не было.

Мальчик смотрел на черную розу и на короткую желтую рубашку, из-под которой выглядывали ленивые ноги, длинные. Как у девчонки.

— Тебе нравится, Мальчик?

— Ничего, вообще.

Ему как-то неловко стало глядеть на нее в этой рубашке с черной розой.

— Ты чего, не нравится, что ли?

— Говорю, нормально.

И он снова стал рассматривать открытку.

— Да ну тебя, Мальчик.

И она быстро накинула халат.

— Вот так одеваются люди, а я что... И у нас девчонки одеваются. Откуда что берут, зарплата в два раза меньше моей, а джинсы штатовские, дипломаты, сапожки...

— Может, мы много проедем?

— Скажешь тоже!

Потом они открыли одну консервную банку малецким ключиком, который был прикреплен тут же, и пили чай с вареньем из японских фруктов.

— Лен, а почему дядя Костя на открытке ничего не написал?

— Я вот тоже думаю, — вздохнула Лена.

Якорь был не то чтобы весь золотистый, а темный, бронзовый, как бы овеванный морскими ветрами, омытый черной штормовой волной Торресова пролива. И только в нескольких местах он горел золотыми

солнечными бликами. К курточке прилагалась коробка, а в ней — паста для чистки пуговиц и якоря, щеточка и такая же специальная пластинка с вырезом, которую полагалось надевать на пуговицу, чтобы при чистке не запачкать пастой саму куртку. Лена сказала: у пасты миндальный запах.

... Мальчик заранее сложил книги в портфель. И как только прозвенел звонок, все выскочили из-за парт, а он первым понесся по коридору и дальше, вниз, прыгая через две. А то и три ступени. Волосы прыгали у него на голове. Он вбежал в раздевалку. Бросил портфель на пол.

Синяя японская курточка с золотым якорем была распластана бритвой.

Одна полоска даже свесилась вниз, и зияла внутри бледно-розовая вата.

...Лене было страшно от того, что Мальчик не плачет; лучше бы уж он не молчал, а плакал. Они снова пили чай, смотрели телевизор.

— Мы напишем с тобой, и дядя Костя привезет тебе новую куртку договорились?

По экрану метались баскетболисты. Один, негр, почти не прыгал, он и так доставал до кольца и забрасывал один мяч за другим. Наши все же выигрывали.

...Мальчик видел их, тех. Они стояли за кустами пыльной апрельской акации, когда он выходил из школы, он видел. Один, по прозвищу Курица, был из их класса. Его как раз не было на последнем уроке. Другие двое — его дружки из пятого. Они курили.

Мальчик не стал надевать куртку, он свернул ее и нес под мышкой.

— Эй, пацан, дай куртку примерить, — крикнул один.

— Может, загонишь за полцены? — крикнул другой.

А Курица захохотал мелким смешком.

Ему бы заплакать. Ему бы легче было. И маме тоже.

Но был ли виноват Курица? Да и те двое — тоже? Они-то наверное, но Курица?.. В нем было что-то жалкое — хохолок белобрысый на макушке, клювик длинного носа. И все его шпыняли в классе, может, оттого он и прибил к тем, постарше.

Еще на работе Лена почувствовала: что-то неладное сегодня случится. С утра у нее пошла неудача: до двенадцати пришлось перечерчивать вчерашний чертеж — в расчетах напортачила, потом начальница отчитала за пятиминутную задержку после перерыва. Да и курточка из головы не выходила. Хотелось рассказать подруге — и о куртке, и о рубашке, и о пустой Костиной открытке. Не стала рассказывать...

Рисунок Юлии Меньшиковой

Дома, еще в прихожей, стягивая туфли, она почувствовала какое-то напряжение. Быстро прошла во вторую комнату. Мальчик сидел на диване, листал книгу. Фу, отлегло от сердца. Да и что, собственно, могло случиться?

— Ты что молчишь, зачитался, не встречаешь меня?

— Читаю.

— Что это? Из библиотеки?

— Из библиотеки.

— Уроки выучил?

— Угу.

— А что у тебя с пальцем?

— Да так.

Указательный палец у него было обмотан изолентой.

Она быстро прошла в ванную и заглянула в шкафчик, где лежали мыльницы и зубные щетки. Там же был станочек для бритья, который когда-то принес дядя Костя. Вспомнила, как тогда тихо порадовалась, это была его первая личная вещь в их доме. Лена отвернула ручку, сняла верхнюю пластинку. Лезвия в станочке не было.

— Слушай, что-то случилось? Ну-ка, выкладывай! Посмотри на меня.

Мальчик поднял на нее глаза.

— Тебя классная вызывает.

— Это — да? — Лена держала в руках детали безопасной бритвы.

— Я порезал пиджак Курице.

Но был ли Курица виноват?

— Что же ты наделал, Антон. — Она закрыла лицо руками. — Ведь они бьются вдвоем с матерью, она у него уборщица, болеет все время. Она пальтишко Курице из милицейской шинели выкроила. Да не в этом даже дело: ты оказался таким же, как те.

Курица, согнувшись, сидел впереди, и серый школьный пиджачок обтягивал его спину. Когда Мальчик полоснул по нему бритвой, никто вначале и не заметил. Курица не вскрикнул даже, только пискнул тихонько. Под пиджаком, в порезе, Мальчик увидел не подкладку, и не рубаху, и не майку, а бледное тело Курицы и позвонки.

... Тогда Мальчик вовремя смылся после уроков. И пятиклассники избili его друзей Ильку Говорухина и Володьку. Завтра Илькин брат пообещал «начистить будки» пятиклассникам.

В пальце токало от пореза. Левая его рука была зажата в кулак, и в ладонь больно впивался золотой якорек.

— Что же мы напишем дяде Косте, Антон?

По экрану из одного края в другой носились баскетболистки. Казалось, ноги у них были длиннее туловища раза в два. Мелькавшие над головами белые ладошки негрятенок ловко перехватывали в воздухе мяч. Наши опять выигрывали.

— Мама, давай напишем про якорь. Он такой красивый. А про куртку не падо. Ладно?

Рисунок Юлии Меньшиковой

И сердце прикрывала я ладонью,
И доверяла чувства лишь строке,
Пульс замедлялся нестерпимой болью,
И смерть маячила невдалеке.

Не упрекайте, что тугие сети
Не попыталась из-за вас порвать.
О, кто из вас в наследство, дети,
Моей души частицу может взять?

27.08.1997г.

***

Замирает сердце, остывают чувства,
Пульс не выбивает приступы безумства,
Видно, заплатила по счетам ненужным,
По счетам кровавым, по счетам натужным.

Безнадёжен довод в шаткости ответа,
Правды не замечено в скупости привета;
Удивит кого сейчас строчек содроганье?
В океане рифм лихих тонет причитанье.

Если б я сегодня вовсе замолчала,
Замерла бы чья душа? Чья бы зарыдала?
Кто б в иронии остыл, повинился разом,
В ком родник бы забурился над судьбы рассказом.

Чётки жизни, чувств разгон, перегоны, вехи,
Ропот боли, волн изгиб, времени прорехи,
Острия и виражи — всё идет по кругу -
Их оставлю при себе; радость — только другу.

Где-то ж есть на свете тот, для кого сгорала,
Для кого свою любовь я оберегала.

23.01.2000г.

***

Сквозь тебя, как сквозь колесо,
Прохрустеть бы мне белою костью
И горячею крошкой в лицо
Польхнуться мирозданию; кто гостью

Разглядит среди звёздных миров?
Разлетайтесь, стихи, на пунктиры,
Безвоздушные точек и слов
Заслонят от удачи кумиры.

Сквозь тебя, как сквозь боль и разрыв,
В чистоту и бессмертье покоя,
Чтоб ожог остудил чувств прилив,
Чтобы страсть нашла средство другое

Выражения жизни вне нас;
Откровеньем бы не задохнуться;
Остается один только шанс:
Сквозь меня тебе к жизни вернуться.

23.01.2000г.

***

Июль к зонтам приник и дремлет...
Как малокровен взор небес,
Он солнца жалобам не внемлет,
Дождей рождая благовест.

Влюбиться б до сердцебиенья,
Так... Ни за что... В счастливый час...
До хрипоты... До помраченья...
В того ли?.. В этого ли?.. В вас?

О, боже! Как люблю всё это:
Что было, будет и что есть,
Что рядом и блуждает где-то,
Как вздрог дождя о крыши жест!

И этот клёкот дребезжащий,
И стон словес, и вздох пространств,
И голос в тишине звучащий
Среди свечей и звёзд убранств.

14.07.2001г.

***

В день судный недосказанности грим,
Прощение строки, бесплодность время,
Наркоз возмездий, жёлтой прессы дым,
И бьющее бессонницею темя.

На колесницу мозга и огня,
В поток стрелы, в зачатие рожденья,
Под серп Луны, и под копыта дня
Душ, и молитв, и чувств остеклененья.

И эпилог припадка битых карт,
Прицел крыла, прицел зрачка пустыни,
И боль зимы, и осени азарт -
Всё в первобытность паузы отныне.

17.11.2001., Москва

Александр ПАПЧЕНКО

Лит

Его шаги раздались неподалеку, и мы стали деревом. Мы слились с шершавой его корой, мы стали его ветвями, продолжением ветвей, его листвой. Мы старались думать, как дерево, чувствовать, как дерево... Вот Незнакомец совсем рядом. Лит все-таки зажмурилась, и... Он миновал дерево и отправился по следу, который я проложил для него. Скоро Незнакомец наткнется на дубовый лист, затем будет рыскать около него, пока не поймет, что женщина спускалась к реке... Я взял Лит за руку. Та, Имя Которой Произносить Нельзя, накрой нас своей ладонью!

Второй раз мы его увидели, когда уже побледнело небо. Река дымилась. Незнакомец шел по ее берегу. Он так неожиданно появился из-за поворота, что мы испугались. Но Незнакомец очень устал искать нас, поэтому не почувствовал запаха нашего страха. Если сама твоя кожа, твои глаза, уши и даже голос и даже то маленькое, что стучит и бьется внутри тебя, излучает страх, то чем ты его перебьешь, этот запах страха? А ведь он так долго держится на безветрии...

Незнакомец остановился под нами, и я неожиданно почувствовал то, о чем я подумал позже. Я не успел отвести взгляда и смотрел, как Он стоял, уставившись на реку. На плече у него лежала увесистая сучковатая дубина. Как я ее не заметил, там у ручья? Или Он ее поднял позже? И тут я потупился. Я слился с деревом...

Я правильно проложил след, но Незнакомец прошел его быстрее, чем я думал. Сейчас Он от Реки отправится к ручью, и там поймет, как лежит след. Он увидит его сразу весь целиком, поймет, как я его прокладывал, и догадается, где мы прячемся...

Я выждал еще некоторое время, чтоб быть уверенным, что Незнакомец на полпути от берега реки к ручью, и помог Лит спуститься с дерева. Более можно было не таиться, и Лит тихонько скулила, как ушибленная собака. Как ушибленная болотная собака. Мы спустились к реке. Я не знал, умеет ли Лит плавать, но не стал ее спрашивать, все равно у меня не было времени на то, чтоб искать подходящую корягу. Подумал — буду держать ее на воде, пока не увижу на берегу что-нибудь подходящее...

Мы вошли в воду и поплыли по течению. И тут я вспомнил о том, что я почувствовал, когда Незнако-

мец стоял под нашим деревом и смотрел на реку. Почему-то я почувствовал тогда, что Рыжебородый желал бы меня убить, точно так же как этот, Он. Точно так же буднично, словно сворачивая шею утке. Не извинившись...

Оказалось, что Лит неплохо плавает. Держась середины Реки, мы миновали устье заболоченного ручья.

За ночь вода немного остыла, но холодно не было. Нас согревало желание побыстрее покинуть негостеприимный берег... Никогда после я не встречал нашего преследователя.

Река уносила нас на себе, а я думал — кто был Он? Человек, от которого отвернулись соплеменники? Человек, которого изгнали из племени? Эли говорил, что когда человек остается один, в нем появляется много пустого места. Раньше эти места в человеке занимали люди, потом человек ушел от людей, и их место в нем освободилось. Но человеку плохо, когда его мало, вот он и наполняется всем, что вокруг него — барсуками, облаками, рыбами, жабами, деревьями...

Наверное, я это думал вслух, потому что внутри у Лит что-то заурчало, ну точно как в середине кошки, когда ей за ухом чешешь. Вот так — ур-р, ур-р... Внутри у Лит что-то заурчало, она выбралась на берег, подняла с земли какую-то ветку и сказала мне:

— Лес — это люди, в которых много дерева. Деревья бы побежали вслед за нами, если бы хотели вновь стать людьми, но в них уже слишком много дерева.

Так сказала Лит, и стала смотреть на меня сквозь ветку. Глупая Лит, без ветки видно лучше. Потом я попробовал подумать, как это будет выглядеть бегущий по берегу лес, и у меня заболела голова.

— Деревья-люди нас царапают, потому что мы их оставили когда-то в одиночестве... — сказала Лит, — В отместку будто, — добавила Лит, отбросила ветку, зачем-то убежала в сторону, сорвала с куста лист, несъедобный лист, и стала рвать его на неравные части. А эти части листа соединять между собой.

(Продолжение. Начало в № 7)

— Запаха куропатки не бывает отдельно от куропатки. Отдельно не бывает ноги от человека. Отдельно не бывает меня от моей тени. Отдельно... — я сжал виски руками, не в силах постичь произнесенное Лит.

— Бывает! — закричала Лит, — Тень бывает отдельно. Ну? — Лит бросила на ветер куски разорванного ею листа, затем вернулась, нашла в траве один из кусков порванного листа, подняла, посмотрела на него и опять выбросила. Чтобы понять женщину, нужно быть самим Вигару. И как бы мы без него постигали волю той, Имя Которой Произносить Нельзя? Но я не Вигару. Я сказал глупой Лит:

— Хорошо. Пусть еда будет отдельно от тебя. А ты радуйся, будто съела мясо, — я рассмеялся. — Не надо охотиться! Все равно кролик бежит отдельно от своих ног! Поставишь силос — поймашь уши! От кролика! Длинные уши кролика, что пробежали мимо! Уф!

Глупая Лит зашипела, и мы отправились в путь. Так мы и шли — я впереди, смеюсь, а Лит позади меня шипит от злости... А затем слышу — Лит не идет. Оглянулся — сидит на земле и смотрит на меня. И глаза у нее как у птенца в гнезде — круглые и скользкие. Ты зачем не идешь, Лит, а смотришь на меня так?

— Река прошлась по кругу, — говорит тихо Лит, — И мы идем туда, где Он нас ищет! И ветер от нас — туда. И Он нас, может, уже слышит. Ну.

— Ты о ком, Лит?

— О том, что ночью приходил!

— Я не чувствую его запаха, я видеть его не вижу — его нет.

— Но где-то же Он есть! Там! — Лит махнула рукой в сторону.

— Когда я услышу его, Он будет. Когда я почувствую его, Он будет. Когда я увижу его, Он тоже будет. А сейчас дерево вон стоит, оно есть. Камень вон лежит, он тоже есть. Трава есть. Ты, Лит, есть, а его нет.

— Но где-то же Он есть! — стояла на своем Лит.

— Ладно, — согласился я, лишь бы успокоить Лит, — Пойдем, Эли нас ждет.

— Ага! Значит Эли есть, а этого нет? Где он, Эли? Где он прячется? Ну? — Лит подбежала к дереву и заглянула за ствол. Лит подпрыгнула, осматриваясь. Лит приложила к уху руку; — Эли тут нет, а для тебя он все равно есть. Вот и тот тоже есть!

— Эли это я, — объяснил я глупой Лит, — Поэтому он и есть.

Мы еще немного поспорили, и чтоб сделать Лит приятное, я сделал крюк, огибая кажущееся ей опасным место. Я шел и думал, что вот действительно

ведь: Эли я не вижу перед глазами, но всегда чувствую. Будто вижу глазами. Точно так же, как вижу каждого из моего племени, они всегда со мной. Почему? Только они теперь совсем мало занимают места во мне... А вот, этот который приходил ночью, его нет со мной. И как это понять? Я попробовал представить себе его, но у меня вдруг страшно заболела голова. Еще бы! Как это жутко — видеть то, чего нет! Так ведь можно увидеть Оя! Или даже Воа! Как это страшно представить, то что происходит не из запаха, не из тени, не из следа, а просто из чего-то такого, чего на самом деле нет перед моими глазами? Как жить в таком мире, где все возникает и исчезает из ничего внутри тебя? И как в них разобраться, в этих ничего не обозначающих видениях, теснящихся в твоей голове?! Я сжал виски руками! Прости меня та, Имя Которой Произносить Нельзя!

— У меня от тебя все время болит голова, — сказал я Лит.

А Лит принялась рвать из земли высохший стебель дикого шавеля. Зачем он тебе, Лит? Пришлось возвращаться и рвать стебель... Лит поглядела на него и выбросила.

А потом мы пришли. Вот уж Эли обрадовался. Вот уж он тряс своей бородой. Я тоже обрадовался. Еще бы — костер не погас, у костра моя женщина, за спиной мое убежище... Костер, Эли, Лит и убежище — все настоящее. Хотел бы я посмотреть, кого сможет защитить убежище, построенное в голове? Кого сможет обогреть выдуманный костер? Обласкать придуманную женщину? Уф! Я так подумал и стал веселым — глупая Лит. Нельзя построить в голове того, чего нет на самом деле. Еще хорошо, когда ты видел это раньше. Вот как я Сына Салисы. Да, я его могу представить. Или пещеру Учита-ту. Но чем дальше от тебя то, что ты видел, тем труднее чувствовать его частью себя. А того, что ты не видишь, нельзя представить. Если бы у меня было три руки, я бы чувствовал и третью руку. Но как думать что она есть, когда ее нет? Тут я совсем запутался...

— Сын Салисы не вернулся с охоты, — сказал Эли, когда мы сидели вечером у костра, — Навсегда ушел.

Лит урчала над куском мяса. Лит не слушала...

— Учита-ту приходила и сказала, — добавил Эли.

— Хороший был охотник, — сказал я, чтоб та, Имя Которой Произносить Нельзя, не сомневалась, накрывая ладонью Сына Салисы.

— Хороший, — согласился Эли, — Ей понравится.

— Он принесет ей много еды...

Мы лежали с Лит внутри убежища. Эли дремал у входа, у костра. Уже ночь побледнела, а я все думал. Может, Лит заблудилась внутри себя? Бывают такие люди — они совсем как настоящие, но, та, Имя Которой Произносить Нельзя, освободила их для себя, и никому из обычных людей их не понять, разве что только Вигару... Но Лит не похожа на таких. Так я

ворочался, не в силах уснуть, пока Лит не уселась. Села и стала смотреть на меня. А я на нее. И так долго смотрела. А потом говорит шепотом:

— Смотри!

Лит вытянула руки. Сложила ладони. Я даже не понял, как. Я ничего не успел понять, как по стене убежища поплыла рыбка. Тень от самой настоящей рыбки, на сером камне! На сером камне рыбка казалась седой! Точь в точь как та, что плескалась в бороде Эли! Костер освещал руки Лит, а по стене пещеры плыла настоящая рыбка! Тень была рыба, а самой рыбы... Я схватил Лит за руки! Быть может, она поймала рыбу в реке, принесла ее незаметно в убежище и теперь... Нет! Рыбы не было! Только горячие пальцы Лит. Но тень от рыбы была! Настоящая! Будто рыба стоит на перекате, и шевелит плавниками, а ее тень извивается на каменистом дне. Я не мог ошибиться! Тень была, а рыбы не было!

— Седая рыбка, ты заблудилась?!

Весь тот мир, скрытый предутренними сумерками, тенями деревьев, расстоянием, весь тот мир, недоступный глазу человека, мир загоризонтный, отделился от зримого человеком мира и стал быть для Мадо. Сырые от росы листья шавеля и ромашки на заречном лугу нельзя было осязать из пещеры, но они были! Эта мысль потрясла Мадо. Если ромашка пахнет здесь так, то почему она должна за рекой пахнуть иначе? На лугу, усеянном белесыми лепешками тумана, быть может, кричала птица коростель. Пусть не коростель, пусть это была другая птица, но почему бы ей там не кричать?

Неправдоподобно и страшно было Мадо увидеть вдруг возникшее из ничего, из пустоты, из неуловимого, сродни шулерскому, движению его мысли, очертание фигуры вчерашнего Незнакомца.

— Уф! — попятился Мадо.

Он был как живой — Незнакомец. На его загривке шевелились волосы, слипшиеся от пота, а ноздри раздувались.

— Уф! — сжал кулаки Мадо.

А еще Незнакомец избегал встречаться с Мадо взглядом. И непонятная Мадо усмешка кривила Незнакомцу рот. И поймав себя на этом, и избавляясь от усмешки, Незнакомец нервно облизнул губы. Теперь они лоснились...

— Уф! — ощерился Мадо...

Кто ты, Незнакомец, таящийся внутри Мадо? И как удалось тебе, уйти, оставив свою тень внутри него? И зачем ты, так непостижимо, вернулся к Мадо, той частью себя, которую нельзя убить, от которой нельзя убежать, избавиться?

Тень! Ты слышишь, Мадо? Оставь его, пойдешь комунибудь другому!

Мадо почувствовал, как из его души потянулось изматывающее в необъяснимой тоске слезливое желание вернуть целостность миру...

Ранее, достаточно было бы Мадо покинуть берег реки, и образ враждебного Незнакомца отошел бы на второй план. Изгладился бы, поблек, выцвел бы за ненадобностью. Ранее Незнамец воспринимался Мадо, лишь как деталь конкретного пейзажа, конкретный фрагмент именно той конкретной ситуации, в которой он оказался вчера с Лит. Ранее для Мадо не существовало абстрактной угрозы. Опасность всегда была зрима и осязаема, и у нее всегда был осязаемый носитель или причина. Так же как и все остальное в мире Мадо...

Что ты наделала, Лит? Опасный Незнамец, подобно тени от рыбы, что непостижимым образом, при помощи рук Лит, отделилась от самой рыбы, отделился в сознании Мадо от дуба, на котором они вчера прятались с Лит, и таким образом обрел свободу перемещения, и вытекающую из этого способность угрожать Мадо везде и всегда. Следовательно, теперь о Незнакомце нужно было помнить все время. Ждать его. И надеяться, что тот не придет...

— Мадо! — старый Эли склонился над Мадо...

Лит убежала к выходу из пещеры и смотрела оттуда испуганно. Край ее рта хищно приподнялся, оголив ровный ряд острых зубов — так, предостерегая, пятась, шерится пес.

Мадо жалобно покосился на Эли и, будто защищаясь, потянул к лицу волчью шкуру. Вжался в нее лицом. Подавился ворсом...

— Мадо! — Эли тряхнул своего внука.

Раньше за каждым выступом скалы зияла пропасть — теперь вот твердь. Раньше невидимое, неосязаемое Мадо, трансформировалось, как казалось Мадо, по своему усмотрению, без его участия — теперь же оставалось незыблемым. Зато раньше у одной тени был один смысл, теперь же несколько. Зато раньше Мадо не ждал, а теперь ждет. Ждет Незнакомца: а ну как тот отыщет дорогу к убежищу Мадо? Что это за длинное чувство такое — ждать? Еще нет повода для страха, а ты уже боишься, что он будет. Это ожидание возможного страха изматывает более самого страха, потому что страх, как бы дело не повернулось, все-таки конечен, а ожидание может тянуться всю жизнь. Еще нет радости, а ты уже опасешься, что она так и не придет...

Что ты наделала, глупая Лит?

«Он не придет. Далеко. Мы обошли берег реки стороной. Ветер дул нам в спину», — думал Мадо, с трудом подавляя желание схватить рогатину. Мадо успокаивал себя, чтоб угроза, которую в образе Незнакомца столь ярко и убедительно источало сознание, не переполнила его.

«На лугу вода. Запах на воде не держится. Незнакомец не очень хороший охотник...» — успокаивал себя Мадо, мирясь с неубедительностью собственных доводов, потому что ему хотелось верить в то, о чем он думал. Мадо не замечал, как впервые лгал себе.

Запнувшись за медвежью шкуру и больно ударив-

шись коленом о выступающий из стены камень, Мадо выбрался из пещеры. Эли торопливо посторонился...

Сколько раз Мадо всматривался в ночь! Сколько раз его ноздри процеживали ночные запахи, а уши просеивали шорохи, но никогда еще ночь не была такой... Невидимые Мадо деревья и кусты наконец обрели необходимую четкость бытия, основанную не только на запахах или ощущениях...

Мадо шагнул в темноту. Его душа покачнулась, словно дождевая капля на зыбкой паутинке, и заплескала, раскачиваясь на невидимых ниточках. Лит жалобно-призывно всхлинула и побежала догонять Мадо. Тогда из пещеры вышел старый Эли. Постоял у костра и вдруг согнулся в пояснице с такой легкостью, будто давно мечтал переломиться пополам и лишь ждал случая. Не разгибаясь, Эли огляделся. И, выбрав место, позволил и ногам своим переломиться в коленях. Придвинувшись поближе к костру, Эли стал слушать ночь...

Стояла середина лета. Ночь не успевала остывать...

Мадо, ломая ветви кустарника и натываясь в темноте на стволы деревьев, мчался к реке. Изредка он останавливался, чтоб ощупать ствол ели, или растереть в пальцах листок орешника или понюхать лист папоротника — и всякий раз убедившись, что это действительно ель, орешник, или папоротник, что будучи невидимыми, они тем не менее остаются тем же самым, чем они бывают днем, Мадо от изумления забывал дышать...

Мадо свесился с берега реки и, задержав дыхание, опустил голову в воду. Он всегда делал так, когда у него болела голова, а сейчас она просто раскалывалась. Мадо пошевелил под водой щеками, приоткрыл рот — здесь, в затоке, вода пахла тиной и водорослями, и этот привычный запах успокаивал. Мадо коснулся дна рукой, зачерпнул ила, и, не вынимая лица из-под воды, смазал им лоб и виски...

Лит настороженно поглядывала на Мадо. Не решаясь побеспокоить Мадо, она разминала ступнями не успевший остыть песок. По ее лицу было видно, как ей правится вот так стоять и перебирать в песке пальцами ног. В лунном свете плавилась река. В кронах деревьев шевелился теплый ветер. Прогрохотал далекий и поэтому не страшный гром, и нестрашная молния остреньким коготком царашула горизонт.

Простодушная Лит не понимала, зачем Мадо побежал ночью к реке. Ей казалось, что очевидное для нее столь же очевидно для всех. И когда Мадо не соглашался с нею, то это было с его стороны, по мнению Лит, необходимой в отношениях мужчины с женщиной демонстрацией характера. Игрой, в которой выясняется, как далеко можно зайти в отстаивании собственной точки зрения. Но вот ее мужчина теперь лежит на берегу, сунув под воду голову, как утка... Зачем?

Лит дотронулась большим пальцем ноги к спине Мадо...

Мадо словно ждал этого. С изменившимся, грязным от ила лицом он вынырнул из воды. Вынырнул, и тут же принялся обводить пальцем тень Лит, бросаемую на песок луной. Жалобно поскуливая, когда его палец отклонялся от заданного тенью контура, Мадо сметал ладонью неверную линию, чтоб проложить новую, ту, единственную правильную черту, которая намертво соединит, как ему казалось, глупую Лит со своей тенью. И едва это случится, все тут же будет как прежде; Незнакомец перестанет маячить у Мадо перед глазами, вернется к своему дубу и оставит Мадо в покое, невидимое исчезнет, а неосязаемое перестанет существовать...

Но Лит не могла стоять совершенно неподвижно. Когда она шевелилась, а ее тень покидала уготованное для нее ложе, Мадо приходил в ярость. Ему даже хотелось, для того чтоб Лит не двигалась, убить ее, прислонить к дереву, и спокойно обвести ее тень. Быть может, Мадо так и поступил бы, если бы в какой-то момент его не осенило — тень Лит уйдет со своей хозяйкой, а на песке останется лежать другая Лит. Еще одна Лит. Новая Лит. Вот какой Мадо! Даже Вигару не удавалось такое!

Когда работа была закончена, Мадо оттолкнул Лит в сторону. И не успокоился, пока не прогнал ее к самой кромке леса. Затем бегом вернулся обратно... Некоторое время он растерянно бродил по берегу, ища лежащую на песке Лит. Но вот наконец он наткнулся на нее, устался себе под ноги. Затем вернулся к ней, стоящей у леса, и, словно убедившись в чем-то, взял Лит за руку и подвел к изображению на песке...

Мадо хотел объяснить ей, что Лит, лежащая на песке, страдает от того, что песок такой неровный. Что песок весь в ямках. Он, Мадо, его ровнял, но все равно та, лежащая на песке Лит, не правится ему. Потому что у настоящей Лит кожа гладкая и скользкая. И упругая высокая грудь. А у лежащей на песке — плоская. И шершавая. И вот в этом разница. А лицо? Та, лежащая на песке Лит, уродливая, потому что песок такой неровный, весь в буграх и ямках...

Мадо хотел объяснить Лит разницу между краси-

вым и некрасивым, но не знал слов, которыми можно было бы объяснить эту впервые ставшую очевидной, вдруг, для него разницу.

Лит взяла руку Мадо и хотела было положить ее себе на живот...

— Нет, — отвел Мадо руку Лит, и совершенно неожиданно его взгляд наткнулся на таящийся в нескольких шагах за ее спиной, в тени деревьев, силуэт. От ужаса у Мадо перехватило дыхание — никогда еще он не видел так близко живого мертвеца! Да еще такого, словно тронутого тленом. Это кроны деревьев цедили лунный свет, и фигура мертвеца в его свете распа-

лась на отдельные голубоватые пятна...

Мертвецы не должны были приближаться к стойбищу, об этом знали все в племени Мадо. Это была воля Вигару. А вот Рыжебородый почему-то стоит здесь! Почему?!

Лит оглянулась и бесшумно опустилась на корточки. Рыжебородый как будто ждал этого движения — он тут же пошевелился и, не разгибаясь, выдвинулся из тени. Мадо растерянно коснулся ушей, по по лицу Рыжебородого понял, что опоздал. Он, Мадо сам нарушил заповедь Вигару, он, Мадо, не закрыл уши руками, не отвернулся, и мертвец воскрес. Все это — и Рыжебородый, и то, что Мадо забыл заповедь Вигару, — было так невероятно, что он еще какое-то время боролся с ощущением, будто зловещая фигура Рыжебородого, сродни Незнакомцу, очередной бестелесный образ, помимо воли Мадо, возникший в его сознании...

Рыжебородый двинулся было навстречу Мадо, но замер на полшаге, как вспугнутая кошка. Отвел в стороны руки, словно собирался обнять Мадо. Снова замер. Согнулся в полупоклоне и коснулся правой рукой земли. Вновь застыл...

Мадо огляделся в поисках оружия. Сейчас бы согдидась любая палка, любой камень... Рыжебородый лишь поморщился презрительно — откуда здесь на песке возьмется палка? Вот если бы Мадо стоял ближе к реке — у линии прибой полно валежника. Да и то, пока сыщешь в этой, растянувшейся вдоль берега, куче мусора подходящую палку...

С тех пор как Рыжебородый умер, он сильно переменялся. Его лицо научилось жить частями. Как животное, у которого глаза спят, а уши прядут и вслушиваются... Вот и Рыжебородый — пока его глаза узились в снисходительном прищуре, рот криво щерился... Но едва его губ коснулась презрительная улыбка, глаза тут же принялись трезво и расчетливо оценивать достоинства и недостатки позиции Мадо.

Рыжебородый окончательно выдвинулся из-за деревьев и отрезал Мадо путь к лесу. Теперь у Рыжебородого была прекрасная позиция — он стоял на твердой почве, а Мадо по щиколотки утонул в песке, луна из-за спины Рыжебородого светила в лицо Мадо, и к тому же ничто не стесняло движений Рыжебородого, а к ногам Мадо жалась Лит. Ко всему этому Рыжебородый вооружился увесистой дубиной. Всякий раз, сгибаясь в несуразном полупоклоне и касаясь рукой земли, он подтаскивал в траве дубину. Теперь Рыжебородый поднял ее и прислонил к ноге. Он не торопился нападать, давая Мадо время оценить всю невозможность сопротивления.

— Идем, — произнес Рыжебородый и смерил Мадо презрительным взглядом.

Как и тогда, когда Рыжебородый отобрал у него Учитату, странное оцепенение овладело Мадо...

«Он хочет, чтоб я был таким, каким он меня видит, — понял Мадо, — ...а не знает, что можно видеть то, чего нет!»

Но эта мысль оказалась слишком новой, чтоб разрушить в сознании Мадо многолетнюю привычку быть таким, каким его видят, чувствуют другие.

— Идем, — Рыжебородый, пренебрежительно опираясь на дубину, как на палку, и не отводя презрительного взгляда от лица Мадо, приблизился и ухватил в кулак волосы Лит. И рванул. Лит выпустила ноги Мадо и завизжала пронзительно. Рыжебородый хрюкнул, вот так он был сейчас доволен собой...

«Даже не извинился!» — удивился почему-то Мадо.

Это получилось неумышленно: то, что Мадо поднял голову и уставился Рыжебородому за спину. Просто Мадо подумал, что как бы сейчас было здорово, если бы там, за спиной Рыжебородого, в тени деревьев, стоял Незнакомец. Всего-то и нужно было от Незнакомца, чтобы Рыжебородый оглянулся, поглядел себе за спину и на долю секунды отвел от лица Мадо этот сминаящий его презрительный взгляд. А уж все остальное Мадо сделает сам.

Рыжебородый прочел в глазах Мадо отблеск надежды. Опытный охотник Рыжебородый иногда видел этот блеск в глазах загнанной им дичи, и всякий раз после этого случалось чтонибудь непредвиденное. Поэтому Рыжебородый не мог не оглянуться. И он оглянулся. Бросил короткий взгляд себе за спину, и в тот же миг Мадо стремительно наклонился и метнул в глаза Рыжебородому пригоршню песка. Рыжебородый, не ожидавший такого вероломства от согласившегося стать жертвой Мадо, выронил дубину и, отпустив волосы Лит, схватился за лицо и принялся протирать запесоченные глаза. Воспользовавшись заминкой, Лит швырнула дубину Рыжебородого Мадо и поскорее отбежала в сторону... Мадо поднял дубину и стал ждать. Рыжебородый кое-как проморгался. Теперь он смотрел на Мадо без презрения, с ненавистью. И эта его ненависть вторила эхом в душе Мадо, питая его собственную ненависть, от которой у Мадо сводило на спине мышцы...

Рыжебородый оскалился, выставив наружу желтоватые клыки, и бросился на Мадо.

Удар дубиной пришелся Рыжебородому по плечу. Падая, он, все-таки сумел не ушибленной рукой увлечь Мадо за собой, и они сцепившись, покатались по песку. Лит было бросилась прочь, но затем вернулась и подняла с песка дубину. Оскаленная пасть Рыжебородого тянулась к горлу Мадо. Еще мгновение, и желтые клыки Рыжебородого вырвут ему глотку. Лит кое-как подняла тяжелую дубину над головой и опустила ее на всклокоченный затылок Рыжебородого. И тут же, бросив дубину, отбежала в сторону. Рыжебородый удивленно хрюкнул. Воспользовавшись заминкой, Мадо успел перехватить руку и сунул локоть в пасть Рыжебородому, а сам впился зубами в его здоровое плечо. И, разрывая зубами мясо, чувствовал, как слабеет хватка Рыжебородого, как разжимаются его пальцы...

Лит вернулась. Вновь схватила дубину. На этот раз удар оказался точнее — Рыжебородый как-то об-

мяк и перестал двигаться. Стало тихо. Ослепшая от ужаса и слез Лит, попискивая, бродила по берегу, и, запинаясь за песок, падала. Потом из-под поверженного Рыжебородого выбрался Мадо. Не в силах подняться, он на четвереньках отполз к воде, и там его стошнило. Потом он долго полоскал в реке и пачкал илом себе лицо, но все не мог отделаться от запаха крови, и его снова и снова тошнило... Затем очнулся Рыжебородый. Лит тут же перестала скулить и спряталась за Мадо. Мадо схватил дубину. Но Рыжебородый не думал продолжать схватку. Тяжело кряхтя, он поднялся и, не смея встречаться с Мадо взглядом, попятился. Еще мгновение, и его фигура бесшумно растаяла в прибрежных зарослях.

— Он не вернется... — произнес Мадо и опустил дубину. Почему-то он был в этом уверен...

Воа вскарабкался мне на плечи. Впился коготками в мой затылок и задышал тяжело над ухом. Тут бы мне и оглянуться, но я так долго не решался этого сделать, что не заметил, как проснулся...

Лит стонала во сне — верно, что-то чувствовала. Эли дремал у костра. А я не решался поднять глаза на стену, где сегодня плавала заблудившаяся седая рыбка. Потому что я не хотел видеть того, чего нет. Я не хотел знать, что та часть во мне, что ничья, все же кем-то занята. И как это понять?! Тот же Незнакомец. Я устал думать о нем, устал ждать его, устал надеяться и обманывать себя, что Незнакомец не найдет дороги к моему убежищу.

Я не хотел думать о Лит, оставшейся лежать на песке в то время, как другая Лит стонет во сне...

Я хотел думать так — того, что я не осязаю, не вижу, не слышу, не чувствую, того нет. Того, чего нет, нельзя бояться. Нельзя победить в схватке с Рыжебородым, призвав на помощь Незнакомца. А иначе... Закусай меня Воа!

Я шел по лесу, к стойбищу, и тряс головой, будто на меня напали не собственные мысли, а слепни и мошки. Так я был смешон сейчас. А потом я взял голову руками, сдавил ее и стал думать — у куропатки есть и запах и тень. Вот, допустим, я чувствую запах куропатки, запах ее слезавшихся перьев, и я знаю — это куропатка. Отделить запах куропатки от самой куропатки и понимать их отдельно нельзя. Невозможно охотиться только на запах куропатки. Так же и человек — никому в голову не придет оторвать от меня руку и понимать ее отдельно от меня. Или вот я вижу на речном песке свою тень и понимаю — это я. Нельзя отнять от меня тень, унести ее в другое место и оставить там. Тени нет без меня. Но и меня нет без моей тени...

Воа цеплялся за мой затылок острыми коготками, тербил волосы и направлял меня — тут бы мне и оглянуться, но я так долго не решался этого сделать, что и сам не заметил, как пришел к стойбищу. А когда за деревьями стал виден свет большого костра Вигару, я понял, что Лит теперь далеко. Вот Вигару не

спит у костра. Его я чувствую. А Лит не чувствую. Та часть во мне, которая принадлежала Лит, опустела. А вместе с Лит растаяла и тень от ее рыбки и фигура Незнакомца. Почему так?

Я стоял на опушке у стойбища. Наконец-то я решил оглянуться — из темноты мне в спину пялились красные обиженные глазки Воа. Как два угля, вынутые кем-то из костра. Как два угля, которые кто-то перебрасывает с ладони на ладонь, чтоб не обжечь себе руки. Сейчас они, эти обиженные глазки Воа, из темноты ночного леса жгли мне спину. Или это что-то внутри меня? Жжет? Чему там жечь? Там все мокрое...

Об Эли я старался не думать. Мысли о нем были сродни маленьким камешкам под босой стопой, что заметны лишь тогда, когда на них наступаешь.

Прежде чем отправиться в убежище к Учита-ту, я подошел к Вигару.

— Я без женщины пришел, — сказал я, — Так получилось.

Вигару промолчал.

— Возьму Учита-ту...

— Это правильно... — согласился Вигару.

И я стал жить с Учита-ту. Она приняла меня так, словно ждала. Смотрела ласково. Без презрения. Слово догадывалась, что я уже однажды был не тем, каким меня видят... Глупая Лит досталась Чужому, Тому, Которого Оставила Женщина. Не знаю, как уж это происходило, в тот день я был на охоте, но, прослышав об этом, я послал Учита-ту забрать из опустевшей пещеры Эли. Вот уж я обрадовался, увидав старика на пороге своего нового жилища. Конечно, Эли тут же принялся радостно вздыхать и кряхтеть, и трясти бородой. Будто среди камней нашего убежища, в неприметной расщелине, поселился сам Оя, вот сколько веселого шума было от Эли.

Учита-ту оказалась послушной и умелой женщиной. Я ходил на охоту. Эли жил...

Много раз та, Имя Которой Произносить Нельзя, гасила и зажигала солнце, прежде чем однажды я не пришел с охоты раньше времени. Дело не в том, что я вернулся рано, а в том, что не устал. Был бы уставшим, так бы себе и сказал — устал, вот от этого все, от усталости...

Учита-ту, как обычно, возилась у костра. Она наклонилась, а я вдруг не пожелал ее. Учита-ту нетерпеливо поддернула себе на спину шкуру... Раньше такого со мной не случалось, чтоб я не желал Учита-ту, когда она вот так забрасывала себе на спину шкуру. Вначале я удивился себе. Вот каким может быть человек, подумал я: он не желает владеть женщиной. А потом понял — наверное, это оттого, что я увидел Учита-ту так, как уже успел забыть, что так можно видеть. Как не хотел видеть, вот как я сейчас увидел Учита-ту.

Пещера Учита-ту всегда славилась сквозняками, поэтому стоять долго с поднятой на спину шкурой холодно. Учита-ту, не дождавшись меня, оглянулась.

И опустила шкуру. А я в смятении смотрел на Учита-ту. Кто, и каким неумелым дрожащим пальцем, и на каком поздравом песке обвел тебя, Учита-ту? И кто истоптал тебя босыми пятками, что ты вся в выемках? И зачем эти ноги у тебя так криво? Ты, верно, Учита-ту, шевелилась, когда тебя обводили на песке пальцем? А то бы зачем у тебя так спина согнулась? И зачем такой нос, широкий, будто на твоём лице отпечатался след перепончатой утиной лапы...

Неужели желание отступило только потому, что у Учита-ту такие ноги и нос, подумал я. Но почему раньше этот ее нос и согнутая спина ничего для меня не значили?

«Неужели какая-то неправильно изогнутая линия сильнее тебя, Вигару?» — с содроганием подумал я, и зажмурился от страха. И сжал зубы, словно надумал прокусить камень. Я ждал. Я не знал, как меня накажет Вигару, но в то, что возмездие меня настигнет, я не сомневался.

Темнота перед моими закрытыми глазами кипела цветными точками. И я погрузился в них с головой. Меня ошпарило... Я ждал. Уф!

В своем углу добродушно пыхтел спросонок Эли. Но, заглушая его пыхтение, звенело у меня в висках. Все громче. Приступами. От ужаса у меня свело колени, и если бы я не сидел, я бы упал. То, что это над ухом у меня жужжит надоедливая муха, я понял, когда она наконец уселась мне на нос. Я смахнул ее с лица и открыл глаза...

Ничего страшного не произошло. Учита-ту уставилась на меня, как будто увидела кривляющегося Оя. И мне захотелось спросить...

— Рыжебородый умер?

— Так сказал Вигару, — ответила Учита-ту.

— Зачем он умер? Правда, что он брат твоей матери? Поэтому?

— Так сказал Вигару. Поэтому он не мог владеть мной. Поэтому ты тогда остался жив.

— Рыжебородый жив, — сказал я, — Я его видел. Он не умер.

— Вигару сказал, что умер, — Учита-ту рассерженно фыркнула.

— Жив. Рыжебородый меня чуть не убил.

— Вигару тебя накажет... — неуверенно заметила Учита-ту.

Я выбрался из пещеры. Стараясь не смотреть в сторону Вигару, я пошел к реке. Очередное солнце догорало... В детстве мне было жалко догорающего солнца. В детстве я думал — почему, ну почему та, Имя Которой Произносить Нельзя, не расщедрится и не подбросит гаснущему солнцу хвороста?! Чтоб не приходила ночь, когда человека так мало, что он нечаянно, сам того не заметив в темноте, может закончиться... И солнце еще не успевало погаснуть, а я уже прятался в пещере. Туда, где горел костер. Я думал, что так обману ночь. Я так долго пилился в костер, что не замечал, когда засыпал... А просыпался — но-

вое солнце светило, будто вчерашнее не гасло. Некоторое время я так и думал...

Только ребенок может заставить солнце светить вечно...

У реки всегда людно, поэтому можно быть разным, а не только собой. А мне сейчас не хотелось быть собой... Вот куда-то бредет жирный Ух. И я с ним немного... Осторожный Чок, как всегда заговорщицки, нашептывает что-то молодому охотнику, и я радуюсь вместе с молодым охотником — какое доверие! На мелководье скачут мальчишки. Брызжут друг на друга водой, весело мочатся друг на друга, дурачатся...

Куда подевалась ты, та, серебристая рыбка с речного переката, моя Учита-ту? И не твою ли поседевшую тень отбрасывали руки Лит на стену пещеры? И кого теперь, скажите, должны обволакивать тянущиеся из омута водоросли? И кто теперь будет плескаться в бороде старого Эли? Неужели ты, Учита-ту, такой была только внутри у меня? Такой серебристой рыбкой? И зачем такая ты, Учита-ту, которую я хотел и о которой думал, ушла из меня, оставив со мной эту Учита-ту, ту, что я впервые увидел сегодня? С сутулой спиной и неровными ногами...

Я теребил свои мысли, пока меня с ног до головы не окатили водой разыгравшиеся мальчишки... Вот каков человек: чтобы он что-то понял, его нужно окатить водой. Я понял — мне стало нравиться или не нравиться. Нет, мне и раньше нравились, например, сладкие съедобные корни, но теперь для не имело значения, есть ли мне польза от того, что мне нравиться, или вред от того, что мне не нравится. Вот же я смотрю на Чока и думаю — поставь он свою правую ногу не так, как она стоит сейчас, уродливо вывернув ступню наизнанку, а по другому, и это мне бы, почему-то бы, больше нравилось. Тогда бы Чок стоял красиво. Мне нравилось смотреть на резвящихся на мелководье ребят, потому что... я даже не знаю почему. А вот почему мне нравились женщина и мальчишка, которого она купала, я знал. Потому что я смотрел на них против солнца. И от этого их тела казались черными и скользкими, словно обожженные на костре и затем отполированные ладонями... Женщина, придерживая рукой вырывающегося мальчишку, черпала другой рукой воду из реки и плескала тому на затылок. Срывающиеся с ее ладони капли казались тяжелыми... Я задумался. Я перестал себя помнить и, оступившись, соскользнул с мокрого глинистого берега в реку. Смутившись, я сделал вид будто умышленно вошел в воду. Сполоснув лицо, я повернулся, чтоб выбраться на берег, и... в легкости росчерка, то сужающихся то расходящихся линий, продавленных моими скользящими по глине ступнями, я увидел Лит. Так вот как надо было обводить ее тень! Я опустился на колени и провёл пальцем вдоль изгиба бедра Лит. Легко! Без напряжения, одним движением, нужно было обводить тень Лит.

Скрытый Чужой, Тот Которого Оставила Женщина, жил на самом краю стойбища. Узкий лаз в его пещеру перегораживал поросший лишайником валун, и при взгляде издалека вход в пещеру сливался с такой же, укрытой лишайником, скалой. Я шел к Лит.

«Зачем?» — спросит Чужой.

«Посмотреть» — отвечу я ему.

«Посмотреть?! И все? Хочешь сказать — ты идешь к женщине не для того, чтобы ею овладеть?!» — не поверит мне Чужой. Я бы сам себе не поверил, если бы был на его месте. Но как объяснить Чужому то, что я сам себе не мог объяснить?

Лит сидела на корточках у пещеры Чужого и была так мала рядом с камнем, перегораживающим вход, что вначале я ее не заметил. Ее костер едва тлел, и Лит куталась в медвежью шкуру. Ее голова лежала боком у нее на коленях и смотрела на меня равнодушно. Щека у нее была разбита. Это была не та Лит, тень которой я обводил пальцем на песке, и я удивился...

— Олень ходил в урочище, — сказал я громко для Чужого, если он у себя в пещере. Такую причину я придумал. Пусть думает что я пришел к нему рассказать про оленя.

— Олень... — привычно испугалась Лит.

Мои мысли путались, как степная трава, которую кружит и заплетает ветер. Лит приподняла с колен голову, прислушиваясь — в волосах у нее седая прядь.

Седая прядь, как прилипший к виску Лит, вывернутый наизнанку ивовый лист. Серебристый. Я спрятал руку за спину. Мне захотелось смахнуть ивовый лист с головы Лит. Зачем ей знать об этом?

— А где Чужой? — спросил я.

— У Уссы... — испугалась Лит, и опустила голову на колени.

Бывает на лугу непонятное: откуда-то вначале лета вдруг просыпается неровной полосой, узким клином, ковыль и седеет... Почему ковыль седеет так рано?

— Так ему лучше... — сказала Лит.

— Ветер к ночи поменяется, — сказал я.

Ветер меняется, и перекладывает седые метелки со стороны на сторону. И тогда ковыльная полоса серебрится, как ручей. Который течет вспять. Вспять через луг...

Я наклонился, поднял отлетевшую головню и сунул ее в костер...

— Ты испачкал нос... — улыбнулась испуганно Лит.

— Эй, Мадо, — позвала меня Учита-ту.

Я не слышал как она подошла...

— Олень ходил в урочище. След показать хотел Чужому... — сказал я ей.

— Эли умер, — сказала Учита-ту.

(Окончание следует)

Рисунки Юлии Меньшиковой

Урал

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с января 1958 года

Представляем «Урал» № 9, 2002

Половина номера отдана литературе Нидерландов,
и этот случай беспрецедентен для российской периодики.

Представлены ключевые фигуры современной нидерландской словесности **Харри Мулиш** и **Сейс Нотебоом**, признанные прозаики **Кейс Верхейл** и **Франс Келлендонк**. Творчество более молодой генерации нидерландских прозаиков представлено новеллами **Маргрит де Моор**, **Вонны ван дер Меер** и **Арнона Грюнберга**, уже снискавших европейскую известность. А стихи таких поэтов, как **Геррит Каувенаар**, **Ремко Камперт** и **Тоннус Остерхоф** дадут хотя бы частичное представление о современной поэзии Нидерландов.

Так же читайте — окончание романа **Олега Юрьева** «Новый Голем или Война стариков и детей», продолжение романа **Арсена Титова** «Одинокое мое счастье». И, конечно же, — снова — молодые и талантливые: стихи поэтов из Челябинска, Нижнего Тагила и Екатеринбурга.

Читайте и выписывайте журнал «Урал»!

Подписной индекс 73412 (для подписчиков Свердловской области - 10001,
для пенсионеров Свердловской области - подписка льготная, подписной индекс 99022).

Подписка во всех почтовых отделениях.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Татьяна КРАФТ
«Собаки из Джека Лондона»
Евгений ТАМПЛОН
«Гора Азов»
и «Урал-Трофи-2002 г.»
Александр ПОЛЕЖАЕВ
«Бушуй»
и другие материалы

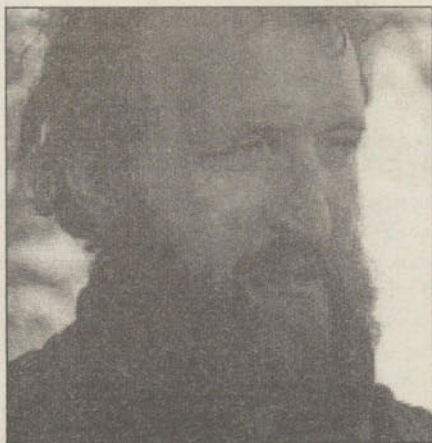
Здравствуйте, дорогие читатели!

Уже позади (и иногда достаточно далеко позади) многие соревнования летнего сезона, в том числе и состязания по экстремальным видам спорта — такие, как Урал-Трофи. Под Первоуральском же закончились VI Всероссийские соревнования юных спасателей, организованные МЧС. В них приняло участие 17 команд из разных регионов России. Прошла и парусная регата Ява-Трофи. К сожалению, наши корреспонденты не смогли побывать на всех этих мероприятиях. Но мы постарались осветить для вас те из них, которые, с нашей точки зрения, являются наиболее интересными.

Так, вы можете прочитать подробный и веселый отчет о традиционных гонках на вездомщиках. Как все это сопровождалось грязью, медведями, выходящими из тайги, ошибками жюри, комментариями крестьян, через деревни которых пролегла трасса Трофи...

Вас наверняка заинтересует и подробный рассказ о северных ездовых собаках. Для нас это — экзотика, и достаточно милая. На таких упряжках можно прокатить детей во время зимних праздников, а вот самим садиться — уже как-то несолидно, нам такой транспорт кажется игрушечным. И зря: на самом деле — это экстремальный вид транспорта. Который иногда, ради праздника, может прикинуться и развлечением. А почему? Ну, это вы узнаете из самой статьи.

И еще на тему о вроде бы легких и безобидных вещах. Как вы думаете, это легко — ходить зимой с детьми в лыжные походы? Да, да, знаю, что тема не летняя — но, во-первых, этот материал — как бы легкая насталь-

гия о не менее прекрасном времени года, а вторых, он отлично продолжает тему кажущейся «простоты», начатую в статье о собаках.

И опять-таки о невяном, находящемся под боком у многих и многих людей: гора Азов, одно из самых популярных мест в уральских сказах...

Ну и, конечно, вам предлагается подумать об организации на базе нашего журнала одного весьма и весьма любопытного конкурса. Какого? Вы сможете об этом очень подробно прочитать в коротеньком материале, с которого и начинается наша рубрика.

А еще, вы заметили? Мы потихоньку меняем оформление журнала. Мы станем современнее и увеличиваем количество наших материалов для вас!

*Алексей Челноков,
редактор рубрики «Встречный ветер»*

Михаил ЗНАЧКОВ

Конкурс? Конкурс!

В походах случается масса интересных вещей. И так хочется показать их и друзьям, и всем другим людям... Поэтому в туристских и спортивных группах всегда есть люди с фотоаппаратами или видео камерами.

Раньше такой техники не было. Зато существовали кинокамеры (отечественные, разумеется): «Красногорск», «Альфа-Киев», «Кварц» и т. д. Снимали на 8-ми и 16-ти миллиметровой пленке. Камеры были тяжелые, совершенно не выносящие воды, света и ударов. Но их все равно таскали по рекам и буреломам. А потом еще шли мытарства с проявкой, монтажом, показом... Пленка изов сех сил капризничала и портилась на всех этих стадиях.

Сейчас надо думать о сохранении этого богатого, уникального материала — который вряд ли долго проживет на старых пленках. Ведь на этих черно-белых кадрах — история развития туризма. Нужна небольшая лаборатория для перезаписи туристических фильмов на видеокассеты — или, что еще лучше, на лазерные диски.

Но вернемся в настоящее время. Есть такие любительские видеокамеры, которыми можно снимать и под водой, и в пещерах, и на высокогорьях. И привозят из походов отснятый материал — часов на семь-восемь. Потом быстро делают из него фильм длиной часа так в два. И его очень интересно смотреть всем тем, кто периодически мелькает на экране. Ну, может, еще заинтересует один-другой специалист, посмотрит на технику преодоления порогов, перевалов и т. п. А вот остальные люди... Скучают.

Так как же сделать, чтобы уникальные съемки любителей не превращались в фильмы для пяти-десяти человек? Ведь при умелой подаче такие ленты о путешествиях — один из убойных аргументов за здоровый образ жизни.

Пожалуй, первая попытка хоть что-нибудь сделать с этой ситуацией — конкурс любительских туристских видеоклипов. Он прошел в феврале 2002 г., в помещении турклуба УрГУ.

Видеоклипы, как правило, длились минут по 5-6. Эффектные кадры похода, наложенная на них музыка. Иногда получалось очень забавно, а на неудачных клипах заскучать просто не успевали — не хватало их длины. В конкурсе участвовало более 20 клипов. Среди членов жюри были герой книги Гиннеса, знаменитый уральский путешественник Владимир Рыкшин, выпускающий редактор телекомпании «Эра ТВ» Вера Соибанова и другие.

Первое место занял «Чон-кемин». Его автор — Кирилл Шутов. Показанная на экране ситуация: интенсивное таяние льдов вызвало подъем воды в реке аж на несколько метров. И, понятно, туристы-водники попали в переplet... Второе место занял клип Олега Новоселова «Зимние скалы». Отлично подобранные виды гор, смонтированные на компьютере и сопровождающиеся чарующей музыкой, смотрелись почти как работа профессионала.

Третье место — у Александра Крюкова с его «Осенним марафоном». Он же получил приз зрительских симпатий — ведь многие из зрителей конкурса соревновались осенью, и теперь видели на экране себя и своих приятелей.

В Москве уже существует Фестиваль горных фильмов. В Италии регулярно проходит киноконкурс, посвященный экстремальным видам спорта и путешествий.

А чем хуже наш Урал? Почему бы нам всем вместе не подумать над организацией чего-либо подобного?

Присылайте свои предложения в журнал «Уральский следопыт»!

Институт ИНФ Дистанционное обучение в московских вузах

- Менеджмент
- Маркетинг
- Бухгалтерский учет
- Юриспруденция
- Информационные системы

Сроки обучения 3,5 - 6 лет Стоимость 4100 - 6500 руб/семестр

Представительство в Екатеринбурге

Уральский Дом науки и техники

ул. Бардина, 28, т: (3234) 43-99-68, 28-89-81; e-mail: itcudnt@etel.ru

Татьяна КРАФТ

СОБАКИ ИЗ ДЖЕКА ЛОНДОНА

Дверь на территорию питомника оказалась не запертой. Я шагнула за жестяной, острый порог — и тут же оказалась в кольце зверей ростом примерно до моего колена. В вольерах тоже немедленно завозились и усердно залаяли, дистанционно присоединяясь к происходящему. Ездовые собаки не агрессивны (по отношению к человеку). И поэтому незнакомый гость вполне может не быть ими покусанным — при его миролюбивом поведении, разумеется. Но вот сохранности его сумок ничто не гарантирует: в мой полиэтиленовый пакет вцепились из самых лучших, игривых побуждений. А какой-то молодой пес мгновенно полез под руку, прозрачно намекая, что его неплохо бы и погладить...

Такими были первые секунды моего знакомства с этим питомником. Я попала в него как раз в период местной «перестройки»: часть вольеров снесена, новые только что начали появляться. Так как все здесь делается силами владельца, знаменитого екатеринбургского путешественника Павла Смолина, и его друзей-добровольцев — то работа идет не с той скоростью, какая бывает при найме профессиональных строителей. Но зато все делается так, как надо. С учетом всех талантов хасок — так называют эту группу собачьих пород. А таланты у них немалые: могут без проблем перемахнуть через трехметровый забор, по ячеистой решетке забираются на какую угодно высоту — не хуже, чем кошки. Могут запросто пообедать все той же кошкой или чужой собакой. А под машины на дороге попадают даже легче, чем обычные дворняги. Ну, и еще хаски могут передрасться между собой. На это занятие у них находится масса уважительнейших причин: кто-то взялся зубами не за тот кусок, кто-то вроде бы слишком часто ласкаем хозяином, а кто-то слишком слаб для того, чтобы его можно было не трогать. Ну и, само собой, самки... Так что звери эти вроде и пушистые, и белые, но ухо с ними надо держать востро.

Кстати, на самом деле далеко не все ездовые собаки белые. Этот признак есть у пород северных самодов и у чукотской ездовой, которая еще подразделяется на таймырскую лайку, эскимосскую лайку, восточно-сибирскую лайку. Все эти собаки однотонные

«Взрослые сбегают из вольер. А я чем хуже?»

— либо белоснежные, либо с желтым оттенком. А вот сибирские хаски имеют масть, очень похожую на волчью. Но глаза — обычно голубые. В питомнике есть еще и лосиная лайка — эта порода одновременно и ездовая, и охотничья. А всего насчитывается чуть больше двадцати собак.

Возраста у зверей разные. Хотя по-настоящему хаски могут работать только до пяти лет. Потом силы у них уже не те. Конечно, катать желающих вокруг новогодней елки такие собаки вполне могут, и даже обычно делают это лучше молодых. Почему лучше? Потому что медленнее, и клиенты не жалуются на то, что все кончилось уж слишком быстро. Хотя, конечно, есть люди, мечтающие промчатся на собачьей

упряжке «с ветерком».

Но туристы и отдыхающие — это одно. А серьезные полевые условия — совсем другое. Там существует жесткий график прохождения маршрута. Там бывают такие моменты, когда людям приходится впрягаться в сани и тянуть их наравне с собаками. Но почти что в любом случае после дневного перехода звери устают настолько сильно, что им — только поесть и спать. В течение дня их могут подкормить рыбой. Почему именно ей? Она легче усваивается, чем мясо. И по-

этому успевают перевариться переварится за тот час, который положен на отдых посередине тяжелого перехода. А вот мясо усвоится не до конца — и во время физических перегрузок собак вырвет. После чего они будут болеть. Но вообще-то ездовые собаки всеядны. И отлично умеют охотиться сами — тогда, когда у них есть время и силы на это. В северных поселениях их летом не кормят, а просто отпускают побегать по лесам и тундре. А к зиме — снова привязывают. Зимой собака — важнейший транспорт, который в любую минуту должен быть под рукой, а не отглавливать леммингов где-то около деревни.

И, кстати, в реальности ездовые лайки гораздо менее самостоятельны, чем это описано в замечательных рассказах Джека Лондона об Аляске. Каюр в любом случае — их вожак и непререкаемый авторитет. Да, упряжка привыкает к новому погонщику очень быстро, в среднем за неделю. Но эта неделя должна пройти. А то, быстрее или медленнее собаки освоятся с новым человеком — зависит, в основном, от человека.

Но даже авторитет может не спасти — если ошибиться и попасть под рефлексы зверей. Ездовые собаки — это все-таки хищники, хотя волчья кровь есть только в хасках (их недаром еще называют карликовыми волками). Если они дерутся между собой — например, решили наказать лентяя, меньше других работающего в упряжке — то разнимать их надо с большим умением. Каюры хватают их за задние лапы

Ты, конечно, человек. Но, может, поделишься?

или хвост и вытаскивают из драки. За загринок братьни в коем случае нельзя — рефлексы у зверей великолепные, а вдобавок они, как и любые стайные хищники, привыкли драться сразу против многих противников. Так что руку человека они прокусят быстрее, чем сообразят, кто под их зубами. А разнимать их надо обязательно: они дерутся очень серьезно. Среди них хватает тех, кто покалечен в драках — например, потерял один глаз. И дело вполне может не ограничиться увечьями: плохо работающего собрата по упряжке в наказание могут и загрызть.

И на новогодних катаниях за ними нужен глаз да глаз: потому, что они могут кинуться на появившуюся рядом собаку. А звериная драка на глазах у детей — это далеко не то, что нужно хозяевам аттракционов. К чести Павла Смолина и его товарищей, такие вещи случаются редко. Хотя совсем застраховаться от них невозможно: например, однажды какой-то пьяный кинул чужого щенка прямо в середину собачьей упряжки. И началось... Челюсти вожака, вцепившегося в «подкидыша», пришлось разжимать ножом. Но обычно подобные инциденты удается предотвратить в зародыше. И никто из посторонних даже не подозревает, как сложно все время держать собак под наблюдением, а также управлять ими во время движения упряжки. Это ведь тоже целая наука. И от каюра требуются не только знания, но и большая физическая сила: ездовые лайки — звери не слабые, увлекающиеся и очень быстрые в движениях. И одного

голоса для них хватает не всегда — нужны еще сильно натянутые поводья.

А также «городскому» каюру Павлу Смолину надо знать, как правильно скомпоновать «туристические» упряжки: из молодых ли, старых ли, или сделать смешанные. Надо находить пропитание для собак — и хорошо, что те готовы удовольствоваться отходами мясного производства. Но их еду надо где-то хранить. Зимой все просто: снег и холод. Летом же приходится действовать по рецепту северных народностей: привезенные кости и мясо раскидываются по крышам вольеров и таким образом вялятся в течение нескольких дней. Ни загнить, ни быть попорченным мухами мясо за это время не успевает. А легкий, не совсем приятный для большинства людей запах от него собакам даже нравится. Ну и еще — спонсоры. Серьезную экспедицию без них не организовать.

Но сейчас такие экспедиции — в прошлом и в будущем. Лето — время отдыха. Конечно, собаки могут бегать и по траве, катать колесные тележки. Но летом псы сильно линяют, и выглядят далеко не так импозантно, как зимой. Да и вообще, почти скрытые в траве, шумно дышащие от жары собаки — это далеко не то, что легко несущиеся по снегу, выдыхающие

клубы пара звери, словно выбежавшие из книги о приключениях на Севере. И пусть в цивилизованных частях нашей страны ездовые собаки пока малоизвестны. Развитие этого специфического вида экстремального транспорта уже началось. Например, в Москве состоялись первые российские чемпионаты по езде на собачьих упряжках. Павел Смолин туда не поехал — ему не удалось. Точно так же, как ему не удастся ездить на аналогичные европейские и американские чемпионаты. В тех странах, кстати, можно свободно купить сани, упряжь для езды на собаках. У нас — все это отсутствует, и каждую мелочь приходится делать или самому, или с помощью друзей.

И хочется верить в то, что, развившись в нашей стране, будущие питомники ездовых собак, создав систему традиционных спортивных соревнований, не позаимствуют у Запада его достаточно распространенное отношение к хаскам: убивать собак, достигших пятилетнего возраста (усыплять их). У Смолина «пенсионеры» либо живут и бегают по мере сил, либо (гораздо чаще) дарятся тем людям, которым надо «чтобы во дворе хоть кто-то гавкал». Вряд ли игра с детьми новых хозяев — это такой уж плохой конец карьеры для мохнатых бывших «покорителей севера».

Хаски. Вот такие они...

Евгений ТАМПЛОН

Гора Азов

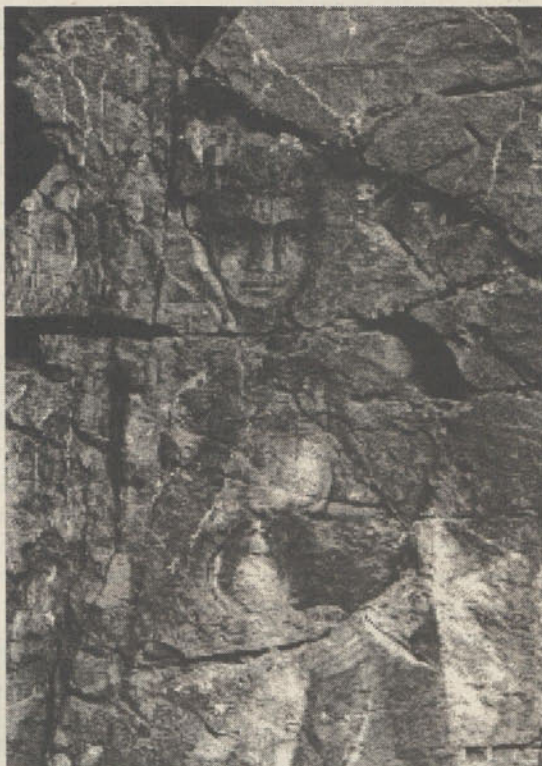
В восьми километрах от центра Полевского находится одно из самых загадочных мест на Среднем Урале — Азов-гора.

Если взглянуть на топографическую карту, то Азов-гора особого впечатления на вас не произведет. На карте указано, что вершина ее покрыта лесом и поднимается над уровнем моря на 589 метров. Вблизи Полевского есть горы повыше, и все они покрыты лесом. Но если не полениться и подняться на Азов-гору, то реальность превзойдет все ожидания. Сначала, как и указано на карте, тропа идет по сосново-березовому лесу. Но постепенно картина меняется. Среди берез и сосен вы начинаете замечать липу, дерево для Среднего Урала не типичное. Появляются огромные камни и небольшие скалы, покрытые мхами и лишайниками. И вот, наконец, перед вами неожиданно возникают грандиозные стены и башни «каменного города». Это и есть вершина Азов-горы. Именно зубчатые каменные башни дали горе название «Азов», поскольку «азау» по-татарски означает «зуб». Какое название имела гора в старые времена, когда здесь жили вогулы (так раньше называли манси), сейчас уже не скажет никто.

Геологическая история горы уходит в глубокую древность. Более 300 миллионов лет назад, в палеозойскую эру, здесь, как и на всем Урале, шел горообразовательный процесс. Сминались в складки многокилометровые толщи морских отложений, из недр земли прорывались расплавленные вулканические породы, все это перемешивалось, ломалось, громоздилось одно на другое. Образуя огромную горную стену, вершины которой поднялись к облакам, а цепи хребтов растянулись на тысячи километров.

За сотни миллионов лет горы сильно разрушились. Устояли только самые прочные, сложенные вулканическими породами, над которыми время не властно. Одна из них — Азов-гора. Любитель геологии, побывав на ее вершине, без труда прочтает историю рождения горы по минералам, встречающимся здесь. Известняки говорят о том, что в этих краях некогда плескалось теплое море. Базальтовый порфирит — свидетельство бурной вулканической деятельности. Поскольку он — не что иное, как застывшая древняя лава. И, наконец, сам зубчатый гребень горы, сложенный прочными диабазами, повествует о том, что в древности здесь происходило далеко не типичное извержение вулкана. На каком-то этапе в массив уже остывающей базальтовой лавы вновь из недр земли внедрили расплавленные потоки иного химического состава. Эти потоки или, как называют их геологи, дайки, постепенно остыли. Наполняющая их лава превратилась в минерал диабаз.

Со временем лавовый базальтовый массив разрушился, а прочные диабазовые дайки сохранились и стоят до сих пор, напоминая своей формой башни и стены каменного

Наскальный «портрет» девки Азовки.

города, венчающего вершину Азов-горы.

Каменный город Азов-горы издавна привлекал к себе людей. По поверьям вогулов, среди этих мрачных скал обитали духи их предков.

Подтверждением особого отношения древних людей к Азов-горе являются и многочисленные археологические находки, сделанные здесь в разное время. Особенно интересен клад, найденный летом 1940 г. местными школьниками и переданный Областному краеведческому музею писателем Павлом Петровичем Бажовым. Клад, датируемый IV–III вв. до н. э., состоял из медных идолов, изготовленных в виде летящих хищных птиц. Для того, чтобы подчеркнуть стремительность полета, мастер изобразил птиц не с одной, а с двумя парами крыльев. В те времена летящая хищная птица была атрибутом священного ритуала выплавки металла. По поверью древних металлургов, она несла огонь солнца, необходимый для задувки горна и получения драгоценной меди.

Постепенно древний металлургический промысел в окрестностях Азов-горы угас, но священная гора по-прежнему оставалась местом таинственным и загадочным. Даже

На Азов-горе.

после прихода сюда русских поселенцев и строительства Полевского завода вогулы не забывали своей святыни и захаживали на вершину поклониться душам давно ушедших предков. Православные христиане к языческим обрядам «старых людей» относились с опаской. И на гору без особой на то надобности не ходили. Вскоре за каменным городом закрепилась и дурная слава. Поговаривали, что живут там злые разбойники и грабят купцов на Ревдинской и Уфалейской дорогах, по которым с приисков и рудников часто возили золото и драгоценные камни. Кто-то видел среди разбойников и женщину. Прозвали ее девкой Азовкой, и будто бы была она женой самому атаману, а как его убили, возглавила шайку. По другим легендам, после смерти атамана долго спорили разбойники, чьей она будет женой, да так и не смогли договориться. Взяли тогда девку и замуровали в пещеру вместе с ее богатством. Кто ту пещеру найдет, навек станет богатым и счастливым.

Поговаривают, что девка Азовка жива до сих пор, но не является людям, боится расплаты за прошлые лихие дела. Но увидеть ее все-таки можно. На каменной стене. На вершине горы написан женский портрет. Кто-то считает его изображением девки Азов-

ки, кто-то — Хозяйки медной горы из бажовских сказов. Но вот уже несколько лет глядят с мрачной каменной стены пронзительные глаза. И даже человеку бывалому становится немного не по себе. Некоторые видели Азовку и живой. Это обычно случалось в ночное время с людьми легковверными и впечатлительными.

Несколько поколений жителей Полевского и окрестных поселков пытались искать ту пещеру, где легендарная девка хранит свои богатства, но гора крепко держит тайну. Еще никому не довелось увидеть таинственный вход внутрь горы, только в сказах П. П. Бажова открылась она Данилему мастеру — правда, счастья подземные красоты и богатства ему не принесли.

Живописный «каменный город» вершины Азов-горы привлекает в любое время года. Обязательно здесь нужно побывать во второй половине мая, когда на огромной поляне у подножия скал зацветает желтая примула, а в расщелинах между каменными глыбами цветут рябина и бузина. Второе время посещения нужно выбрать в разгар золотой осени. В это время воздух особенно чист и прозрачен, и с вершины горы открывается грандиозная панорама уходящих далеко за горизонт Уральских гор.

Добраться до Азов-горы очень просто. До Полевского из Екатеринбурга идет асфальтированное шоссе и ходят рейсовые автобусы. В самом Полевском нужно найти дорогу, идущую в сторону села Большая Лавровка, и примерно в 3-4 км от окраины города с дороги будет своротка вправо, прямо на вершину Азов-горы. Если у вас машина не полноприводная, то ее лучше оставить у шоссе и подняться пешком. До вершины нужно пройти около 2 км. На полноприводном автомобиле по лесной дороге можно подъехать прямо к подножию «каменного города».

Добраться до Азов-горы можно и не имея личного транспорта. Рейсовый автобус идет до Полевского. От Полевского до Большой Лавровки тоже идет автобус, главное, не пропустить своротку на вершину Азов-горы.

Вид с горы Азов.

Татьяна СУВОРОВА

Уход дерева

А вы знаете, что в Екатеринбурге медленно отмирает... дерево? И многие окна и двери вставлены уже не в традиционную, освященную веками оправу, с любовью выточенную из стволов лесных великанов?

Что же незаметно приходит на смену?.. И незаметно ли? Прогуляйтесь по улицам и посмотрите на здания. В Екатеринбурге уже немало домов, избавленных от традиционных и не очень красивых оконных переплетов - которые, к тому же, регулярно облупляются, гниют и доставляют своим владельцам массу других мелких, но досадных проблем. А ведь аккуратность и прозрачность окон создают комфорт не только его хозяевам, но и проходящим по улице людям - тем самым, которые вроде бы ничего вокруг не замечают, а на самом деле потом жалуются на неопрятность города или хвалят внешний вид конкретных площади, переулка...

У екатеринбуржцев сейчас появляется все больше мелких поводов хвалить вид своего города. И среди этих поводов далеко не последнее место занимают окна из пластика от завода «Стиль». Именно они стоят в обеих свердловских филармониях - Государственной и детской; в Крестовоздвиженском мужском монастыре и Святотроицком соборе. И простоят там еще много десятилетий, не требуя никакой реставрации и особенного ухода: новый пластик, вставленный в старые, прекрасные дома не выцветает, не трескается. Он надежно держит в своих пазах пакеты из стекла. Его очень легко мыть, он совершенно экологичен - то есть безвреден и для человека, и для природы.

И в этом нет ничего кощунственного - ведь в Европе, например, во многих старинных зданиях вместо стекол первоначально стояла или слюда, еле-еле пропускающая солнце, или вообще бычьи пузыри. Вы можете представить себе, что окна центральных районов того же Парижа - полуслепые, крошачьи, сморщенные? Нет. И штукатурка, и краски для реставрации используются новые, более прочные, чем

Торговый город «Дирижабль», г. Екатеринбург.

прежние. Старые дома всегда немного меняются вместе с миром - они ведь тоже живые, как и он. Это называется слиянием лучшего из прошлого и сегодняшнего дней.

Но прошлое - прошлым; есть ведь и современность. Город строится, хорошеет. И те же самые прозрачнейшие, пластиковые окна и двери, установленные заводом «Стиль», отражают солнце и моются дождями в огромном торговом городе «Дирижабль» - настоящего кружева из стекла и металла. Они же создали новый, немного фантастический фасад ТЦ «Купец» по ул. 8-марта. И - что является особым признанием качества светопрозрачных конструкций от «Стиля» - они установлены в Управлении капитального строительства г. Екатеринбурга.

Пластик - это новый, исключительно многообразный по своим возможностям материал в градостроительстве. Он не только радует хозяек (моется очень легко и редко), но и дает архитекторам, дизайнерам массу новых возможностей выразить себя, придать новому, возникающему дому особое лицо. Причем придать как снаружи, так и внутри - потому что кто сказал, что в помещениях якобы ему нечего делать? Из прозрачного или тонированного стекла, вставлен-

Филармония, г. Екатеринбург

ного в профили RENAУ, можно создать офисные перегородки, разбить зимние сады, смонтировать другие декоративные элементы - как внутри, так и снаружи зданий. Полимеру, в отличие от дерева, легко придать любую, самую причудливую форму - и при этом изогнутый переплет будет цельным, а не составленным из массы кусочков, которые так и норовят отклеиться друг от друга.

Они защищают дом и от почти незаметных, но таких неприятных сквозняков, и от 37% теплопотери через обычные окна. Так что на стороне изменений во внешнем виде городов будут даже те, кто озабочен только одной экономией своего бюджета - хотя таких людей очень мало, ведь красоту ценят почти что все.

А что же еще стоит за этими сверкающими, прозрачными пластинами дверей и чистейшими окнами? Отличная антикоррозийная устойчивость - что очень важно для нашего индустриального города. Там, где смог быстро испортит краску обычных оконных рам - там окна завода «Стиль» сохранят тот чистый цвет, который выбрали их хозяева. И полимер не будет впитывать в себя, хранить в своей структуре ту грязь, которую так «бережет» дерево. Самое же главное: пластиковые окна не пропустят смог внутрь дома или офиса. А в сезон ненастья полимер не будет ни коробиться, ни шелушиться, ни впитывать влагу. От окон и дверей не будет тянуть промозглостью. И они будут много-

го, намного лучше поглощать знаменитый городской шум, который так мешает отдыху большинства из людей.

То есть тот Екатеринбург будущего, который сейчас строится, создается - это уже далеко не тот город «хрущовок», в какой его когда-то пытались превратить. Он ориентирован на нераздельный сплав красоты, архитектурского воображения и комфорта людей. Этот новый Екатеринбург создают уральские мастера - дизайнеры и специалисты-рабочие. И среди них лидирует завод «Стиль», работающий для всех категорий заказчиков. Хотите что-либо из типового ассортимента? Пожалуйста! Надо вам нечто индивидуальное, треугольное

или круглое, волнообразное окно? Отлично, оно у вас будет, и очень быстро! Дореволюционные купцы и мечтать не могли о таких возможностях в украшении своих домов, которые сейчас имеет немалое количество екатеринбуржцев. Потому что пластиковые окна и двери вполне по карману многим.

И лет через сто, когда грядущие краеведы будут изучать наше время, то, сталкиваясь с архитектурой начала XXI века, с историей реставрации памятников старины, они будут очень часто встречать упоминания о заводе «Стиль» и о его директоре, Хренове Александре Ярославовиче.

Современный жилой дом в Екатеринбурге.

Евгений ТАМПЛОН

Урал-Трофи-2002 г.

Наконец-то наступило долгожданное лето. Ждали его все, но особенно готовились к летнему сезону трофи-рейдеры — так называют себя любители экстремальных внедорожных походов на полноприводной колесной технике. Нельзя сказать, что лето пришло к ним в гаражи и на стоянки неожиданно. Еще в мае самым преданным и подготовленным была предоставлена возможность взбодриться на двух этапах Чемпионата России по Трофи-рейдам. Один из них прошел в Тосненских болотах под Санкт-Петербургом, а другой у нас — в окрестностях Сысерти и Полевского. Конечно, Чемпионат России — дело важное и ответственное, но этапы его проходят скоротечно, всего за один-два дня. Это серьезный спорт, и любители внедорожной езды, конечно, получают по полной программе и грязи, и бездорожья, — а, как следствие, несут моральные и материальные потери. Но настоящего удовольствия от общения с любимой техникой и природой даже в самом грязном и непролазном ее варианте за сутки-двое получить невозможно. Тем более, что устроители этапа чемпионата ничего, кроме тяжелой и изнурительной гонки, не предлагают.

Отдохнуть душа трофи-рейдера может только на Урал-Трофи. Урал-Трофи — это уже традиция, истоки которой уходят, правда, в совсем недалекое прошлое — в 2000 год, когда состоялся первый рейд по уральскому бездорожью. С тех пор прошел Урал-Трофи-2001, и вот настал год и час Урал-Трофи-2002.

В этом году маршрут лежал на запад от Екатеринбургa, в глухие уголки междуречья Чусовой и Уфы.

28 июня на большую поляну недалеко от поселка Первомайский, что стоит на 70-м километре Московского тракта, начали подтягиваться участники рейда. Тяжело отрывался занятый народ от привычных трудовых будней, но неделя Трофи — это святое. В эти дни забываются все городские расклады, замирают фирмы, лишившиеся своих хозяев. Время начинает диктовать свои условия. Самым большим начальником становится главный судья, а основным делом жизни — уральская ухабистая дорога или ее подобие, которое нужно пройти, сохранив себя и свой любимый автомобиль. При этом нельзя забывать, что тихонько проползти по трассе — это далеко не самый лучший вариант, поскольку судьями засекается время, все это потом преобразуется в очки, которые суммируются, и в конце Трофи хорошая сумма очков преобразуется в золотые, серебряные и бронзовые медали, ценные призы, славу и почет. Также нельзя забывать, что Урал-Трофи-2002 — это один из этапов Кубка России по Трофи-рейдам, и победные очки в нем — это шанс приблизиться к заветному российскому Кубку, а это уже очень большая слава и очень большой почет.

Итак, к вечеру в пятницу, 28 июня, стартовый лагерь Урал-Трофи-2002 ожил и зашумел. До старта еще остава-

лось время, и поэтому народ развлекался, как мог. Сначала все шло спокойно: открывались консервы, люди выпивали и закусывали. Но неожиданно на поляну въехал старинный автомобиль марки «Москвич-401». Несмотря на преклонный возраст, автомобиль выглядел настолько респектабельно, что поневоле у всех возникли вопросы: как такое могло случиться и что делал хозяин со своим автомобилем, чтобы добиться этого? «Москвич» осмотрели, ошупали, долго и внимательно смотрели у него под капот и в выхлопную трубу; и только начали успокаиваться — но не тут-то было. Хозяин автомобильного раритета оказался не только любителем четырехколесной старины, но и русского холодного оружия. На свет был извлечен комплект вооружения русского воина времен Куликовской битвы (1380 г., если кто не помнит). При виде кольчуги, шлема и особенно тяжеленного меча боевой дух рейдеров поднялся на невообразимую высоту. Кольчугу и шлем примеряли все, включая женщин и детей, мечом махали до изнеможения. Все подивились силе и выносливости русских воинов, которые, с легкостью владея тяжелым мечом, могли биться часами, при этом на них были одеты двадцатикилограммовые кольчуги и железные шлемы. Именно такие сила и выносливость нужны настоящему Трофи-рейдеру, чтобы биться с бездорожьем и коварными сюрпризами, подготовленными организаторами гонки.

Наутро все началось: загудели моторы, забегали участники и зрители. Традиционная жеребьевка, разъяснение правил для тех, кто не разобрался в регламенте и — вперед, на трассу.

Правила Урал-Трофи с 2001 года практически не изменились. Каждый день участников ожидали один или два спецучастка, на старте и финише которых стояли судьи и отсекали время. Протяженность участков варьировала от 10 до 45 километров, и каждый отличался чем-то особенным: где-то рейдеров поджидали чащоба и топкая промоина, где-то — непролазное болото, а где-то — колея глубиной по пояс, в которой застревают тяжелые лесовозы. Ну, а всякие мелочи вроде поваленных деревьев, мелких речушек и обыкновенного бездорожья даже упоминать не стоит. В первый день на старт вышло 30 машин. Все чистые, исправные, со здоровыми и бодрыми экипажами. Из «иностранцев» на далекий Урал прибыли «бульбаши» — так окрестили белорусский экипаж на УАЗике-«батоне» с надписью «Бульба». 3 000 километров от Минска до Екатеринбургa бравым белорусским парням показалось делом небольшим. И они прибыли своим ходом, проехав половину России. Немного забегаая вперед, надо сказать, что 3 000 километров по асфальтированной России оказались не столь серьезным испытанием, как 20 километров первого этапа Урал-Трофи. Уже к вечеру первого дня, не успев вкусить всех прелестей уральского бездорожья, «бульба-

ши» сломались. Точнее, сломался их расписной УАЗик. На первую ночевку они уже приехали не своим ходом, а привязанные тросом к «троллейбусу» — так окрестили огромный гусеничный вездеход технической поддержки, который и вправду своими размерами и внешним видом напоминал троллейбус на гусеничном ходу.

Из дальнейшей борьбы «бульбаши» выбыли, но остались на Трофи в качестве туристов-наблюдателей.

Как и во всяком серьезном мероприятии, в первый день Трофи становится более-менее ясно, кто есть кто. Те, кто поленился подготовить как следует машину, к вечеру уже знали, что победить удастся, в лучшем случае, только в Урал-Трофи-2003. А на этот год им уготована участь туристов, которые еще в состоянии передвигаться, но уже только по асфальтированной дороге и малым ходом. Те же, кто вложил в свою технику силы и средства, на первом этапе без особых потерь вошли в нормальный спортивный режим Трофи.

Первый день — легкий день. Участок короток, серьезных препятствий немного. Мастера на этом этапе всего 2-3 раза доставали лебедки, и уже через пару часов были ан финише, а весь оставшийся день развлекались. Кто-то сосредоточенно готовился к предстоящим баталиям, а кто-то, совсем не думая о завтрашнем дне, привязал к своей машине огромную сосну с сучьями, посадил своих лучших друзей и начал гонять по лагерю, сметая палатки и котелки. Получилось шумно и весело — конечно, для тех, чьи пожитки уцелели. Категория бедолаг — то есть тех, чьи машины не выдержали первого испытания, — подтягивалась до глубокой ночи. Чей-то искалеченный вездеход, оглашая диким ревом окрестности и еле-еле ковыляя, приполз на одном переднем мосту. Гонцы с трассы сообщили, что в глубокой луже на боку лежит «лендкрузер» Игоря Ташкинова, а совсем в глубокой ночи «троллейбус» на прицепе привез «бульбашей».

Это был их первый и последний спортивный день. Ночь у деревни Перескачка прошла спокойно. Жертвы начались с утра, когда неисправный молоток в умелых руках одного из техников сильно повредил эти самые руки. Бедняге была оказана квалифицированная медицинская помощь врачом экспедиции — Мариной Меркурьевой. Пострадавший отделался сильным испугом и стаканом крови, которую он потерял по вине все того же молотка. Но, как оказалось впоследствии, это было только начало.

Стартовали все благополучно, дружно повыдергивали друг друга из неболь-

шого, но глубокого и очень грязного болотца, а потом понесли по лесным дорогам, оглашая ревом молчаливую уральскую тайгу.

Первые серьезные приключения достались на долю Александра Ляного. Его УАЗик сломался (полетела полуось переднего колеса) — но это еще не приключение, а обыкновенная дорожная поломка. Основное произошло тогда, когда он попытался возвратиться обратно к старту, к машине технической помощи. Тут и вышел на него из лесу бурый медведь. Летом медведи неагрессивны, а этот оказался еще и трусоват — поэтому настоящей встречи с лесным жителем у Александра не состоялось. Медведь быстро убежал в кусты.

Настоящая беда в тот день приключилась с маршалом гонки Владимиром Рыкшиным. На него упало дерево. Надо сказать, что жертвой стоящих и падающих деревьев Владимир оказывается достаточно часто. И на сей раз судьба повернулась к нему далеко не самой лучшей своей стороной.

Удар от несущегося УАЗика оказался настолько силен, что дерево не выдержало и рухнуло. А маршал Трофи, оказался, естественно, поблизости. Только могучее здоровье и хорошая физическая подготовка позволили ему отнесительно быстро прийти в себя и продолжать гонку, как обычно, в двух качествах — маршала и видеооператора.

Тяжелое падение произошло и у единственного на Трофи семейного экипажа из Челябинска. Машина завалилась на бок и могла бы пролежать так довольно долго, если бы не помощь соперников. Правила гонки не обязывают участников помогать друг другу. Тем более, что время на оказание помощи из общего времени не вычитается.

Но дух взаимопомощи — это главное, что отличает трофи-рейдеров. «Не бросай в беде товарища», — это первое неписанное правило, с которым большинство участни-

И это все - грязь!

ков выходит на старт каждого этапа.

К вечеру все успокоилось. Челябинцев подняли, и они доехали сами, маршала долго лечили и почти вылечили. Разгоряченный народ нашел у дороги большую лужу и стал купаться в ней вместе с машинами. Одежду при купании не снимали, поскольку одновременно это была и стирка. Ближе к ночи к лагерю подлетели тучи комаров, поэтому народ быстро забился по палаткам и забылся тяжелым сном. Самый кровавый день Трофи благополучно закончился.

Утро третьего дня выдалось теплым и солнечным. Казалось, все идет хорошо. Не очень длинный этап должен был закончиться в окрестностях поселка Ново-Уткинска. До финиша предстояло пройти 25 километров обычных лесных дорог. Но все оказалось намного сложнее.

Ошибаться свойственно всем. Только тот, кто ничего не делает, может с гордостью говорить, что он не ведает ошибок. Организаторы Трофи — люди деятельные, и поэтому ошибки подстерегают их на каждом шагу. Мелкие накладки, которые постоянно преследуют все грандиозные мероприятия, в том числе и Урал-Трофи — это все пустяки. Но наступил тот час, когда должна была появиться и большая ошибка. Этот час и пробил на третий день соревнований... При составлении легенды первый поворот налево в лес, с которого практически и начиналась трасса, оказался помечен двумя километрами раньше. Рейдеры ломанулись в лес, и дело завертелось. Самое удивительное, что многие, продираясь по совершенно незнакомой местности, умудрялись «сбивать» ее с легендой, притягивая многочисленными поворотами и развилками к той ситуации, которая была старательно изображена на бумаге заботливыми организаторами Трофи. Правда, эта ситуация должна была развиваться в совершенно другом месте.

Но ближе к полудню воображение вконец заплутавших участников иссякло. Народ заметался по лесу, многие умудрились, сделав пару кругов, вновь оказаться в тех же лужах, из которых кое-как выбрались два часа назад. Машины сбились в кучку, куда ехать, никто не знал. Кости организаторов Трофи перемыли добела, но делу это не помогло. Решили, что лучше сойти с трассы, чем погибнуть в расцвете сил, заблудившись в глухой уральской тайге. Поэтому большинство двинулось на ближайший большак, по которому до точки финиша добираться оказалось совсем близко.

На въезде в деревню, в которой был запланирован финиш, у бензоколонки на трофи-рейдеров, превратившихся не по своей воле в автотуристов, поджидал «гид» — это был слегка нетрезвый местный житель, который абсолютно безвозмездно предлагал провести экипажи известными одному ему тропами прямо к финишу и создать иллюзию честного прохождения всей трассы, несмотря на небоющуюся легенду.

Жульничать никто не собирался, но услугами местного «сусанина» воспользовались — поскольку никак не хотели рыскать без легенды в малознакомой местности.

Ночевка третьего дня Трофи расположилась на берегу живописной реки Б. Шишим, притока Чусовой. Когда-то в этом месте был дом отдыха, но времена изменились.

Территория культурного учреждения заросла густой травой, ступени бетонной лестницы покрыл зеленый мох, а от памятника неизвестно кому остались только ноги с торчащей из них арматурой. На фоне этого запустения лагерь Урал-Трофи выглядел, как кадр из фантастического фильма. Но обитателям лагеря было не до погибшей цивилизации, их волновал вопрос: что будет с результатами уходящего дня? Резонные люди считали, что главный судья должен ударить себя в грудь, покаяться и отменить результаты гонки, поскольку езда по неправильной легенде — это уже не спорт, а одно недоразумение. Так оно все и вышло. Результаты дня были аннулированы, и участникам было предложено считать этот день днем автотуризма, а рыскание по лесу в поисках правильной дороги — прогулкой в свое удовольствие. Даже самых буйных и отчаянных такое решение вполне устроило. Народ быстро утомился — тем более, что в этот день ни серьезных жертв, ни поломок не случилось.

Утро следующего дня многие рейдеры встретили, как обычно. В добром здоровье и боевом настроении. Еще никто не знал, что судьба приготовила им на этот раз. А судьба, в лице организаторов гонки, на сей раз развернулась по полной программе. Формально все выглядело весьма просто: 45 километров гонки от реки Б. Шишим до деревни Курья на берегу Чусовой. Участники решили, что 45 км так 45 км, где-то дорога тяжела, а где-то полегче, и четыре десятка километров — это не так уж и много.

Спортивный день начался, как обычно. Через каждые пять минут уходил со старта очередной участник, и еще никто не подозревал, что многих можно будет увидеть только через сутки, машины их будут облеплены толстым слоем грязи, экипажи измучены до предела, а кто-то самостоятельно до финиша не доберется вообще.

Первое испытание досталось на долю только экипажа Суперстрога (Алексей Дудоров, Николай Лантух). Несмотря на то, что машина их к гонке оказалась подготовлена как нельзя лучше, да и выступали они в классе «тракторов» (ТРЗ), но ошибки, напасти и стечение обстоятельств оказалась на этот раз роковыми. Мост полетел, а без моста боевая машина превращается в обыкновенный колесный экипаж. Оставшись на обочине, им пришлось чесать затылок и думать о том, как жить дальше.

Остальные рейдеры рванулись дальше: впереди их ждали серьезные испытания, переправа через небольшую речку Долматкиху. Речка оказалась не широка и не глубока, но берега... Крутой спуск и крутой подъем делали этот небольшой ручеек серьезным препятствием.

Машины сгрудились у узкой переправы, самые хитрые попытались обойти ее стороной. Но не тут-то было. Пришлось всем терпеливо ждать, пока, в порядке живой очереди, один за другим экипажи на лебедках преодолеют скользкий глинистый подъем.

Дальнейшее действие разворачивалось по традиционному сценарию. Заболоченный зимник, для прохождения которого приходилось разворачивать лебедки каждые 300 метров, тянулся бесконечно. Мелкие поломки и недоразумения, естественно, тоже были, но все это — будни любого трофи-рейда, и Урал-Трофи — здесь не исключение.

Серьезное испытание на трассе ждало «малышей». Так называли дует Димы Майорова и на квадроциклах. Хотя они шли отдельным зачетом и в гонке больших машин не участвовали, но трасса им досталась та же самая, и все дорожные расклады на их неокрепшие плечи легли полным грузом. На половине дороги все кончилось. Квадроциклы идти дальше отказались, и пришлось юным рейдерам при помощи взрослых выходить на большак и добираться к месту стоянки уже по хорошей дороге.

Взрослые же участники продолжили свой нелегкий путь к финишу. Солнце клонилось к закату, до финиша оставалось километров 25, перед большинством участников маячила перспектива повторения Суперстроя, то есть точной гонки по бездорожью. Переправа через реку Дарья оказалась легкой, но только для исправных машин. Наступил момент, когда дорогу перекрыл «инвалид», и движение встало. Машины прибавлялись, возбужденные экипажи металась в поисках прохода. Кто-то в отчаянии бросился на сломанный мост, но вовремя одумался; кто-то начал ломиться сквозь прибрежные заросли, но тщетно. Пришлось общими усилиями освободить дорогу, то есть вытаскивать обездвиженный автомобиль на ровное и сухое место, а там уже самим спокойно переправляться и продолжать свой путь к желанному финишу. Почему-то участникам казалось, что за речкой Дарьей дорога будет все лучше и лучше, и оставшиеся 20 км до финиша можно будет пройти легко и свободно. Но ожидания и надежды на спокойную ночевку и ужин оправдались далеко не у всех. Пять километров тяжелой рубки по зимнику закончились на берегу все той же Дарьи — притока Чусовой.

Вторая переправа через Дарью — это уже серьезное препятствие. Река хоть и не широка, но глубиной по пояс, а высокий противоположный берег и отсутствие крепких деревьев для зацепа лебедки создали массу трудностей. Тросы рвались, вода кипела. Чумазы и усталые рейдеры в состоянии полного безразличия продолжали делать свое грязное дело. Некоторые, решив, «что гори оно все огнем», уселись на берегу и начали выпивать и закусывать, с грустью поглядывая на свой автомобиль, безнадежно застрявший во взбаламученных водах Дарьи. На горизонте замаячил «троллейбус», который подбирал по дороге всех отчаявшихся и сломавшихся. День догорал, наступала ночь.

Ночь диктует свои законы, но законы Урал-Трофи она не отменяет. Гонка продолжается. Надежды на чистые последние километры не оправдались. И только к

утру последний рейдер, не без помощи «троллейбуса», но самостоятельно достиг финиша. Мысль о том, что уже сейчас снова на старт, пугала. Но организаторы Трофи — тоже люди, и этот день был объявлен днем отдыха.

Лагерь встал на берегу речки, что совсем рядом впадает в Чусовую у села Курья. Солнечная погода, красота Камня Винокуренного, что растянулся вдоль Чусовой на несколько сотен метров, купание и хороший обед успокоили возбужденные нервы рейдеров. Ужасы прошлого дня моментально забылись, и только траурная процессия по доставке на «троллейбусе» переломанного УАЗика Виталия Кокшарова напомнила умиротворенной публике о том, что есть в жизни и огорчения. Что судьба бывает благосклонна далеко не ко всем, особенно в таком сложном предприятии, как Урал-Трофи.

К концу дня отдыха сильно потрепанные предыдущим днем боевые машины и их экипажи окончательно пришли в себя. Совсем неожиданно, хотя и в полном соответствии с регламентом, последний день гонки стал приближаться с катастрофической быстротой.

На шестой день Трофи-организаторы приготовили целых три спецучастка. Сюрприз первого участка ожидал рейдеров в самом начале, буквально через 400 метров от старта. Прямо в деревне Курья переправа через небольшой ручеек обещала интересное зрелище для местных жителей, заблаговременно собравшихся здесь. Дело в том, что старый мост через ручей был давно разрушен, а современная «переправа» представляла собой глубокую яму, заполненную до краев жидкой глиной. Не все местные жители с энтузиазмом восприняли перспективу полюбоваться форсированием их любимой речки. Одной старушке показалось, что готовящееся действие окажет роковое воздействие на экологическое состояние окрестностей ее де-

Как бы ее выправить... Неизвестно...

ревни. Сначала она сильно по этому поводу расстраивалась, но местные же жители встали за рейдеров горой, вскопери и старушка успокоилась, а через некоторое время, одев выходное платье, уже стояла среди зрителей и горячо обсуждала перспективы участников по преодолению грязной деревенской лужи.

Для рейдеров лужа оказалась не очень серьезным препятствием. Лебедку зацепить есть за что, а все остальное — дело техники. Единственный, кто порадовал публику, так это Николай Панкратович. В топь он почему-то лезть не захотел, а рванулся прямо через разрушенный мост. Машина, естественно, провалилась, и вытаскивать ее пришлось совместными усилиями других участников — благо взаимовыручка рейдеров, даже при приближении к финишу гонки, нисколько не уменьшилась.

Больше сюрпризов первый спецучасток этого дня не преподнес, но зато второй оказался весьма интересен.

Дорожная легенда — главный документ гонок — на этом этапе отсутствовала. Участникам было предложено, пользуясь только системой глобального позиционирования (DPS) найти в лесу троллейбусный компостер (контрольный пункт), а потом, пользуясь тем же прибором, добраться до финиша этого этапа. Тут-то все и началось. Несмотря на предупреждение главного судьи, сделанное еще задолго до начала Урал-Трофи, некоторые по своему легкомыслию систему DPS не приобрели; а кто-то купил и установил, но пользоваться не научился, решив, что само все как-нибудь... Но «как-нибудь» ничего не бывает. Система DPS — это инструмент в умелых руках, а что касается рук неумелых, то им DPS — не помощник, и остается ориентироваться по компасу, мху и муравейникам, а также надеяться на «нелегкую», которая может и вывезти. В поисках этой самой «нелегкой» неграмотный народ и заметался среди густого леса, продираясь по его нехоженым уголкам на своих транспортных средствах. Таких сбилось в кучу много, у каждого, естественно, было свое мнение, а секундомер на финише неумолимо тикал, добавляя к общему времени заблудших дополнительные секунды, минуты и даже часы. В конце концов в головах заплутавших рейдеров окончательно победил здравый смысл и, плюнув на все системы глобального позиционирования, они, пользуясь природной интуицией, доставшейся от далеких предков, кое-как нашли ту единственную дорогу, которая вывела сначала к заветному компостеру, а затем — и к финишу второго спецучастка. Третий спецучасток оказался проще всех, хотя организаторы втайне надеялись, что этот этап участники запомнят надолго.

Первый сюрприз — длинная траншея с крупными камнями, протянувшаяся вдоль железнодорожной насыпи. Дно траншеи устлано огромными булыжниками. По такой трассе большую скорость не покажешь, но проехать можно, и даже без вреда для подвески. Так что первый сюрприз не удался. То же самое произошло и со вторым.

По коварной задумке организаторов, перед самым финишем планировалось прохождение лесовозной глинистой дороги с глубокой колеёй и всеми остальными прелестями подобных трасс. Но солнечная погода сделала свое дело. Глина высохла, и лесовозный кошмар превратился в обыч-

ную плохую дорогу. Но эта плохая дорога все-таки сыграла свою роль: один экипаж перевернулся, а Евгений Павлин на своем УАЗике так разогнался, что не заметил ветви ломанного дерева. Острый сук разбил лобовое стекло, прошел в нескольких сантиметрах от головы Евгения и вышел сбоку, там, где стекла уже давно не было. Беда прошла рядом, к счастью, — все обошлось благополучно.

Вечер шестого — предпоследнего дня Трофи — потихоньку догорал. У костров обсуждали события дня минувшего, благо событий этих было предостаточно.

Евгения Павлина излечили, поскольку сучок все-таки сильно поцарапал его; полечили и всех других желающих. Поздно вечером народ утомился. Завтра будет последний день, последний спецучасток, а вечером все узнают имена героев — победителей Урал-Трофи.

Последний спецучасток не принес ничего: ни бед, ни огорчений или каких-либо серьезных подвигов. Рейдеры лихо прошли всю трассу — правда, перевернулся Александр Ляной, но перевороты на Урал-Трофи стали настолько обыденны, что события из этого уже никто не делал. Перевернулся, поднялся — поехал дальше. Вот и все.

В обед уже состоялся и финиш последнего спецучастка, и финиш всего Урал-Трофи-2002. На огромном поле, на берегу пруда, Урал-Трофи закончилось. Произошло это событие 5 июля 2002 года, в пятницу. Компьютер главного судьи быстро подсчитал добытые потом и кровью очки участников и вычислил, что победу в классе TP2 одержал экипаж Андрея Стихина.

По уже установившейся традиции, «Екатеринбургский Ювелирный Дом» снабдил оргкомитет полным комплектом медалей, памятными призами и традиционными серебряными узиками и серебряным зоопарком. Каждый зверь выдавался за какие-либо особые заслуги или личные качества.

Нашел свой дом и серебряный дятел — самый главный приз гонки — так, во всяком случае. Говорили его учредители. Дятел перелетел в руки Николая Лантуха — правда, тот долго от него отказывался, что во всем виноват его водитель Александр Дудоров. Кому в конце концов дятел достался, история умалчивает. Все остальные приняли медали и призы с радостью. Те, кому ни медалей, ни призов не досталось, получили серебряные значки, грамоты и напутственные слова от маршала Трофи и главного судьи.

А вечером, у костра, силами Таганского ряда был организован концерт тагильских бардов. Звенели гитары, ревели гармони, стучали ложки о головы развеселившихся рейдеров — публика отдыхала по полной программе. К утру поляна затихла. Костер догорел, и лагерь с восходом солнца начал таять, как весенний снег. Все вспомнили про очень важные дела, оставшиеся дома, и разлетелись.

Урал-Трофи-2002 ушел в историю. Но остались медали, призы и хорошие воспоминания, которые всегда можно оживить, прочитав журнал «Уральский следопыт».

Фотографии Марата Шорникова.

Александр ПОЛЕЖАЕВ

Бушуй

Мы зачастили в Саргу, ночуя то в одной избушке, то в другой. Бушуй обретал опыт, но сказать о его классе было нельзя — хотя мы и редко уезжали с охоты без добычи. Зайца было много, и собаке было легко. Но от погоды тоже многое зависело: то снег, то вьюга, то мороз. Пес то раздражал скальванием, то радовал долгим и ровным гоном.

Снега в этом году выпало, на удивление для этих мест, мало, — всего по колено; и мы с Александром охотились до самого марта. Снег слежался, и образовался наст, который выдерживал собаку, а временами — и человека. Закрытие сезона охоты, как и его открытие, — своеобразный праздник для охотников. Не миновал он и нас с Александром. Мы набрали алкоголя, разных деликатесов типа грудинки, копченой колбасы, маринованных огурчиков — всего понемногу, для разнообразия стола. Юдин даже прихватил с собой лимон к чаю.

Дни стояли по-весеннему солнечные, и часам к одиннадцати снег становился мягким и влажным, что для чутя собаки в самый раз. Но и зайцы немного изменились в поведении: то ли опыта набрались, то ли весна на них так подействовала, но носились они как угорелые, уходя от лежки на несколько километров, так, что и собаку не было слышно. Мы с трудом взяли пару за выходные.

На обратном пути, на одной из горок, Бушуй поднял зайца, и мы никак не могли его перехватить, так что Юдин в итоге махнул на него рукой:

— Мне на работу завтра: завод есть завод! Опоздаю на электричку, значит, опоздаю на работу. Так что извини, Александр, я пойду потихоньку на станцию. У вас в больнице не так строго, как у нас.

Я с ним не спорил, но и ловить собаку не собирался. Я вошел в раж и решил во что бы то ни стало взять этого профессора, который уже почти два часа гонял нас вокруг горки. Александр ушел, а я стал опять забираться на гору. С нее и видно, и слышно лучше. Кругом все было истоптанно зайцем и собакой, но где именно ждать зверя, я еще не мог определиться.

Первым делом на горе я сел на пенек и закурил. Лай был слышен то с одной стороны, то с другой. «Нет, на гору он не подыметесь», — решил я. Здесь и следов было мало. Лай ушел вниз, под самую гору, в молодой соснячок, и я стал спускаться с горы. Но где же ожидать зверя? Немного пониже я увидел пересечение сразу трех следов собаки, и это меня остановило. Я зашел в осинник и остано-

вился возле небольшой елочки. Лай то приближался, то снова уходил на другую сторону горки. Я уже стал злиться и на зайца, и на Юдина, который оставил меня, как вдруг увидел зайца. Он вроде как гуляя, неторопливо перебежал с места на место, прислушиваясь к лаю собаки. «Шумовой», — решил я и вскинул ружье. Подпустив зверя поближе, я взял его с первого выстрела. Быстро уложил тушку в рюкзак и снова стал ждать. Лай все кружил где-то внизу и только минут через пятнадцать стал приближаться. Я увидел Бушуя, идущего по следу моего зайца. Тот, видимо, так намудрил и запутал следы, что собака шла от него больше чем на километр сзади. Поэтому и не могли мы его взять с Юдиным. Я отрезал пазанки и дал их Бушую, показав этим, что заяц взят, и охота по нему закончена.

Надо было спешить на станцию: может, еще успею на электричку. И я пошел в сторону дороги. Уставший пес бежал почти рядом, когда чуть не из-под ног из-за елки выскочил заяц. Он только мелькнул и исчез в овражке, в мелколесье. Бушуй тоже его увидел и с лаем кинулся за ним по-зрячему. Было хорошо слышно, как лай идет по кругу. «Это даже хорошо, что я не успел выстрелить, — подумал я. — Не успел напугать косоногого». Я чуть выдвинулся вперед от лежки в сторону гона и увидел несущегося во весь опор зайца. Он, видимо, так был напуган неожиданными событиями, погоней, что ничего и никого впереди не замечал. Он стал легкой добычей для меня. Я хлопнул его, быстро забросил в рюкзак и скорым шагом направился к дороге. Бушуй видел зайца у меня в руках, слышал выстрел, и поэтому легко сообразил, что охота по этому зверю закончена. Вслед за мной он выскочил на накатанную дорогу, дал взять себя на поводок, и мы заторопились к станции. Я даже вспотел — но не обращал на это внимания, так как прикинул: если успею на электричку, то обсохну в теплом вагоне; а если нет, то придется болтаться на станции до утра — то есть тоже буду не на улице. Я издали заметил Юдина, вышедшего вместе с другими пассажирами на платформу, и заспешил к нему. В это время из-за поворота уже показалась электричка.

— Успел! — обрадовался Александр.

— Не только, — меня распирало от гордости и удовольствия преподнести ему новость об удачной охоте, но говорить было некогда — подошел поезд.

Мы забрались в шумно распахнувшиеся двери и заняли места. В вагоне было тепло: печка под сиденьем грела. Поэтому я сразу разделся до рубашки. Потом залез в рюкзак и достав зайца (конечно того, который был поменьше), протянул его Юдину.

Продолжение. Начало в №№ 5-7.

— Взял все-таки? Молодец! — немного удивился Юдин моему подарку.

— Это не тот. Но и того, что мы не смогли взять с тобой вместе, я тоже хлопнул. Он, подлец, так напетлял, что вначале я принял его за шумового: так далеко была от него собака. Но оказалось — тот самый. Бушуй четко потом пришел по следу на место, где я его взял, — и я стал подробно рассказывать Александру, как все происходило.

Конечно, за этот сезон я приобрел опыт охоты с гончей, стал более менее понимать поведение зайца, определять его лазы и был рад, что на этот раз я в одиночку обставил Александра. Ведь в среднем я брал только каждого третьего или четвертого косога. Александр был дока в этом деле по сравнению со мной. Но все это — наживное. Собака-то моя, и никто не должен знать ее так, как я.

Одного зайца я отдал деду, обрадовав его как моей удачей, так и работой собаки. Он сильно сдал за зиму и ходил теперь только с палкой — из-за приступов головокружения; но привычек здорового мужчины оставлять не собирался.

— Сейчас, — сказал он заговорщицки, — обмоем закрытие сезона и твоих зайцев.

Он достал початый пузырь водки, закуску, и мы посидели на кухне. Теща покуражилась, как курица, — но беззлобно, больше для остротки старика.

— Саша, а ему не вредно? А то и так кое-как ходит, а туда же, за выпивку, — это она меня, как врача, спросила.

— Если в меру, то ничего не вредно. Даже наоборот: и кровь разобьет, и настроение подымет. Что киснуть? Надо жить, пока живется.

— Ты бы его в больницу, что ли, положил. Может, подлечится хоть немного, — попросила теща.

— Положим, почему не положить, — отвечал я, хотя знал, что большого проку от этого не будет. Атеросклероз, паркинсонизм — медленно прогрессирующее заболевание, не имеющее обратного хода. Деда, конечно, жалко, но семьдесят лет берут свое.

— Ничего, — не унывает старик, — Летом получше будет, еще на охоту вместе сходим, зайцев побьем.

— Сходим, чего не сходить, пока силы есть. Лес, он ведь и лечит! — я говорил, объяснял, хотя сам мало верил, что дед поправится настолько.

Как только стаял снег, мать-пенсионерка перебралась в деревню, на лето. Вскоре — на каникулы — туда отправились и дети, так что мы с отцом ездили туда по выходным.

Я брал с собой и Бушуя — но только на выходные, так как он еще и охранял дом у тещи. Ко мне пес уже привык, признавал меня, подходил, когда я звал его, находил по следам в лесу. Но характер у него был очень уж самостоятельный и независимый — и, похоже, он видел во мне больше компаньона, нежели хозяина. Подбежит, убедится, что это я, и бежит снова по своим делам, помахивая хвостом.

В лесу и на болоте, возле деревни, он гонял кого-то, но из-за высокой травы я так никого и не мог перевидать — да

и не старался, так как главным считал то, чтобы собака выбегалась и потренировалась. В этом отношении с гончей просто: зашел с ней в лес, где, предположительно, есть зайцы, спустил ее с поводка — и она знает себе гоняет. Частенько я оставлял Бушуя в лесу, а сам, спасаясь от комаров и мошкар, бежал в деревню. Пес приходил позднее по следам, в оставленную приоткрытой калитку на огород, прибежал во двор, где его уже ждала миска с едой, а потом залезал в конуру. Он был беззлобный, но ночью отдавал голос, отгоняя непрошенных гостей.

В те годы зайцев в Лосинке водилось много, и на открытие сезона я чаще стал ездить в деревню — так было проще и выгоднее. Мать все равно жила здесь до снега: собирала урожай, заготавливала на зиму продукты. Отец ездил к ней на выходные, а я с ним.

Обычно я высаживался пораньше, собирал ружье, спускал собаку и шел до дома километра три по лесу. и чаще всего приходил с добычей.

Так было и в тот раз. Я спустил Бушуя, он ушел в полаз и скоро поднял зайца; но как я ни бежал, подстраиваясь под гон, зайца так и не перехватил. Уже подмораживало, и заяц начал белеть; так что, вроде бы, его легко было перевидать — но не везло. Я шел, уже отчаявшись, и вдруг возле поваленной березки заметил какой-то белый, подзрительный чурбачок. Я стал подходить поближе — до тех пор, пока не разглядел, что это заяц. Он лежал неподвижно — но, если подождать подольше, можно было видеть, как он прыдет ушами и укладывается поудобнее — ведь где-то рядом гонял Бушуй. Я прицелился и взял зайца. Дичь есть дичь, и если из-под гона не удастся — то, видит Бог, брезговать ничем не приходится. Забросил его в рюкзак и пошел на разрезы в надежде подстрелить пролетную утку. Слегка подзадоренный удачей, я обошел разрезы, но так никого не обнаружил и пошел в сторону дома. По пути меня догнал Бушуй — усталый и вроде как послушный. «Притравлю-ка я его по зайцу, — подумал я, — лишний раз не помешает», — и, достав зайца из рюкзака, стал отрезать пазанки. Бушуй подошел поближе. Помахивая хвостом в знак понимания, и осторожно потянул носом. Видя его деликатность, я продолжал делать свое дело, совершенно не предполагая какую-либо подлость со стороны собаки, ждущей, хотя и незаслуженно, вознаграждения; но тут вдруг этот подлец выхватывает из моих рук зайца и пускается наутек! Ошарашенный и возмущенный, я грозно кричу ему: «Стоять! Отдай!» — но все без толку. Он чешет от меня, поджав хвост. От охватившей меня злости я хватаю ружье и стреляю вверх. Собака бросает зайца и отбегает в сторону, а я устремляюсь к добыче с ружьем наперевес. Но не тут-то было. Увидев, что это был просто привычный и неопасный шум, собака опережает меня и, снова схватив зайца, опять пытается с ним убежать. Тут уж моему терпению приходит конец. «Каков подлец!» — возмущаюсь я и поднимаю ружье. Конечно, убивать Бушуя я не собирался — и собака не моя, и пригодится еще, — но проучить его было просто необходимо. В стволе — «трой-

ка», ее предел убойности метров семьдесят, а для собачьей шкуры и того меньше. Главное, чтобы по глазам не попало. Выбираю момент, отпустив пса метров на семьдесят, и лулшо по нему. В этот момент я испытываю и жалость, и злость, и возмущение коварством моего компаньона. Хотя со стороны и может показаться, что так делать жестоко, но ведь воспитывают те же немцы и американцы своих собак пневматическим оружием, а с такого расстояния дробь не страшнее пульки из духового ружья.

После выстрела Бушуй бросил зайца и, как ошпаренный, сиганул вперед. Я даже испугался — неужели подранил? Подобрал добычу, я положил ее в рюкзак и направился домой. Пес подждал меня по дороге, боязливо поджав хвост.

— Ну-ка, иди ко мне, — грозно позвал я его. Он подошел, и я осмотрел его со всех сторон. Но ни царапины не обнаружил. Только после этого я успокоился. «Надо же! А ведь чуть было не застрелил пса!» — подумал я запоздало и решил больше никогда не использовать такой метод обучения, не испытывать больше судьбу, — хотя я и получил некоторое удовлетворение от такого урока. Бушуй заискивающе помахивал хвостом и трусил рядом.

Об этом случае я рассказал только Юдину, с которым охотился и которому было просто необходимо знать особенности характера нашего пса.

И это пригодилось. Как-то на охоте я подранил зайца, перебил ему ноги, но он, в горячке, почти ползком, стал уходить от меня. Зная нрав Бушуя, я побежал за зайцем. На ходу перезаряжая ружье, но запнулся и упал. «Черт! — ругнулся я. — Сейчас этот хрен собачий догонит зайца и сожрет его, а мы даже не будем знать, где!» (Стояла поздняя осень, снега еще не было, а значит — и следов на нем). Бушуй с лаем пронесся мимо меня, а я вскочил на ноги и стал прислушиваться, где оборвется гон. Тот заглох где-то справа, и я, покрикивая и свистя, пошел туда. Но, сколько ни вглядывался в поредевшие кусты и пожухлую траву, ничего не увидел. Оставалось только ждать, когда эта псина нажрется и после этого поделится с хозяином добычей — вернее, тем, что от нее останется.

Вдруг слышу голос Александра:

— Гей! Давай сюда! Он здесь!

Заяц или собака? Я не понял, но поспешил на зов прилетя.

Александр держал в руках зайца, а Бушуй держался на расстоянии, виновато виляя хвостом.

— Вот тип! — рассказывал Александр. — Я слышу выстрелы, потом гон обрывается где-то рядом. Стою, жду. Смотрю: бежит твой пес с зайцем в зубах. Остановится,

Мы, Бушуй и зайцы.

прислушается, где ты свистишь, зовешь его — и чешет в противоположную сторону, то есть прямо ко мне. Я подпустил его поближе и говорю ему, негромко так: «Молодец, Бушуй, зайца мне принес!» Он как бросит зайца с испугу и бежать. Видно обучен, знает, что воровать хозяйское нельзя!

Мы посмеялись, отдали лапы собаке и пошли дальше.

— Вот натура! — делился я с Александром по пути. — Лапы получает сразу. Потом, при разделке, имеет потроха и голову, а дома — кости. Нет, чтобы сообразить, так все и норовит наперед батьки все сожрать!

— Гончаки, они все туповатые немного. Что ты хочешь, ведь это стайные собаки, а не подружейные, как, например, легавые типа сеттера или спаниеля. Здесь кто вперед, тот и съел, — смеялся Александр.

— Ну, не все такие. Я думаю, это упущение деда, не привил с детства, что сначала хозяин, а потом только собака.

— Может и так. Ты ведь, считай, уже взрослую собаку получил, так что переучивать поздно. Хорошо, что еще гоняет. Я знаю: у некоторых и этого нет, сколько хозяева ни бьются.

— Правильно. — Мы с Юдиным были уже старые собачники и понимали друг друга в этом вопросе. — Раньше были заводы, гнезда, велась племенная работа. Было из кого выбирать. Тех же гончаков взяли: вывели в поле и — кто работает. Оставляют, а остальных в расход. На хорошую собаку деревни меняли. А нынче человек возьмет пса — и правдами-неправдами старается диплом получить и повязать скорее. С одной стороны, тоже селекция — но больше хозяев, а не собак.

Окончание следует.

**Модульная полноцветная
реклама в журнале**

1 полоса обложки модуль	50x90	25 000
4 полоса обложки модуль	50x90	17 000
в разделе "Хочешь двигаться – ищи попутчика"		
3 полоса обложки	260x200	12 000
Первый разворот	260x400	17 100
Разворот в центре	260x400	14 000
1 полоса	260x200	10 200
½ полосы	130x200;	6 100
	260x100	
¼ полосы	130x100;	4 000
	75x200	

Модульная черно-белая реклама

1 полоса	260x200	7 000
½ полосы	130x200;	4 200
	260x100	
¼ полосы	130x100;	2 500
	75x200	

Рекламная статья черно-белая

Разворот	260x400	15 000
1 полоса	260x200	7 700
½ полосы	130x200;	2 800
	260x100	

Спонсор рубрики

модуль 50x90 + колонтитул в рубрике

Материалы предоставляется до 10 числа.

Оплата производится до 15 числа.

Файлы принимаются на дискетах, CD, по E-mail в форматах

*.tif (СМУК), *. Cdr (шрифты в кривых, цвета в СМУК).

Доработка файла + 10%.

Разработка макета – оплата индивидуальная, в зависимости от уровня требуемого заказчиком дизайна.

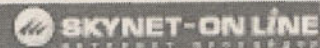
Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Адрес в Интернете: <http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Доступ в Интернет
предоставлен

**Директор редакции
Синицын Александр**

Отдел истории и краеведения
Юний Горбунов
Отдел художественной литературы
Петр Родимов
Художественный редактор, верстка
Татьяна Суворова
Отдел «Встречный ветер»
Александр Челноков
Корреспондент
Диана Четверкина
Корректор
Елена Тришкина
Дизайн, препресс обложки
Андрей Бордаков, Валерий Жуков
Отдел по работе с письмами
Анна Родимова
Отдел по связям с общественностью
Элла Синицына
Рекламная служба
ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 22-45-01

Наблюдательный совет:
Фирсов Максим Юрьевич
Спектор Семён Исаакович
Радько Виктор Васильевич
Савенко Евгений Викторович

Редакционный совет:
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Кир Булычев
Николай Никонов
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Станислав Мешавкин

**Учредитель: ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»**

Регистрационное свидетельство № 441, выдано
13.12.90 г. Министерством печати и массовой
информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы и
название журнала.

Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Цена по подписке 36 рублей.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. 22-36-62

Подписано к печати 22 июля 2002 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная. Печать
офсетная. Тираж 4500. Заказ № 714
Отпечатано в типографии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 8-2002

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

МЕДВЕЖЬЯ ЛАПА ПРИПОЛЯРЬЯ

Гора Манарага

Идем от Народной долиной реки Манараги. Слева и справа – невысокие горы, под ногами купавки, ветреница и другие, довольно красивые цветы. Вокруг редкие лиственницы высотой метров до пяти. Справа появляется одно из небольших озерков, попадавшихся нам на пути. За озерком на склоне небольшой горы – лес, более густой и высокий, чем в долине. И вдруг над вершиной горки появляется резко выделяющийся на фоне неба небольшой зубчатый гребень. Смотрим на часы, скоро должна быть Манарага.

Да, это, конечно, она — величественная Манарага — одна из красивейших гор Урала. Пожалуй, только Сабля может сравниться с ней по красоте и выразительности формы. Высокая, трапецеидальной формы, с многозубчатой вершиной, стоящая в стороне от других гор, она сразу привлекает к себе внимание. Зубья-скалы на ее вершине довольно высокие, отвесные и труднодоступные. С плеч Манараги мягким шалевым воротником спускаются два увала, образующие полуцирк у подножья горы.

Первым из известных исследователей, посетивших этот район и описавших ее, был Э.К. Гофман, руководитель северной экспедиции Русского геогра-

фического общества. Он же дал объяснение названия горы: “извилины долины открыла перед нами боковой вид на Манарагу, и тогда ее гвоздеобразный шпигель явился необыкновенно зубчатой вершиной. По этой вершине гора получила свое самоедское имя, которое, по истолкованию нашего переводчика, значит “Медвежья лапа”. При виде сбоку Манарага действительно имеет остроконечный профиль.

Река, которая течет у подножья горы, и в которую с нее стекает несколько ручьев, имеет то же название – Манарага. Начинается она у подножья Народной и впадает в Косью. Стекающие с Манараги ручьи питаются снежниками, которые хорошо видны на склонах горы и которые держатся на них иногда до конца лета.

С вершины Манараги открывается вид на долину реки с ее названием, и горы, уходящие на юг. Внизу, на фоне горного склона и долины, заходящее солнце вычерчивает зубчатый профиль горы. Народной не видно, точнее мы не можем выделить ее очертания среди соседних с ней гор. Но, Саблю, далеко на горизонте мы, кажется, различаем.

Евгений Савенко. Фото автора.

На вершине Манараги

УРАЛЬСКИЙ следопыт

**Наши окна согреют
и за Полярным кругом!**

**ОКНА
ДВЕРИ,
ЛОДЖИИ,
ФАСАДЫ,
ВХОДНЫЕ
ГРУППЫ**

**из пластика RENAU
(Германия) и АЛЮМИНИЯ**

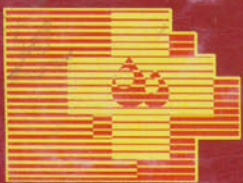
**Д. Ибаррури, 2 (ост. Крылова) пн-пт: 10⁰⁰-19⁰⁰
т. 42-42-20 сб: 9⁰⁰-17⁰⁰**

**Ясная, 28 пн-сб: 10⁰⁰-19⁰⁰
т. 12-90-12 вс: 10⁰⁰-17⁰⁰**

e-mail: zakaz@sty.ru

http://www.sty.ru

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной клинический
психо-неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЦЕНТРСНАБ
(3432) 22-45-01

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
(3432) 22-04-81